

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

6

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

6

2023

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

6

2023

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. (Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синекокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., н. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2023

Издатель: Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция», 109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Isif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2023

Publisher: Russian Academy of Sciences
 Executor under contract No. 4Y-3A-130-22 LLC "United Editorial Office",
 109028, Moscow, Podkopaevsky lane, 5, office 6
 Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049, Russia.
 Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru.
 Website: https://ons-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ДИПЛОМАТИЯ И НАУКА

Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. Право на науку в контексте деформации международного правопорядка в условиях санкций	7
Шевчук Н.В. Экспертная дипломатия в урегулировании конфликтов: Приднестровье и Молдова	20

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подчасов Н.А. Внутриполитический кризис в Болгарии (2021–2023 гг.)	33
---	----

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Никитина Е.Н., Пожилова Н.А. Последствия изменения климата: адаптационное управление для снижения глобальных рисков	48
Егереv С.В. Наименее развитые страны: ИКТ-ландшафт и возможные направления помощи	60

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гоффе Н.В. Субъективное благополучие в пространственном измерении	75
Логинов Д.М., Титов В.Н. Потребление, досуг, социальные взаимодействия: особенности образа жизни россиян в нестабильные 2020-е годы	87
Лушникова О.Л., Соколов А.С. Родной язык в условиях двуязычия: кейс Беларуси и Хакасии	105
Федотова В.А., Черкасова Е.В. Ценностные ориентации и воспринимаемая дискриминация как предикторы становления идентичности россиян	119
Рыжкова М.В., Дибров А.М., Кашапова Э.Р., Костромина А.Е. Когнитивные искажения в поведении непрофессионального инвестора	134

CONTENTS

DIPLOMACY AND SCIENCE

- Shugurov M., Pechatnova Y.** The Right to Science in the Context of the Deformation of the International Law-Order under Sanctions 7
- Shevchuk N.** Expert Diplomacy in Conflict Settlement: Transdnistria and Moldova 20

EUROPEAN STUDIES

- Podchasov N.** Internal Political Crisis in Bulgaria (2021–2023) 33

GOVERNANCE PROBLEMS

- Nikitina E., Pozhilova N.** Consequences of Climate Change: Adaptive Governance for Global Risks Reduction 48
- Egerev S.** The Least Developed Countries: ICT Landscape and Possible Directions of Support 60

SOCIAL STUDIES

- Goffe N.** Spatial Dimension of Subjective Well-Being 75
- Loginov D., Titov V.** Consumption, Leisure, Social Interactions: the Features of Russians' Lifestyle in the Unstable 2020s 87
- Lushnikova O., Sokolov A.** Native Language in Conditions of Bilingualism: the Case of Belarus and Khakassia 105
- Fedotova V., Cherkasova E.** Individual Values and Perceived Discrimination as Predictors for the Formation of the Russian Identity 119
- Ryzhkova M., Kashapova E., Dibrov A., Kostromina A.** Cognitive Biases in Behavior of Nonprofessional Investor 134

УДК 341.231.14

DOI: 10.31857/S0869049923060011
EDN: MTEOMI

ДИПЛОМАТИЯ И НАУКА DIPLOMACY AND SCIENCE

Оригинальная статья/ Original article

Право на науку в контексте деформации международного правопорядка в условиях санкций¹

© М.В. ШУГУРОВ, Ю.В. ПЕЧАТНОВА

Шугуров Марк Владимирович, Саратовская государственная юридическая академия (Саратов, Россия), shugurovs@mail.ru. ORCID: 0000-0003-3604-3961

Печатнова Юлия Вадимовна, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), jp_0707@mail.ru.

Односторонние секторальные «научные санкции» Запада представляют собой масштабное явление в современных международных отношениях. Дана оценка ограничительных мер в сфере международного научного сотрудничества, представлен анализ способов обеспечить международно признанное право человека на науку в условиях санкций. Обосновано новое направление правозащитной деятельности. Сделано заключение, что антироссийские ограничительные меры в сфере международного научного сотрудничества нарушают базовое право на науку. Сформулирован вывод о том, что активными субъектами экстерриториальных нарушений данного права становятся научные учреждения. Усложнение санкционного режима в научной сфере, включая введение горизонтальных и вертикальных ограничительных мер, свидетельствует об использовании науки в геополитических целях.

Ключевые слова: право на науку, свобода научных исследований, международное научное сотрудничество, научные санкции, международное право

Цитирование: Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. Право на науку в контексте деформации международного правопорядка в условиях санкций // Общественные науки и современность. 2023. № 6. С. 7–19. DOI: 10.31857/S0869049923060011, EDN: MTEOMI.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296 (<https://rscf.ru/project/23-28-01296/>).

Funding. The reported study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, No. 23-28- 01296 (<https://rscf.ru/project/23-28-01296/>)

The Right to Science in the Context of the Deformation of the International Law-Order under Sanctions

© M. SHUGUROV, Yu. PECHATNOVA

Mark Shugurov, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia), shugurovs@mail.ru. ORCID: 0000-0003-3604-3961

Yulia Pechatnova, Altai State University (Barnaul, Russia), jp_0707@mail.ru

Abstract. The paper assesses restrictive measures in the field of international scientific cooperation. The authors consider unilateral sectoral «science sanctions» as a large-scale phenomenon in modern international relations; analyze how the internationally recognized human right to science is ensured under sanctions conditions; substantiate a new direction of human rights activities. It is concluded that anti-Russian restrictive measures in the field of international scientific cooperation violate the basic right to science. The conclusion is formulated that scientific institutions become active subjects of extraterritorial violations of this right. The complication of the sanctions regime in the scientific sphere, including the introduction of horizontal and vertical restrictive measures, indicates the use of science for geopolitical purposes. The novelty of the study lies in the conceptualization of the deformations of the international legal order in the field of human rights as a result of the negative consequences of unilateral restrictive measures in the field of science.

Keywords: right to science, academic freedom, international scientific cooperation, scientific sanctions, international law

Citation: Shugurov M., Pechatnova Yu. The Right to Science in the Context of the Deformation of the International Law-Order under Sanctions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 7–19. DOI: 10.31857/S0869049923060011, EDN: MTEOMI.

Ключевым проявлением современных геополитических потрясений стал беспрецедентный массив антироссийских санкций, введенных в одностороннем порядке. Они включают ограничения в отношении и российской науки в целом, и контактов России в международном научном сообществе. Подобные требования с подачи представителей научной журналистики стали именовать «научными санкциями» (science sanctions)². В дискуссиях, посвященных их обоснованности и результатам использования, совершенно не обсуждается следующая коллизия: применение специфических инструментов давления на то или иное государство и одновременное обеспечение международно признанных прав человека, в частности, права на науку. Подобного рода противоречия имеют место при введении экономических и научных санкций в отношении ряда стран (Ирак, Судан, Венесуэла, Северная Корея, Иран и т. д.). Россия здесь не исключение.

Практика применения многочисленных односторонних и многосторонних торговых, экономических, технологических и научных санкций, легитимность которых представляет серьезную международно-правовую проблему, свидетельствует о значимых деформациях в современном международном правопорядке. В результате подобных ограниче-

² Mitchell N. Science Sanctions against Russia: Time for a Reappraisal? 13 Sept 2022 (<https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20220913115708733>).

ний наносится ущерб науке государства, в отношении которого их применяют (targeted state), степени его интеграции в международные научные связи, и нарушаются права человека на науку. Современный международный правопорядок, основанный на принципах международного права *jus cogens*, включая принцип всеобщего уважения и соблюдения прав человека, расшатывается.

Цель настоящей статьи – проанализировать, как в условиях санкционного давления в сфере международного научного сотрудничества соблюдают международно признанные права человека на науку. Секторальные односторонние ограничительные меры в области науки рассмотрены как масштабный феномен международных отношений в XXI в. Задача исследования – оценить правовой аспект воздействия научных санкций, а также обосновать новое направление правозащитной проблематики, включая формирование концептуальных представлений о деформации международного правопорядка в области прав человека, которая происходит при введении односторонних ограничительных мер в отношении международного научного сотрудничества.

Масштабирование односторонних ограничительных мер в сфере науки как феномен XXI в.

Как отмечает Международный научный совет, в настоящее время учреждения, которые финансируют или проводят научные исследования, сталкиваются с рядом затруднений в своей работе, связанных с финансовыми вопросами, сложностями транснационального сотрудничества, политическим вмешательством, а в некоторых случаях и с последствиями вооруженных конфликтов и гуманитарных катастроф³. Проблемы в сфере международного научного сотрудничества, несмотря на все современные положительные изменения (например, в правовом регулировании), подчас приобретают большую остроту, чем в период холодной войны.

Сформирована обширная предметная область отечественных и зарубежных исследований, которые сфокусированы на санкциях в отношении научных комплексов стран, против которых они вводятся [Bazaliy, Garaschuk, Gogotsi, Anisimov, Kvit, Zagorodny 2023; Фокин 2022; Ханин 2022; Gordin 2022; Butler 2019; Bezuidenhout, Karrar, Lezaun, Nobes 2019]. Их авторы считают, что выделение научных санкций в качестве секторальных вписывается в общую логику применения экономических и политических санкций для ограничения разных сфер деятельности государств, в частности, образования, здравоохранения, культуры [Hwami 2021; Shahabi, Fazlalizadeh, Stedman, Chuang, Shariftabrizi, Ram 2015; Dricoll 2010], а также снижения уровня жизни населения [Afesorghor 2016]. Кроме того, исследователи утверждают, что экономические и торговые санкции неблагоприятно воздействуют на окружающую среду [Fu, Chen, Chyi-Lu, Chang 2020, 40–45].

Вслед за Э. Моретом следует отметить возникновение гуманитарных последствий экономических санкций, в частности, их негативное воздействие на здоровье людей [Moret 20156, 121]. Сложности в проведении исследований и разработок⁴ под влиянием санкций – это тоже гуманитарное последствие. Если экономические санкции в основном действуют на научный сектор целевых стран косвенно, то научные оказывают на него непо-

³ Современный взгляд на свободную и ответственную научную практику в XXI в. Краткое изложение дискуссионной статьи Комитета Международного научного совета по свободе и ответственности в науке (декабрь 2021 г.). С. 5. (https://council.science/wp-content/uploads/2020/06/2021-12-08-CFRS-executive-summary_RU_final.pdf).

⁴ Mansouri R. Impact of Sanctions Regime on Science and Scientists. 22 Feb 2018. (http://rmansouri.ir/wp-content/uploads/2019/01/SSPME-_Qatar_2018.pdf).

средственное влияние. Из-за научной изоляции того или иного государства страдает не только его научно-технологический, но и человеческий потенциал, который обеспечивает способность к накоплению научных знаний и их использованию. Попадавшие под санкции страны принимают определенные меры для уменьшения негативных последствий, например, усиливают поддержку национального исследовательского сектора, ищут новые направления для развития международного научного сотрудничества и т. д.

Введенные западными странами в отношении России научные санкции нацелены на изоляцию российской науки за счет нарушения институциональных международных связей. Негативные последствия таких ограничений вполне можно отнести к гуманитарным [Moiseienko 2022]. Санкции, не имеющие гуманитарных последствий, – это нонсенс⁵, хотя результаты некоторых социологических опросов могут вводить в заблуждение. Согласно отчету, подготовленному российско-американской группой социологов, значительная часть населения России в той или иной степени обеспокоена санкциями, но с их негативными последствиями сталкиваются немногие – банки, крупный бизнес и т. д.⁶ Иными словами, предпринята попытка доказать, что введенные против России ограничения не имеют негативных гуманитарных последствий. Однако очевидно, что они опосредованно сказываются на всем населении, а значит, имеют гуманитарную составляющую. В случае приостановки международного научного сотрудничества это тем более очевидно.

Хроника событий, связанных с замораживанием либо отменой научного сотрудничества с Россией со стороны европейских партнеров, а также представителей других стран (США, Канада, Австралия) на уровне университетов и научно-исследовательских центров, уже получила детальное освещение в научной литературе [Шугуров, Серебряков, Печатнова 2022] и специальных обзорах⁷. В зарубежной экспертной среде отношение к антироссийским научным санкциям неоднозначно: наряду с «ястребами» есть и группы с умеренными взглядами и даже ученые, настаивающие на продолжении сотрудничества, несмотря на геополитические катаклизмы⁸.

Оценка мер по изоляции российской науки позволяет утверждать, что российские ученые, которые интегрированы в совместные программы и проекты с зарубежными партнерами, а также зависят от поставок реактивов и научного оборудования или работы которых активно публиковались за рубежом, могут быть отнесены к уязвимой категории, права которой в сфере научной деятельности нарушены. Исследователи, составляющие указанную группу, остро переживают санкции вплоть до субъективно ощущаемого экзистенциального кризиса⁹, то есть налицо нарушение прав человека.

Однако на фоне внимания к порядку введения научных санкций, анализу их в качестве меры воздействия на российскую науку и ее участие в международном научном сотрудничестве рассмотрение данной проблемы в рамках дискурса прав человека, права человека на науку остается в тени. Редким исключением стало исследование А. Боджо, которое

⁵ Palaniappa S. Sanctions without Humanitarian Implications – An Impossible Feat (2013). (<https://stars.library.ucf.edu/honorsthesis1990-2015/1538>).

⁶ Sullivan E., Smeltz D. Few Russians Anxious about Western Sanctions. 23 Jan 2023. (<https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/few-russians-are-anxious-about-western-sanctions>).

⁷ См., например: Merz M. Sanctioning Russia's Science Community: at What Cost? 17 June 2022. (<https://globalriskinsights.com/2022/06/sanctioning-russias-science-community-at-what-cost/>).

⁸ Science/Business Survey: Most European Researchers Support Science Sanctions on Russia. 27 Oct 2022. (<https://sciencebusiness.net/news/sciencebusiness-survey-most-european-researchers-support-science-sanctions-russia>).

⁹ Science has not Noticed the Loss of Russia. 24 Feb 2023. (<https://www.t-invariant.org/2023/02/scientists-opinions-first-en/>).

посвящено обсуждению обоснованности научных санкций ЕС в отношении российского научного сектора в целом и исследователей, работающих в сфере ОПК¹⁰, в частности.

Суть проблемы заключается в том, что введенные научные санкции не представляют собой меры воздействия вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения и тем более нарушения Россией своих обязательств в области международного научного сотрудничества. Цель тут иная. Как поясняют зарубежные авторы, «решение о разрыве связей с российскими учеными было принято, чтобы заставить российское правительство осознать стратегические последствия академической изоляции страны. Это также было сделано для того, чтобы предотвратить попадание конфиденциальной информации, касающейся инновационных направлений исследований, в руки правительства, которое сейчас считают ненадежным»¹¹. Проще говоря, нанесение ущерба российской науке, которая сегодня интегрирована в мировую, рассматривают как средство воздействия на российские политические круги в связи с российско-украинским конфликтом. Казалось бы, на Западе антироссийские научные санкции могут воспринимать как вполне законную меру. Однако реальной мишенью оказываются конкретные ученые – бенефициары права на науку. Поэтому с точки зрения прав человека санкционные меры утрачивают легитимность, что ставит вопрос об обоснованности нарушения данного права и, соответственно, побуждает искать механизм его защиты.

Научные санкции и право на науку

Необходимо подчеркнуть, что за прошедшие несколько лет внимание к праву на науку, предусмотренному ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП), а также к гарантиям его соблюдения и механизм защиты заметно возросло [Хмелевская 2020; The Right to Science... 2022; Larsen 2022; Kansra 2020; Wyndham, Vitullo 2018], причем как со стороны ученых, так и правозащитного сообщества¹². Полагаем, что шквал научных санкций создает предпосылки для осмысления данной категории на новом уровне.

Право на науку – это комплексное правовое явление, которое представлено двумя нормативными подсистемами. Речь идет, во-первых, о праве человека на участие в научно-техническом прогрессе, на пользование его результатами и на их практическое применение (human right to enjoy the benefits of scientific progress and its applications, далее – REBSP) (п. 1(b) ст. 15 МПЭСКП) [Пастухова 2022; Хмелевская, Зименкова 2019; Matsuura 2013], во-вторых, имеется в виду право на свободу научных исследований, предусмотренное в формулировке п. 3. ст. 15 МПЭСКП об обязательстве государств «уважать свободу, безусловно, необходимую для научных исследований и творческой деятельности» [Шугуров 2015]. Свобода научных исследований составляет ядро правового статуса научных работников, тогда как REBSP неотъемлемо принадлежит всем людям, не исключая самих исследователей [Claude 2002, 250]. На единство REBSP и свободы исследований указано в широко известном докладе 2012 г. Специального докладчика ООН по культурным пра-

¹⁰ Boggio A. The EU Boycott of Russian Scientists and the Right to Science in the Shadow of Ukraine's Invasion. 6 Feb 2023. (<https://www.ejiltalk.org/the-eu-boycott-of-russian-scientists-and-the-right-to-science-in-the-shadow-of-ukraines-invasion/>).

¹¹ Delards O. et al. (2022) Concerns about Academic Freedom Caused by the Russia-Ukraine War. EMBO Reports 23: e55079. April 2022. (<https://www.embopress.org/doi/pdf/10.15252/embr.202255079>).

¹² Larsen P.B., Pamintuan M. (2022) The Human Rights to Science: from Fragmentation to Comprehensive Implementation. Research Paper № 163. (<https://www.econstor.eu/bitstream/10419/270390/1/1816867586.pdf>)

вам¹³. В п. 25 доклада выделены следующие элементы нормативного содержания права на науку: а) доступ к благам науки для каждого человека без какой-либо дискриминации; б) возможность для всех вносить свой вклад в научную деятельность, а также свобода научных исследований; в) участие отдельных лиц и сообществ в принятии решений; г) создание благоприятных условий, способствующих сохранению, развитию и распространению науки и технологий. В силу сопряжения научно-исследовательской и образовательной деятельности достаточно четко обозначена зависимость между правом на науку и правом на образование, предусмотренная ст. 13 МПЭСКП. Особенно тесно связаны свобода научных исследований и академические свободы. Последние толкуют расширительно, и научные свободы в них включены¹⁴.

Первые шаги в осмыслении проблемы права на науку в условиях научных санкций уже сделаны. В частности, зарубежные исследователи отмечают, что «академические бойкоты нарушают свободу исследователей и сдерживают прогресс. Свободный обмен идеями независимо от вероисповедания необходим для оптимизации глобального научного прогресса» [Kokabisaghi, Miller, Bashar, Salesi 2019, 6]. Это весьма важный вывод, который показывает, что проблематика научных санкций теснейшим образом связана с парадигмой открытой науки и вопросом об академических свободах как условии прогресса науки и образования. Следовательно, научные санкции не только приводят к нарушению прав человека, но и тормозят научный прогресс, усиливают глобальный научно-технический диспаритет. Между тем негативное воздействие на право на науку оказывают не только собственно научные санкции, но и санкции экономические – в силу их тесного переплетения. Иранские исследователи Х. Эсмаили и Б. Атайе-Аштиани критикуют введение экономических санкций именно с точки зрения их воздействия на науку, защиты принципа академических свобод и свободы научных исследований [Esmaili, Ataie-Ashtiani 2021]. Они подчеркивают, что в условиях санкций указанные свободы надо отстаивать при опоре на национальное и международное право [Ibid., 10].

Всемирная медицинская ассоциация (WMA) описывает академические санкции или бойкоты как дискриминационные ограничения «профессиональных и научных свобод, которые лишают или исключают врачей и других лиц из образовательных, культурных и научных встреч и иных возможностей для обмена информацией и знаниями» [Mousavi, Jokar, Mohammadi 2015, 151]. В данном случае предпринимается попытка определить академические бойкоты через указание на ущемление прав лиц, участвующих в международном сотрудничестве.

Научные санкции и универсальные правозащитные структуры

В июле 2022 г. эксперты ООН по правам человека выразили озабоченность по поводу распространения односторонних санкций на научные исследования и публикации после сообщений о дисквалификации академических исследований, представленных авторами

¹³ Report of the Special Rapporteur in the Field of Cultural Rights (Farida Shaheed) The Right to Enjoy the Benefits of Scientific Progress and Its Applications // A/HRC/20/26. 14 May 2012. (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G12/134/93/PDF/G1213493.pdf?OpenElement>).

¹⁴ Так, согласно п. (а) документа Лиги европейских исследовательских университетов академическая свобода рассматривается в трех аспектах: право на свободу выражения для членов академического сообщества (как сотрудников, так и студентов), включая свободу учиться, свободу преподавания, свободу исследований и информации, свободу выражения и публикации (включая «право на ошибку»). League of European research universities (LERU). Challenges to academic freedom as a fundamental right. Advice paper. Apr 2023. (https://www.leru.org/files/Publications/2023.04.28_Challenges-to-academic-freedom-as-a-fundamental-right.pdf).

из стран, на которые распространяются санкции¹⁵. Однако предмет их озабоченности гораздо шире, так как односторонние санкции угрожают академической свободе. Внимание экспертов привлекло Руководство по определенным видам издательской деятельности 2016 г.¹⁶, опубликованное Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC). В нем содержится достаточно расплывчатое толкование критериев разрешенной издательской деятельности и рекомендовано с осторожностью относиться к материалам из государств, которые находятся под санкциями. Некоторые издательства, а также их редакторы и рецензенты излишне «добросовестно» соблюдают положения этого документа, не желая нести ответственность за публикацию «сомнительных» работ. В результате ученым из указанных стран стало невозможно опубликовать свои статьи и книги в США. Данная ограничительная мера представляет собой отказ рецензировать работы, а значит, и невозможность публикации результатов исследований ученых из подсанкционных стран.

В рассмотренном случае нарушается такой элемент права на науку, как свободное распространение результатов научных изысканий в виде работ, охраняемых авторским правом. Впрочем, здесь имеет место и нарушение права других исследователей на доступ к научной информации, к результатам, которые нашли свое выражение в научных трудах. По мнению экспертов, подобная практика несовместима с международными нормами и стандартами в области прав человека, включая основополагающий принцип недискриминации, права на свободу мысли, свободу выражения мнений, а также права на образование и права каждого пользоваться научным прогрессом, в том числе за счет возможности внести свой вклад в науку и научные исследования.

Проблему, затронутую экспертами Совета по правам человека, можно продемонстрировать на примере антироссийских научных санкций. В частности, в рамках Европейской организации по ядерным исследованиям (CERN) по результатам экспериментов на Большом адронном коллайдере публикуются статьи, в которых обычно указывают всех участников тех или иных проектов. С марта 2022 г. некоторая часть исследователей выступила против соавторства с российскими учеными. Приостановлена и публикация работ, которые российские авторы направили в европейские научные журналы¹⁷. Разумеется, тотального бойкота российских ученых в издательской сфере нет: многое зависит от политики издательств. Например, согласно политике издательского дома «Elsevier», оценку интеллектуального содержания рукописей следует проводить без учета расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных верований, национальности, гражданства или политической философии авторов¹⁸.

Односторонние ограничительные меры в сфере издательской деятельности нарушают право на выражение своего мнения, которое следует рассматривать как элемент свободы исследований. Опубликованные работы не только представляют собой форму распространения научной информации, но и форму обмена знаниями, без которого прогресс науки невозможен. С другой стороны, отказ в публикации чреват нарушением права на доступ

¹⁵ Unilateral sanctions threaten scientific research and academic freedom: UN experts. 7 July 2022 (<https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/07/unilateral-sanctions-threaten-scientific-research-and-academic-freedom-un>).

¹⁶ U.S. Department of the treasury office of foreign assets control. Guidance on Certain Publishing Activities. (https://www.elsevier.com/_data/assets/pdf_file/0017/220427/guidance_on_certain_publishing_activities.pdf).

¹⁷ Петраки Э. Раскол среди ученых: как конфликт на Украине мешает физике. The Guardian: в ЕС до сих пор отказываются публиковать статьи российских ученых. 23 января 2023. (<https://inosmi.ru/20230123/nauka-259976748.html>).

¹⁸ Веденеева Н. «Расприглашение» российской науки: как санкции Запада ударили по ученым. 3 марта 2022. (<https://www.mk.ru/science/2022/03/03/raspriglasenie-rossiyskoy-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-uchenym.html>).

к научной информации и научным знаниям, а это уже нарушение одного из нормативных элементов права на науку в целом, а также REBSP и свободы исследований. Впрочем, указанные нарушения становятся реальностью и в случае создания барьеров на участие в международных конференциях.

Свобода научных исследований под прессом научных санкций: международно-правовое измерение

Итак, ограничительные меры в области права на науку касаются прежде всего свободы научных исследований и ее компонентов. В качестве последних Международный научный совет выделяет: свободу передвижения, свободу собраний, свободу выражения мнений и общения, а также свободу доступа к данным и информации. С точки зрения предмета нашего исследования важное значение имеет раздел «Общие обязательства» документа «Замечания общего порядка № 25 о науке и экономических, социальных и культурных правах» (далее – ЗОП № 25), выпущенного Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) в 2020 г.¹⁹ Пункт 42 данного раздела поясняет, что «обязательство уважать» требует от государства-участника воздерживаться от прямого или косвенного посягательства на права, связанные с указанными свободами. В качестве примера данной категории обязательств отмечена необходимость устранять разнообразные барьеры. В нашем случае следует обратить внимание на такие действия в составе «обязательства уважать», как недопущение создавать препятствия и устранение препятствий для международного научного сотрудничества. В случае антироссийских санкций такие препятствия как раз и создают, причем не только правительства, но и научные институты.

Обратимся к характеристике «обязательства защищать». В п. 42 ЗОП № 25 это обязательство толкуют как требование к государствам не допускать посягательства со стороны любого лица или субъекта на право на участие в научном прогрессе и его практическом применении и на пользование их результатами, например, препятствовать доступу к знаниям или проводить дискриминацию по признаку пола, сексуальной ориентации или гендерной идентичности либо в силу других обстоятельств. В случае антироссийских санкций правительства европейских стран, а также правительства стран из других регионов не только не препятствуют дискриминации российских ученых, исключая их из институционального международного сотрудничества, но, напротив, рекомендуют университетам и научным центрам прекращать сотрудничество на уровне программ, проектов или договоров, заключенных с российскими учеными и преподавателями.

Если иметь в виду обязанность «осуществлять», то согласно п. 45 ЗОП № 25, государства, помимо прочего, должны обеспечивать участие исследователей в программах международного сотрудничества и их надлежащее финансирование. В случае с Россией, напротив, создаются условия, чтобы сделать невозможным участие российских ученых в международном сотрудничестве с государствами и находящимися под их юрисдикцией учреждениями, которые прибегают к односторонним ограничительным мерам.

Обратим внимание на то, что научные санкции противоречат не только принципу всеобщего уважения и соблюдения права человека, но и правилам международного науч-

¹⁹ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 25 (2020) о науке и экономических, социальных и культурных правах (пункты 1 b), 2, 3 и 4 статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах // E/C.12/GC/25 (30 апреля 2020 г.). (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G20/108/14/PDF/G2010814.pdf?OpenElement>).

ного сотрудничества, таким как недискриминация, равноправие, взаимная выгода. Ущерб наносится и другому основному международно-правовому принципу – добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Участие российских ученых в международном сотрудничестве предусмотрено международными договорами, большинство из которых остаются действующими. Исключение составляет межправительственное Соглашение о научно-техническом сотрудничестве с Польшей 1993 г.²⁰, которое прекратило свое действие 3 мая 2023 г.²¹

Одностороннее прекращение договорных отношений в сфере международного научного сотрудничества также вполне можно рассматривать как нарушение утвержденных на международном уровне прав человека. Здесь надо указать на еще один ряд обязательств государств, в частности, принимать меры для охраны, развития и распространения достижений науки (п. 2 ст. 15 МПЭСКП), а также поощрять международные контакты и сотрудничество в научной области, поскольку государства-участники соглашений признают пользу, извлекаемую из развития такого взаимодействия (п. 4 ст. 15 МПЭСКП).

С точки зрения предмета статьи антироссийские санкции предстают как регрессивные меры, которые приносят ущерб глобальной науке. Иными словами, государства, вводящие санкции против науки, допускают вмешательство в права российских ученых и тем самым наносят ущерб праву человека на науку. Этот вывод опирается на п. 83 ЗОП № 25, согласно которому государства несут экстерриториальные обязательства в отношении полной реализации права на науку – права, которое выражается, в частности, в заключении международных соглашений, а также в совместном участии государств в международных организациях. Однако если эти соглашения не выполняются в одностороннем порядке, можно утверждать, что российские ученые, затронутые санкциями, попадают под нарушение всех положений ст. 15 МПЭСКП, касающихся науки и научного сотрудничества. Более того, поскольку в современном дискурсе науку и научные знания рассматривают как составную часть культуры, а само право на науку как разновидность права на культуру [Porsdam 2022, 34–54], то происходит и нарушение права на участие в культуре, предусмотренное в п. 1(а) ст. 15 МПЭСКП.

Надо иметь в виду, что нарушителями в данном случае выступают зарубежные государства, а также находящиеся под их юрисдикцией научные учреждения, которые, как известно, располагают высокой степенью автономии. Европейские страны, применяющие антироссийские научные санкции, в то же время более или менее последовательно стремятся содействовать академическим свободам на национальном уровне [Beiter, Karran, Appiagyei-Atua 2016]. Таким образом, налицо двойные стандарты.

Как отмечено в п. 13 ЗОП № 25, для процветания и развития науки необходима надежная защита свободы исследований, однако подчеркнуто, что такая свобода не может быть абсолютной. Комитет в п. 21 исходит из того, что на практике вполне могут потребоваться некоторые ограничения, т. к. наука и ее практическое применение иногда затрагивают экономические, социальные и культурные права человека. Однако в любом случае ограничения должны соответствовать требованиям ст. 4 МПЭСКП, то есть, во-первых, применяться

²⁰ Соглашение между Правительствами Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (Варшава, 25 августа 1993 г.). (<https://www.intermedia.ru/uploads/cfad50.pdf>).

²¹ Официальное сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации (О прекращении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в области науки и техники, подписанного в Варшаве 25 августа 1993 г.). (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305110010>).

на основе закона и преследовать законную цель; во-вторых, способствовать общему благу и быть необходимыми; в-третьих, соответствовать природе ограничиваемого права. Легитимные ограничения не должны противоречить минимальным основным обязательствам государств применительно к праву на науку и должны быть соразмерными преследуемой цели. Бремя, налагаемое на соответствующее право, не может перевешивать выгоды, которые связаны с ограничением. Конечно, возможны исключительные обстоятельства, когда регрессивные меры неизбежны, однако государство в любой ситуации обязано гарантировать, что такие меры необходимы и соразмерны.

Согласно модели научных санкций в отношении России, которой придерживаются Евросоюз и его государства-члены, а также другие страны, допускается неинституциональное сотрудничество в форме межличностных коллабораций либо участие российских исследователей в проектах и программах ЕС в личном качестве, то есть без привязки к российским научным учреждениям²². Естественно, такое участие имеет локальное, остаточное значение и не может быть подведено под критерии полного и эффективного соблюдения права на науку. Основополагающая интенция данной, по сути, смешанной модели вызывает возражения с точки зрения концепции права на науку. Дело в том, что в качестве условия продолжения сотрудничества постулируют действие в форме публичных заявлений о несогласии с политикой правительства, то есть выраженной антиправительственной позиции со стороны российских ученых, что неприемлемо. Выдвижение подобных условий есть не что иное как принуждение, а это противоречит самой сущности научной свободы.

* * *

В заключение необходимо подчеркнуть, что прекращение институционального и индивидуального международного научного взаимодействия с западными странами, когда российские участники вполне добросовестно исполняют свои обязательства в рамках правил финансирования проектов, не соответствует ни правовому порядку в сфере международного научного сотрудничества, ни международным принципам соблюдения прав человека. Санкционные ограничения, представляющие собой меры внешнего давления на российских ученых и научные учреждения с целью принудить их следовать прозападным политическим и идеологическим установкам, целесообразно рассматривать как нарушение свободы исследований. Оно может привести к поляризации мирового научного сообщества, тем более что отсутствует практика размежевания действий правительства и действий отдельных исследователей, которая соответствовала бы букве и духу международного права и правам человека. Введение горизонтальных ограничительных мер по линии научных учреждений, дополняющее односторонние ограничительные меры на межгосударственном уровне, показывает, что активными субъектами, от которых исходит экстерриториальное нарушение права на науку, становятся научные учреждения.

В отсутствие специального механизма защиты нарушенных прав человека на науку способом компенсации потерь, обусловленных разрывом международных научных связей, может стать активная государственная научно-техническая политика России по усилению поддержки российской науки и стимулированию международного сотрудничества по направлениям, которые не затронуты санкциями.

²² Horizon Europe (HORIZON) Programme Guide, Version 3.0. 1 Apr 2023. P. 15. (https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/docs/2021-2027/horizon/guidance/programme-guide_horizon_en.pdf).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Пастухова Л.В. (2022) Право на доступ к научным знаниям: международно-правовая регламентация и обеспечение // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 8. № 3. С. 56–67.

Pastukhova L.V. (2022) Pravonadostup k nauchnym znaniyam: mezhdunarodno-pravovaya reglamentaciya i obespechenie [The Right to Access Scientific Knowledge: International Legal Regulation and Provision]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. vol. 8, no. 3, pp. 56–67. (In Russ.)

Фомкин Ф.С. (2022) Российская наука в период санкций // Respublica Literaria. № 3. С. 106–117. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106–117

Fomkin F.S. (2022) Rossijskaya nauka v period sankcij [Russian Science During the Period of Sanctions]. *Respublica Literaria*. no. 3, pp. 106–117. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106–117 (In Russ.)

Ханин Г.И. (2022) Российская наука в период санкций в свете проблемы модернизации российской экономики // Управление наукой: теория и практика. № 3. С. 69–84. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.6

Khanin G.I. (2022) Rossijskaya nauka v period sankcij v svete problemy modernizacii rossijskoj ekonomiki [Russian science during the period of sanctions in the light of the problem of modernization of the Russian economy]. *Upravlenie Naukoj: Teoriya i Praktika*. no. 3, pp. 69–84. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.6 (In Russ.)

Хмелевская С.А. (2022) Право на науку: взгляд через оптику философии науки // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. Т. 22. С. 120–132.

Khmelevskaya S.A. (2022) Pravo na nauku: vzglyad cherez optiku filosofii nauki [The Right to Science: a Look Through the Optics of the Philosophy of Science]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. vol. 22, pp. 120–132. (In Russ.)

Хмелевская С.А., Зименкова Н.Н. (2019) Право участия в научном прогрессе и пользование его благами: философско-правовые размышления // Пробелы в российском законодательстве. № 5. С. 183–188.

Khmelevskaya S.A., Zimenkova N.N. (2019) Pravouchastiya v nauchnom progresse i pol'zovanie ego blagami: filosofsko-pravovye razmyshleniya [The Right to Participate in Scientific Progress and Enjoy its Benefits: Philosophical and Legal Reflections]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. no. 5, pp. 183–188. (In Russ.)

Шугуров М.В. (2015) Международно-признанное право человека на свободу научных исследований и российское законодательство // Современное право. 2015. № 10. С. 149–157.

Shugurov M.V. (2015) Mezhdunarodno-priznannoe pravo cheloveka na svobodu nauchnyh issledovaniy i rossijskoe zakonodatel'stvo [Internationally Recognized Human Right to Freedom of Scientific Research and Russian Legislation]. *Sovremennoe pravo*. no. 10, pp. 149–157.

Шугуров М.В., Серебряков А.А., Печатнова Ю.В. (2022) Международное научно-исследовательское сотрудничество России в условиях масштабирования санкций: характеристика институциональных разрывов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 4–3. С. 235–244. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244

Shugurov M.V., Serebryakov A.A., Pechatnova Yu.V. (2022) Mezhdunarodnoe nauchno-issledovatel'skoe sotrudnichestvo Rossii v usloviyah masshtabirovaniya sankcij: harakteristika institucional'nyh razryvov [International Research Cooperation of Russia in the Context of Scaling Sanctions: Characterization of Institutional Gaps]. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. no. 4–3, pp. 235–244. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244 (In Russ.)

Afesorghor S.K. (2016) The Impact of Economy Sanctions on Income Inequality of Target States. *World Development*. vol. 83, no. 7, pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.03.015

Bazaliy Y., Garaschuk O., Gogotsi Y., Anisimov I., Kvit S., Zagorodny A. (2023) Ukraine: don't Relax Scientific Sanctions against Russia. *Nature*. vol. 615. no. 7950, p. 34. DOI:10.1038/d41586-023-00554-8

Beiter K.D., Karran T., Appiagyei-Atua K. (2016) Academic Freedom and its Protection in the Law of European States. Measuring an International Human Rights. *European Journal of Comparative Law and Governance*. no. 3, pp. 254–345. DOI: 10.1163/22134514-00303001

Bezuidenhout L., Karrar O., Lezaun J., Nobes A. (2019) Correction: Economic Sanctions and Academia: Overlooked Impact and Long-term Consequences. *PLOS ONE*. vol. 14, no. 11: e0225277. DOI: 10.1371/journal.pone.0222669

Butler D. (2019) How US Sanctions are Crippling Science in Iran. *Nature*. vol. 574, no. 7776, pp. 13–14. DOI: 10.1038/d41586-019-02795-y

Claude R. (2002) Scientists' Rights and the Human Rights to the Benefits of Science // In: Chapman A., Russell S. Core Obligations: a Framework for Economic, Social and Cultural Rights. Antwerpen: Intersentia, pp. 247–278.

Dricoll D.D. (2010) Economic Sanctions and Culture. *Defense and Peace Economies*. vol. 22, no. 3, pp. 423–448.

Esmaeili H., Ataie-Ashtiani B. (2021) The Autonomy of Science as a Civilian Casualty of Economic Warfare: Inadvertent Censorship of Science Resulting from Unilateral Economic Sanctions. *Science and Engineering Ethics*. vol. 27. Article number: 49. DOI: 10.1007/s11948-021-00321-w

Fu Q., Chen Y., Chyi-Lu J., Chang Ch.-P. (2020) The Impact of International Sanctions on Environmental Performance. *Science in the Total Environment*. vol. 15, no. 4, pp. 38–62.

Gordin M.D. (2022) A Century of Science Boycotts. *Nature*. vol. 606, no. 7912, pp. 27–29. DOI:10.1038/d41586-022-01475-8

Hwami M. (2021) A Comparative Scoping Review of the Impact of International Economic Sanctions on Education. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, vol. 52, no. 2, pp. 1–17. DOI: 10.1080/03057925.2020.1846120

Kansra D. (2020) Advancing the Human Right to Science under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. *RMLNLU Law Review*. vol. XI, pp. 1–12.

Kokabisaghi F., Miller A., Bashar F., Salesi M. (2019) Impact of United States political sanctions on international collaborations and research in Iran. *British Medical Journal of Global Health*. vol. 4, issue 5:e001692. P. 1–7. DOI: 10.1136/bmjgh-2019-001692

Matsuura H. (2013) Protecting the Right to Benefit from Science. *Science*. vol. 341, no. 6148, pp. 841–842. DOI: 10.1126/science.341.6148.841-a

Moiseienko A. (2022) The Future of EU Sanctions against Russia: Objectives, Frozen Assets, and Humanitarian Impact. *Eucrim: the European Criminal Law Associations' Forum*. issue 2, pp. 130–136. DOI: 10.30709/eucrim-2022-008

Moret E.S. (2015) Humanitarian Impacts of Economic Sanctions on Iran and Syria. *European Security*. vol. 24, no. 1, pp. 120–140.

Mousavi S., Jokar F., Mohammadi A. (2015) US Unilateral Sanctions against Iran; Contradiction in Slogan and Conduct, Extreme Politicization of Human Rights. *Public Law Research*. vol. 16, no. 44, pp. 149–173.

Porsdam H. (2022) Science as a Cultural Human Right. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 208 p.

Shahabi S., Fazlalizadeh H., Stedman J., Chuang L., Shariftabrizi A., Ram R. (2015) The Impact of International Economic Sanctions on Iranian Cancer Healthcare. *Health Policy*. vol. 119, no. 10, pp. 1309–1318.

The Right to Science: Then and Now / H. Porsdam and S.P. Mann (eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2022. 225 p.

Wyndham J.M., Vitullo M.W. (2018) Define the Human Right to Science. *Science*. vol. 362, no. 6418, pp. 975–995. DOI: 10.1126/science.aaw1467

Информация об авторах

Шугуров Марк Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии. Адрес: 410056, Россия, г. Саратов, Вольская ул., д. 1. E-mail: shugurovs@mail.ru

Печатнова Юлия Вадимовна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Алтайского государственного университета. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68. E-mail: jp_0707@mail.ru

About the authors

Mark V. Shugurov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of international law, Saratov State Law Academy. Address: 410056, Volskaya Street, 1, Saratov, Russia. E-mail: shugurovs@mail.ru

Yulia V. Pechatnova, Post-graduate Student, Department of theory and history of state and law of the law institute, Altai State University. Address: 656049, Socialist Ave., 68, Barnaul, Russia. E-mail: jp_0707@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 20.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 06.09.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2023

УДК 327

DOI: 10.31857/S0869049923060023
EDN: MQWDFG

Оригинальная статья/ Original article

Экспертная дипломатия в урегулировании конфликтов: Приднестровье и Молдова

© Н.В. ШЕВЧУК

Шевчук Нина Викторовна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Россия, Санкт-Петербург), shevchuk-nv@ganepa.ru. ORCID: 0000-0001-6164-5767

Экспертная дипломатия представляет собой взаимодействие исследователей в рамках мирного процесса при сочетании с усилиями дипломатов и других государственных представителей и координации официальными участниками переговоров. На основе кейса приднестровского урегулирования выявлены роль и потенциал экспертной дипломатии в условиях отсутствия стабильного политико-дипломатического переговорного процесса. Автор как участник переговорного процесса раскрывает следующие преимущества транспрофессионализации дипломатии в условиях переговоров: инклюзивность, многофункциональность, гибкость в выработке решений, координация с «первым треком» и др. Показано, как работа «полуторного трека дипломатии» обогащает дипломатическую практику миротворчества и миростроительства. Экспертная дипломатия, не подменяя официальный формат, способствует расширению политико-дипломатического взаимодействия и укреплению доверия.

Ключевые слова: «полуторный трек» дипломатии, экспертная дипломатия, экспертные рабочие группы, приднестровское урегулирование, переговоры

Цитирование: Шевчук Н.В. (2023) Экспертная дипломатия в урегулировании конфликтов: Приднестровье и Молдова // Общественные науки и современность. № 6. С. 20–32. DOI: 10.31857/S08690499230600236, EDN: MQWDFG.

Expert Diplomacy in Conflict Settlement: Transnistria and Moldova

© N. SHEVCHUK

Nina V. Shevchuk, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management (Saint Petersburg, Russia), shevchuk-nv@ranepa.ru. ORCID: 0000-0001-6164-5767

Abstract. Expert diplomacy is interaction of researchers within the framework of the peace process, combined with the efforts of diplomats and other government representatives and coordinated by official negotiators. Based on the case of the Transnistrian settlement, the role and potential of expert diplomacy in the absence of a stable political and diplomatic negotiation process are identified. The article is of an interdisciplinary and applied nature and is aimed at studying the unique practice of promoting the peace process by organizing an additional expert track of negotiations. The advantages of transprofessionalization of diplomacy in the context of negotiations, such as inclusiveness, versatility, flexibility in decision-making, coordination with the “first track” and others, are revealed. It is shown how the work of the “one and a half track of diplomacy” enriches the diplomatic practice of peacemaking and peace-building. It doesn’t replace the official format, but contributes to the expansion of political and diplomatic interaction and confidence-building.

Keywords: “one and a half track” diplomacy, expert diplomacy, expert working groups, Transnistrian settlement, confidence-building measures, negotiations

Citation: Shevchuk N. (2023) Expert Diplomacy in Conflict Settlement: Transnistria and Moldova. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 20–32. DOI: 10.31857/S08690499230600236, EDN: MQWDFG.

Участие экспертов в урегулировании конфликтов сегодня в основном рассматривают в рамках концепции мультитрековой дипломатии. Его относят к «второму треку» дипломатии в понимании, предложенном еще экс-дипломатом Дж. Монтвиллем [Davidson, Montville 1982]: в его рамках диалог идет не в официальном политико-дипломатическом формате («первый трек» дипломатии), а на уровне представителей неправительственных организаций (далее – НПО) и неформальных структур. В настоящее время довольно распространена смешанная модель («полуторный трек» дипломатии), когда в диалог вовлечены одновременно и представители властей конфликтующих сторон, и эксперты. Также она может выражаться в неформальном диалоге официальных лиц, организованном при содействии независимых НПО.

Данную проблематику подробно рассматривают в зарубежных исследованиях [Diamond, McDonald 1996; Burgess, Burgess 2010; Staats, Walsh, Tucci 2019]. В России включение НПО в процессы примирения чаще анализируют в контексте публичной, академической и гуманитарной дипломатии [Долинский 2011; Подберезкин, Жуков 2015; Торкунов 2019; Лебедева 2020; Богатырева 2022]. Авторы указывают как на положительные, так и на негативные аспекты вовлечения неправительственных структур в мирные процессы.

Настоящее исследование опирается на приднестровский кейс. В его рамках экспертная дипломатия представлена шире, чем традиционный «второй трек» дипломатии, когда под экспертами имеют в виду преимущественно представителей институтов гражданского общества, военных и политиков в отставке, видных общественных деятелей или представителей религиозных объединений и бизнес-структур. В практике приднестровского урегулирования экспертное взаимодействие не только сочетается с усилиями дипломатов и

других представителей государства: их координируют официальные участники переговоров. Оно создает «пищу» для обсуждений как в неофициальном формате, так и за столом официальных переговоров, что в качестве «полutorного трека» дипломатии вписывается в концепцию дипломатии «всех треков»¹.

При данном подходе экспертом считают лицо, обладающее специальными знаниями, которое – вне зависимости от принадлежности к государственным структурам или неправительственным организациям – привлекают в состав рабочих групп для содействия выработке решений, передаваемых для дальнейшего обсуждения в рамках переговоров «первого трека». В этом исследовании такая «дополняющая дипломатия» не противопоставлена официальной дипломатической деятельности. Она рассматривается как набор вспомогательных методов и инструментов, а также как совокупность современных дипломатических практик.

В приднестровском урегулировании накоплен большой опыт транспрофессионализации дипломатии, когда продуктивное взаимодействие сторон конфликта обеспечивается за счет подключения к переговорному процессу экспертов, которые представляют узкопрофильные правительственные структуры, национальные агентства и неправительственные фонды в областях экологии, образования, торговли, социальной защиты и др. Сфера взаимодействия таких экспертов пересекается с деятельностью гуманитарных НПО и в большинстве субстантивных аспектов, и в функциональном предназначении, однако такая проблематика пока не получила достаточного теоретического обоснования и критически мало представлена в академическом дискурсе, что делает методологически оправданным анализ конкретного кейса.

Так, в статье предпринята попытка восполнить существующий пробел и выявить роль и потенциал экспертной дипломатии в условиях отсутствия стабильного политико-дипломатического переговорного процесса между сторонами конфликта. Таким образом, цель статьи – создать эмпирическую картину уникальной практики содействия мирному процессу путем организации дополнительного экспертного трека переговоров.

Становление «дополняющей дипломатии»

Одной из наиболее заметных первых попыток создать международную неправительственную диалоговую платформу для влияния на официальную политику стран и выработки рекомендаций правительствам стало создание Института тихоокеанских отношений (IPR) в 1925 г. Он объединил в своих рядах видных представителей бизнеса и ученых [Hooper 1988]. Однако убедительное дипломатическое измерение подобная деятельность обрела спустя тридцать лет: в 1957 г. в Канаде прошла Пагуошская конференция, объединившая авторитетных ученых из десяти стран мира, включая СССР, США и Японию. Стороны были нацелены на диалог для поиска совместных решений глобальных проблем, главной из которых представлялась угроза ядерной войны.

В 1960 г. представители гражданского общества СССР и США учредили еще один формат взаимодействия – Дартмутскую конференцию. По замыслу основателей, она должна была создать неформальные каналы коммуникации между ядерными державами и объединять людей, которые занимаются миротворческой деятельностью в рамках интерактив-

¹ Категория «дипломатия «всех треков» достаточно новая. Толчком к ее введению в научный оборот послужила сессия Петербургского экономического форума 2022 г. «Дипломатия “всех треков”: роль традиционных и новых инструментов дипломатии в продвижении национальных интересов России», организованная при содействии кафедр дипломатии МГИМО и МИД РФ.

ного урегулирования конфликтов [Сондерс 2019]. На основе этой инициативы появились Рабочая группа по региональным конфликтам (1982 г.), которая внесла серьезный вклад в межджиджикское урегулирование, и Международный институт устойчивого мира (2002 г.). Похожую модель применяли в 1960 г. при организации семинаров неофициальных представителей греческой и турецкой общин Кипра. Ее использовали и для диалогов между палестинцами и израильтянами, а также в рамках урегулирования конфликта в районе Африканского Рога.

Сегодня подобные семинары выступают ключевым инструментом в работе таких НПО, как Инициатива по кризисному управлению (CMI – Crisis Management Initiative), созданная лауреатом Нобелевской премии мира М. Ахтисаари, или Европейский институт мира (EIP – European Institute of Peace), учрежденный министерствами иностранных дел девяти стран-членов ЕС. Особенность такого формата состоит в том, что семинары одновременно играют и обучающую, и коммуникационную функции, а их участниками становятся представители гражданского общества (лидеры общественного мнения, НПО, журналисты и др.).

После распада СССР, на фоне вспыхнувших на постсоветском пространстве конфликтов в России налаживанию диалога между конфликтующими сторонами активно содействовала неправительственная организация – Федерация мира и согласия (далее – ФМС). В ее состав вошли около пятидесяти общественных объединений преимущественно гуманитарной и правозащитной направленности. Основные усилия ФМС были сфокусированы на совершенствовании механизмов миротворческих миссий, «челночной дипломатии», посреднических встречах и обучающих семинарах для представителей конфликтующих сторон. Российские ученые А. Никитин, И. Болгова и Ю. Никитина в своей работе о деятельности неправительственных организаций по урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве указывают, что Федерации мира и согласия и связанным с ней организациям в тот период удалось сформировать «полоторный трек». Организация вовлекала ответственных за принятие политических решений официальных лиц в диалог с гражданским обществом и друг с другом на неправительственных площадках [Никитин, Болгова, Никитина 2020; 438].

В современных затяжных конфликтах распространяется такая форма содействия мирному урегулированию, как создание рабочих и экспертных групп. Они выведены за рамки официальных политико-дипломатических переговоров, но ориентированы на содержательное и методологическое содействие этим процессам. Как показывает практика, вспомогательный характер рабочих групп позволяет начать официальный переговорный процесс, возобновить его в случае срыва или поддерживать в условиях стагнации.

Гражданский диалог как ресурс влияния

Внешние акторы предпринимали усилия, чтобы подключить к приднестровскому мирному процессу экспертное сообщество сторон конфликта. Их можно условно разделить по целям, которые преследовали такие инициативы. Среди них можно выделить «псевдоэкспертизу» как способ легитимизации и продвижения внешних инициатив, а также реальное субстантивное экспертное содействие выработке решений для обсуждения на переговорах.

Так, пятнадцать-двадцать лет назад в условиях выраженной пробуксовки официальных переговоров диалог на уровне экспертного сообщества нередко выполнял символическую функцию. В то же время отдельные соображения третьих сторон, содействующих налаживанию экспертных диалогов, эксперты могли легитимизировать. Это позволяло

пользоваться такими идеями стратегически: их могли подавать как рекомендации «первому треку» в качестве местной идеи «снизу», а не, например, инициативу ЕС или ОБСЕ. Данную функцию обоснования для использования властью экспертного знания раскрыл российский политолог А. Сунгуров в своей работе «Экспертные сообщества и власть» [Сунгуров 2020]. Эксперт по международным отношениям М.А. Хрусталева называл такой тип экспертизы «псевдоэкспертизой», которая подкрепляет точку зрения ее носителей или уже выработанное решение в пропагандистских целях [Хрусталева 2002, 97].

Нужно отметить, что имевшее место в конце 1990-х гг. активное финансирование западными структурами приднестровских НПО, вовлеченных в урегулирование конфликта, вызывало серьезную обеспокоенность приднестровского МИД. Внешнеполитическое ведомство даже подготовило законопроект «О целях и принципах переговорного процесса с Республикой Молдова», который президент И. Смирнов внес на рассмотрение парламентом в июле 2011 г.² В документе оговаривалось, что недопустима «подмена основного переговорного процесса, проводимого на уровне высших должностных лиц сторон конфликта, посредников и гарантов, иными, в том числе вспомогательными форматами взаимодействия сторон конфликта и международных партнеров» (ст. 4)³. Кроме того, законопроект указывал, что неофициальные конференции, семинары, круглые столы и подобные мероприятия не относятся к переговорному процессу. Парламент отклонил инициативу, а уже в ноябре 2011 г. Кишинев и Тирасполь договорились об организации вспомогательного формата переговорного процесса: экспертных (рабочих) групп по мерам укрепления доверия и развитию взаимодействия. Они подчинялись главным переговорщикам сторон на дипломатическом уровне – политическим представителям в формате «5+2»⁴. Такой подход должен был исключить возможное манипулятивное влияние на вспомогательный трек переговоров.

К тому времени международные структуры (ЕС, Программа развития ООН, ОБСЕ, Совет Европы и др.) развернули широкую деятельность в рамках мер укрепления доверия в регионе конфликта независимо от состояния переговорного процесса. Такие мероприятия не требовали согласования на уровне лидеров или политических представителей Молдовы и Приднестровья. Международные партнеры проводили консультации с властями сторон по отдельности и только тогда, когда это требовалось для имплементации конкретных проектов. Чаще всего операторами мер укрепления доверия выступали НПО, действовавшие в рамках своих уставов на обоих берегах Днестра без специальных согласований. В то же время некоторые проекты, как, например, «Приднестровские диалоги», были направлены на организацию диалога молодежи, местных активистов, предпринимателей и журналистов из Молдовы и Приднестровья по вопросам будущей формулы мирного политического урегулирования.

Институты гражданского общества никогда не были движущей силой урегулирования, однако представители западных структур фиксировали заинтересованность приднестров-

² Проект Закона Приднестровской Молдавской Республики «О целях и принципах переговорного процесса с Республикой Молдова». Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. (<http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=212>).

³ Там же.

⁴ Правовой и организационной основой «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию» выступает Братиславский документ от 20.02.2020 г. «Об организации переговорного процесса по приднестровскому урегулированию» с дополнениями от 27.09.2005 г., когда к формату в качестве наблюдателей присоединились ЕС и США. Сегодня этот формат называют «5+2», а его участниками выступают: стороны – Республика Молдова и Приднестровье, посредники – Россия, Украина и ОБСЕ, наблюдатели – ЕС и США.

ских НПО в получении финансирования и улучшении своего технического потенциала [Cristescu, Matveev 2011, 6]. Получателями такой помощи становились организации, заинтересованные в реинтеграции Приднестровья в Молдову и взаимодействующие с партнерскими НПО из Кишинева. Представители СМІ называли такие черты свидетельством «искренного стремления к сотрудничеству и углублению отношений» [Там же].

Идею о том, что рекомендации для приднестровского урегулирования нужно вырабатывать на уровне гражданского общества, поддерживала инициатива ОБСЕ об организации платформы для диалога гражданских активистов и средств массовой информации в регионе конфликта. Он выступал бы еще одним вспомогательным уровнем работы в рамках переговорного процесса. Попытка убедить стороны в целесообразности такого трека была предпринята в рамках венского заседания «5+2» осенью 2012 г. В своих воспоминаниях председатель этого процесса ирландский дипломат Э. Фуэрэ писал, что такая договоренность была достигнута на сентябрьском раунде переговоров и стала частью политики «малых шагов» [Fouere 2015]. Однако автор настоящей статьи был участником названных дискуссий в 2012 г., когда на сентябрьской встрече «5+2» в Вене делегации России и Приднестровья отклонили этот вопрос, несмотря на активную поддержку инициативы со стороны ЕС и США. Впоследствии его вообще не выносили на обсуждение⁵.

Иначе дело обстоит с совместными рабочими экспертными группами, в которые входили независимые от внешнего финансирования эксперты. Дипломаты привлекали компетентных профессионалов и носителей специальных знаний, обладающих практическим опытом, для подготовки качественных предложений по переговорной повестке. Инструментальная и операциональная функции в этой работе были ключевыми, а направление дискуссий задавало «сверху» – «Постоянное совещание по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию» (далее – «Постоянное совещание»).

Экспертная дипломатия в приднестровском урегулировании

Ко времени организации полноценного вспомогательного экспертного трека был накоплен некоторый опыт объединения экспертных усилий сторон конфликта. Так, еще в 1994 г. руководители Молдовы и Приднестровья делегировали представителей финансового сектора в состав совместной рабочей группы по экономике, финансам и банковским операциям. Она вырабатывала механизм взаиморасчетов по взаимным долгам экономических агентов и работала над упорядочением использования поступающих из России энергоресурсов. Тогда же была создана рабочая группа по совершенствованию структуры и форм управления отраслью связи.

В 1997 г. стороны подписали Меморандум об основах нормализации отношений, который сегодня чаще называют Московским меморандумом⁶. Документ предусматривал строительство государственно-правовых отношений сторонами конфликта. Он также наделял Приднестровье правом участвовать во внешней политике Молдовы по вопросам,

⁵ Тот факт, что указанной договоренности не существует, подтверждает также и то, что она не упомянута среди документов переговорного процесса. Их тщательно протоколируют, архивируют и систематизируют в хронологическом порядке и Молдова, и Приднестровье, и оператор переговоров – ОБСЕ. Они находятся в свободном доступе на электронных ресурсах внешнеполитических ведомств.

⁶ Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем от 8 мая 1997 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. (<https://docs.cntd.ru/document/901788259>).

затрагивающим приднестровские интересы. Для исполнения договоренности и выработки развивающих ее документов были созданы рабочие группы по вопросам внешнеэкономической деятельности, по взаимодействию таможенных служб, по вопросам образования и по борьбе с преступностью. В том же году появилась Объединенная комиссия по социально-экономическому сотрудничеству между Республикой Молдова и Приднестровьем. Она курировала постоянно действующие рабочие группы, созданные для решения задач хозяйственного и социально-культурного сотрудничества и подготовки предложений и проектов документов к заседаниям Объединенной комиссии. В 2001 г. стороны договорились создать экспертную рабочую группу для изменения налогового и таможенного законодательства, чтобы обеспечить режим беспрепятственного перемещения людей, товаров и услуг по всей территории Молдовы и Приднестровья и упразднить внутренние таможенные и налоговые посты, расположенные при въездах и выездах с обеих сторон. В 2002 г. посредники «Постоянного совещания» отметили значение этого формата для переговорного процесса, предложив расширить функционал встреч отраслевых структур «в целях обеспечения реализации ранее достигнутых договоренностей»⁷.

После провала предложенного в 2003 г. Россией плана урегулирования («Меморандум Козака»), который Молдова отвергла в последний момент, в переговорном процессе наступила стагнация. В сложившейся ситуации в 2004 г. посредники разработали меры укрепления доверия, которые предполагали серьезную консолидированную методологическую и финансовую поддержку переговорного процесса со стороны международных посредников. Совместный характер инициативы сам по себе был большим достижением в приднестровском урегулировании, но наполнить ее субстантивным содержанием удалось только спустя несколько лет.

В 2006 г. из-за введенной Молдовой экономической блокады Приднестровья переговорный процесс был надолго заморожен. Официальные встречи не проводились ни на двустороннем уровне, ни в рамках переговоров «5+2». В апреле 2008 г. при содействии посредников была организована встреча президентов Молдовы и Приднестровья, между которыми не было прямых контактов с мая 2001 г. Достичь значимых политических решений на встрече не удалось, но ее важным результатом стало создание «совместных рабочих групп по укреплению мер доверия между Кишиневом и Тирасполем», которые институционализировали меры укрепления доверия и заложили основу для вспомогательного трека переговорного процесса.

С 2010 г. правительство Германии под патронажем ОБСЕ стало проводить в Баварии ежегодные конференции по мерам укрепления доверия между Кишиневом и Тирасполем. Баварский форум стал площадкой для неофициальных дискуссий не только профильных экспертов, но и дипломатов, и лидеров конфликтующих сторон. В 2011 г. на одной из таких встреч в г. Бад-Райхенхаль президенты Молдовы и Приднестровья утвердили «Общий регламент экспертных (рабочих) групп по мерам укрепления доверия и развитию взаимодействия»⁸.

Так, на основе накопленного опыта стороны учредили постоянный дополнительный формат, наделив группы обязанностью разрабатывать предложения и решения «по проблемам, существующим в соответствующих областях». Вспомогательный характер этого формата и его связь с официальными переговорами «5+2» обеспечивало положение

⁷ Сообщение посредников руководителям отраслевых структур РМ и Приднестровья от 18.09.2002. (<https://mfa-pmr.org/ru/node/7244>).

⁸ Общий регламент экспертных (рабочих) групп по мерам укрепления доверия и развитию взаимодействия. Министерство иностранных дел ПМР. (<https://mid.gospmr.org/ru/Ndp>).

о координации деятельности экспертных групп главными переговорщиками от Приднестровья и Молдовы – представителями по политическим вопросам в приднестровском урегулировании, которые возглавляли делегации Кишинева и Тирасполя в «Постоянном совещании». Также данный трек «стабилизировали» следующие положения: равенство статуса руководителей экспертных групп от обеих сторон, систематический режим встреч (не реже одного раза в два месяца), поочередное председательство на встречах и ограниченные полномочия по подписанию промежуточных протоколов (только в рамках своей компетенции). Кроме того, в заседаниях экспертных групп могли участвовать представители посредников и наблюдателей в процессе приднестровского урегулирования, что на практике превратилось в делегирование последними сотрудников посольств и миссий на каждое заседание любой из групп. После возобновления официальных заседаний переговорного процесса «5+2» стороны согласовали «Принципы и процедуры ведения переговоров в формате «Постоянного совещания»⁹, и в 2012 г. экспертные группы стали неотъемлемым элементом переговорного процесса (пункт 8 раздела «Процедуры»)¹⁰.

Работа профильных экспертов была тем более востребована, что лидерам Приднестровья и Молдовы удалось согласовать тактику «малых шагов». Стороны сфокусировались на решении насущных, наименее конфликтных и неполитизированных вопросов социально-экономического и гуманитарного характера, чтобы улучшить благосостояние жителей региона и сформировать атмосферу доверия, дефицит которого остро ощущался после длительной паузы в переговорном процессе.

Так, с тех пор было образовано тринадцать экспертных групп по таким вопросам, как: банковская деятельность, права человека, экология, телекоммуникации, социальная защита, правоохранительная деятельность, таможенное взаимодействие, здравоохранение, документационное обеспечение, образование и др. Кроме сотрудников профильных структур, в зависимости от обсуждаемой проблематики к работе экспертных групп привлекают представителей бизнес-кругов, страховых компаний, торгово-промышленных палат, благотворительных и правозащитных организаций, представителей национальных диаспор.

Сегодня в переговорном процессе наблюдается сильнейшая за тридцать лет деградация. После избрания в 2020 г. президентом М. Санду встречи на высшем уровне были полностью «заморожены» на третий год, а дипломатические переговоры в формате «1+1» на уровне политических представителей, по признанию руководства обеих сторон конфликта¹¹, стали имитацией переговоров, а не диалогом для поиска решений. Высшее руководство Республики Молдова отвергает целесообразность политико-дипломатических переговоров «5+2». В текущих геополитических условиях Кишинев усилил давление на приднестровцев и рассчитывает на одностороннее решение – реинтеграцию Приднестровья, что, по мнению президента Молдовы М. Санду, будет возможно после победы Украины в текущем кризисе¹².

⁹ Принципы и процедуры ведения переговоров в формате «Постоянного совещания». Министерство иностранных дел ПМР. (<https://mid.gospmr.org/ru/KLG>).

¹⁰ Там же.

¹¹ Президент ПМР принял главу Миссии ОБСЕ в Молдове. Президент Приднестровской Молдавской Республики. 28 марта 2023. (<https://president.gospmr.org/press-sluzhba/novosti/prezident-prinyal-glavu-missii-obse-v-moldove.html>).

¹² Президент Молдовы: победа Украины может поспособствовать решению проблемы Приднестровья. Anadolu Ajansı. 29.09.2022. (<https://www.aa.com.tr/ru/мир/президент-молдовы-победа-украины-может-способствовать-решению-проблемы-приднестровья/2697616>).

Несмотря на сохранение формальных каналов для диалога, в таких условиях коммуникация сторон конфликта отличается крайне низкими интенсивностью и результативностью¹³. Наиболее динамичным остается именно экспертный трек переговорного взаимодействия – в 2022 г. состоялось 17 заседаний экспертных групп¹⁴, что соответствует требованиям упомянутого выше Регламента работы экспертных групп от 2011 г. Как видно на рисунке 1, при серьезном снижении количества экспертных встреч за последние годы этот формат взаимодействия остается самым интенсивным.

Рисунок 1. Интенсивность встреч на политико-дипломатическом и экспертном уровнях в 2017–2022 гг.

Figure 1. Intensity of meetings at the political, diplomatic and expert levels in 2017–2022

Источник: составлено автором на основе анализа отчетов и сообщений МИД ПМР, Бюро по реинтеграции РМ и Миссии ОБСЕ в Молдове.

Source: compiled by the author based on an analysis of reports and messages from the Ministry of Foreign Affairs of Pridnestrovian Moldavian Republic, the Bureau for the Reintegration of the Republic of Moldova and the OSCE Mission to Moldova.

* * *

В основе хорошо апробированного в приднестровском урегулировании формата «дополняющей дипломатии» лежит идея формирования устойчивого диалога. Проводимые в режиме непрерывных постоянных встреч совместные заседания экспертных рабочих групп служат своего рода «подушкой безопасности» для нестабильного диалога сторон конфликта в рамках официальных переговоров «первого трека дипломатии».

¹³ Отчет Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики о проделанной работе за 2022 год. Министерство иностранных дел ПМР. (<https://mid.gospmr.org/ru/node/9363>).

¹⁴ Там же.

Совместный характер работы экспертных групп не только обеспечивает регулярный обмен мнениями, но имеет и социализирующее значение: постоянные контакты и узко-профильная профессиональная коммуникация людей подчинены логике практичности и отстраненности от политизированной конфликтности.

Таким образом, в приднестровском кейсе выстроилась практика, распространение которой может принести пользу для многих конфликтных регионов мира.

Среди очевидных преимуществ подобного формата совместной работы следует отметить:

- регулярность встреч: в отличие от официальных переговоров «первого трека дипломатии», деятельность экспертных групп не прерывалась ни разу с 2012 г., когда этот формат стал неотъемлемой частью переговорного процесса «5+2»;
- оперативность: систематический и непрерывный характер работы позволяет обсуждать и решать не только застарелые и неурегулированные из-за состояния конфликта проблемы, но и устранять новые трудности, которые возникают в режиме реального времени. Так, например, в конце 2022 г. участники экспертной группы по вопросам гуманитарной помощи обсуждали вопрос о защите интересов прибывающих в Приднестровье и Молдову беженцев из Украины, начислении социальных пособий, в том числе в контексте исключения случаев двойных выплат¹⁵;
- инклюзивность: в переговорном процессе могут участвовать не только широкий круг заинтересованных лиц, но и представители гражданского общества, академического сообщества, присутствие которых в формате «5+2» не допускается;
- координация с политико-дипломатическим треком переговоров, которая обеспечивает «двустороннее движение» – воздействие официальной дипломатии на экспертные группы дополняется обратным воздействием [Лебедева 2015, 48];
- концентрация на узкой проблематике: предметное поле коммуникации не размывается, а совместная работа ориентирована на поиск решений, которым эксперты каждой из сторон конфликта и так традиционно занимаются по отдельности в рамках своих профессиональных обязанностей;
- гибкость в выработке решений обеспечивается за счет отсутствия обязанности фиксировать договоренности и принимать обязательства. Экспертные группы могут готовить предложения по различным аспектам взаимодействия сторон конфликта, однако их наработки проходят «фильтр» на политико-дипломатическом уровне переговоров в формате «5+2»;
- результативность: эксперты ориентированы только на выработку решений – «материала» для дипломатов, а не на имиджевую или символическую составляющую, которая нередко присутствует в контексте официальных переговоров «первого трека»;
- многофункциональность экспертных встреч выражается, например, в том, что совместные заседания также представляют собой надежный коммуникационный канал, который можно использовать и для передачи информации «первому треку» от стороны к стороне, и для информирования представителей посредников и наблюдателей по существу тех или иных текущих вопросов в ситуации, когда официальные переговоры «стоят на паузе»;
- общность профессионального языка: в условиях высоко конфликтогенной и эмоционально окрашенной коммуникации на политико-дипломатическом треке, что свойственно ситуациям с неразрешенными затяжными конфликтами, рабочие встречи экспер-

¹⁵ О встрече экспертных (рабочих) групп по вопросам гуманитарной помощи. Министерство иностранных дел ПМР. 15/11/22. (<https://mid.gospmr.org/ru/node/9254>).

тов бывают более продуктивны. Во-первых, у них нет необходимости в эмоциональных высказываниях, через которые переговорщики могут задавать условия для торга в ходе переговоров или усиливая артикуляцию своих позиций и интересов. Во-вторых, независимо от национальности и гражданства, эксперты говорят на профессиональном языке.

На примере мирного процесса в Приднестровье видно, как транспрофессионализация дипломатии обогащает дипломатическую практику миротворчества и миростроительства, не «размывая» официальный формат и не подменяя его. Она способствует расширению политико-дипломатического взаимодействия и укреплению доверия путем формирования экспертных, профессиональных сетей. Сегодня молдавские власти демонстрируют полное нежелание продолжать переговорный формат «5+2». Как выразился глава МИД РФ на СМИД ОБСЕ С. Лавров¹⁶, «сейчас убивают последнее, что остается от совместных усилий по приднестровскому урегулированию». Следовательно, значение экспертной дипломатии в этом регионе только возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богатырева О. (2022) Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы // Международные процессы. № 20. С. 166–191. (<https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68>)

Bogatyрева O. (2022) Gumanitarnaya diplomatiya. Sovremennyye koncepcii i podhody [Humanitarian Diplomacy. Modern Concepts and Approaches]. *Mezhdunarodnye processy*. no. 20, pp. 166–191. (<https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68>) (In Russ.)

Долинский А. (2011) Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. Т. 9. № 1. С. 63–73.

Dolinsky A. (2011) Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnye processy*. vol. 9, no. 1. pp. 63–73 (In Russ.)

Лебедева М. (2020) Возможности и ограничения публичной дипломатии как социального и гуманитарного ресурса при предотвращении и урегулировании конфликтов // В: Урегулирование современных международных конфликтов: проблемы, инструменты, методы. Сборник статей. Ред.: Н.В. Шевчук, Н.М. Михеева, М.А. Буланаква. Москва: РУСАЙНС. С. 41–54.

Lebedeva M. (2020) Vozmozhnosti i ogranicheniya publichnoy diplomatii kak social'nogo i gumanitarnogo resursa pri predotvrashchenii i uregulirovanii konfliktov [Opportunities and Limitations of Public Diplomacy as a Social and Humanitarian Resource in the Prevention and Resolution of Conflicts]. In: *Uregulirovanie sovremennyh mezhdunarodnyh konfliktov: problemy, instrumenty, metody. Sbornik statej*. Ed(s): N.V. Shevchuk, N.M. Mikheeva, M.A. Bulanakova. Moscow: RUSCIENCE. Pp. 41–54. (In Russ.)

Лебедева М. (2015) Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. Т. 13. № 4. С. 45–56. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.3

Lebedeva M. (2015) Publichnaya diplomatiya v uregulirovanii konfliktov [Public Diplomacy in Conflict Resolution]. *Mezhdunarodnye processy*. vol. 13, no. 4, pp. 45–56. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.3 (In Russ.)

Никитин А., Болгова И., Никитина Ю. (2020) Деятельность неправительственных организаций по урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // Quaestio Rossica. Т. 8. № 2. С. 428–441. DOI: 10.15826/qr.2020.2.472

¹⁶ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе 30-го заседания СМИД ОБСЕ, Скопье, 30 ноября 2023 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30.11.2023. (https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1918477/).

Nikitin A., Bolgova I., Nikitina Yu. (2020) Deyatel'nost' nepravitel'stvennykh organizacij po uregulirovaniyu etnopoliticheskikh konfliktov na postsovetском prostranstve [Activities of Non-Governmental Organizations for the Settlement of Ethnopolitical Conflicts in the Post-Soviet Space]. *Quaestio Rossica*. vol. 8, no. 2, pp. 428–441. DOI: 10.15826/qr.2020.2.472 (In Russ.)

Подберезкин А., Жуков А. (2015) Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // Вестник МГИМО – Университета. № 6. С. 106–116.

Podberезkin A., Zhukov A. (2015) Publichnaya diplomatiya v silovom protivostoyanii civilizacij. [Public Diplomacy in the Power Confrontation of Civilizations]. *Vestnik MGIMO – Universiteta*. no. 6, pp. 106–116. (In Russ.)

Сондерс Г. (2019) Устойчивый диалог в конфликтах. Трансформации и изменения. М.: Аспект Пресс. 382 с.

Saunders G. (2019) *Ustojchivyy dialog v konfliktah. Transformacii i izmeneniya* [Sustainable Dialogue in Conflicts. Transformations and Changes]. Moscow: Aspect Press. 382 p. (In Russ.)

Сунгуров А. (2020) Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия. 231 с.

Sungurov A. (2020) *Ekspertnye soobshchestva i vlast'* [Expert Communities and Power]. Moscow: Political Encyclopedia. 231 p. (In Russ.)

Торкунов А. (2019) Дипломатия академического сообщества: прошлое и настоящее // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 9. С. 22–28. (<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28>)

Torkunov A. (2019) Diplomatiya akademicheskogo soobshchestva: proshloe i nastoyashee [Diplomacy of the Academic Community: Past and Present]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. vol. 63, no. 9, pp. 22–28. (<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28>) (In Russ.)

Хрусталеv М.А. (2002) Нормативный политический анализ // В: Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. Ред.: Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. М.: Московский рабочий. С. 86–111.

Khrustalev M.A. (2002) Normativnyj politicheskij analiz [Normative Policy Analysis]. In: *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij*. Ed(s): Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Hrustalev M.A. Moscow: Moskovsky Rabochy. Pp. 86–111. (In Russ.)

Burgess H., Burgess G. (2010) Conducting Track II Peacemaking. Washington D.C.: United States Institute of Peace Press. (<https://www.usip.org/publications/2010/12/conducting-track-ii-peace-making>)

Cristescu R., Matveev D. (2011) Peacebuilding and Conflict Prevention in Moldova: The Role of the EU. The Civil Society Dialogue Network (CSDN). 30 p.

Fouere E. (2015) OSCE's Efforts to Resolve the Conflict // In: "Frozen Conflicts" in Europe. Ed(s): A. Bebler. Leverkusen-Opladen: Verlag Barbara Budrich. Pp. 57–68.

Davidson W.D., Montville J.V. (1981) Foreign Policy According to Freud // Foreign Policy. No. 45. Winter 1981–1982. Pp. 145–157.

Diamond L., McDonald J.W. (1996) Multi-Track Diplomacy: A Systems Approach to Peace. Hartford, CT: Kumarian Press West. 192 p.

Hooper P. F. (1988) The Institute of Pacific Relations and the Origins of Asian and Pacific Studies // Pacific Affairs. No. 61. Pp. 98–121. (<https://doi.org/10.2307/2758074>)

Staats J., Walsh J., Tucci R. A. (2019) Primer on Multi-Track Diplomacy: How Does It Work? US Institute of Peace. July. (<https://www.usip.org/publications/2019/07/primer-multi-track-diplomacy-how-does-it-work>)

Информация об авторе

Шевчук Нина Викторовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник НИИ стратегического планирования и евразийской интеграции, доцент кафедры международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления. Адрес: 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43. E-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

About the author

Nina V. Shevchuk, Candidate of Political Sciences, Leading Research Fellow, Research Institute of Strategic Planning and Eurasian Integration, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management. Address: 199178, Russia, Saint-Petersburg, Sredny ave. V.O., 57/43. E-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 04.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.08.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2023

УДК 323.2

DOI: 10.31857/S0869049923060035
EDN: MWEENK

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EUROPEAN STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Внутриполитический кризис в Болгарии (2021–2023 гг.)

© Н.А. ПОДЧАСОВ

Подчасов Николай Алексеевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), nickpodchasov@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-3075-9651

Рассмотрены внутриполитические процессы в Болгарии в период с 2021 по 2023 г. Цель исследования – выявить причины кризисных явлений в стране, из которых наиболее ярким стала неспособность политических кругов создать устойчивое правительство. Выдвинута гипотеза, согласно которой причиной нестабильности послужил раскол политической элиты на «центр» и «фланги». Партии в центре политического спектра фактически управляли страной на протяжении предыдущего десятилетия. В том числе из-за этой тенденции оппозиция объединилась в единый блок, в результате чего с начала 2021 г. центристы оказались в изоляции. Тем не менее, организации и движения, которые планировали заместить собой прежний центр, в силу различных обстоятельств не смогли договориться о формировании стабильной коалиции. Возник политический кризис, который завершился в июне 2023 г. после того, как ведущие правые партии заключили соглашение с центристами, отказавшись от курса на их изоляцию. На основании выдвинутых предположений оценено, насколько рассматриваемые события повлияли на перспективы развития ведущих политических сил Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, внутриполитический кризис, ГЕРБ, «Движение за права и свободы», «Есть такой народ», «Продолжаем перемены», Болгарская социалистическая партия, «Демократическая Болгария», «Возрождение», Румен Радев

Цитирование: Подчасов Н.А. (2023) Внутриполитический кризис в Болгарии (2021–2023 гг.) // Общественные науки и современность. № 6. С. 33–47. DOI: 10.31857/S0869049923060035, EDN: MWEENK.

Internal Political Crisis in Bulgaria (2021–2023)

© N. PODCHASOV

Nikolay A. Podchasov, Primakov Institute of World Economy and International Relations of RAS (Moscow, Russia), nickpodchasov@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-3075-9651

Abstract. Political processes in Bulgaria from 2021 to 2023 are studied. That period was marked by several crisis developments, of which the most prominent was the inability of the political circles to form a stable government. The hypothesis is that the cause of the instability was the split of the political elite into the “center” and “flanks”. The parties at the center of the political spectrum had been the de facto rulers of the country for the larger part of the previous decade. This was one of the factors for the unification of the opposition, which resulted in the isolation of the “centrists” since the beginning of 2021. However, opposition organizations and movements that were aiming to replace the former center were unable to agree among themselves on the formation of a stable coalition due to various circumstances. This situation resulted in a political crisis that ended in June 2023, when the leading right-wing parties entered into an agreement with the “centrists”, abandoning the policy of isolation. The impact that these events could have on the future development of the leading political actors in Bulgaria is evaluated.

Keywords: Bulgaria, internal political crisis, GERB, “Movement for Rights and Freedoms”, “There is Such a People”, “We Continue the Change”, Bulgarian Socialist Party, “Democratic Bulgaria”, “Revival”, Rumen Radev

Citation: Podchasov N.A. (2023) The Political Crisis in Bulgaria (2021–2023). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 33–47. DOI: 10.31857/S0869049923060035, EDN: MWEENK.

С апреля 2021 г. по апрель 2023 г. в Болгарии выборы в парламент проходили пять раз. На протяжении большей части от этих двух лет в республике не функционировало Народное собрание. Исполнительная власть находилась в руках технических правительств, которые назначал президент. Их основная задача заключалась в организации следующих выборов.

Цель данной работы – выявить внутриполитические причины, которые привели к сбою работы системы, а также препятствовали формированию устойчивого правительства в течение указанного периода. Поставлена задача проверить гипотезу о том, что основным движущим механизмом политического кризиса 2021–2023 гг. стал раскол политической элиты Болгарии на «центр» и «фланги». Также будут оценены перспективы развития основных политических движений в стране после окончания кризиса.

Причины кризиса

Согласно авторской гипотезе, причиной политической нестабильности начала 2020-х гг. послужил ряд противоречий, которые сформировались за предыдущее десятилетие. Большую часть 2010-х гг. у власти в стране находились правительства, возглавляемые партией «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ). Несмотря на то, что лозунги и задачи этой партии менялись под влиянием внутриполитической конъюнктуры, идеологически она всегда находилась в центре политического спектра. Такое положение сближало ее с другой центристской партией – Движением за права и свободы (ДПС), которое опирается на турецкое меньшинство. Эти партии никогда не формировали официаль-

ную коалицию, однако они всегда выступали со схожих позиций и в случае необходимости поддерживали друг друга в парламенте. За годы пребывания у власти их неформальный союз превратился в клиентско-патронскую структуру, которая частично срослась с бюрократическим аппаратом и бизнесом [Кандель 2021а].

Само существование мощной центристской группировки препятствовало приходу к власти других политических сил. По отдельности и левые, и праволиберальные партии не имели ресурсов, чтобы противостоять ГЕРБ и ДПС. Сложившаяся ситуация позволяла правительству использовать тактику «плавающего большинства» – проводить через Народное собрание интересующие его законопроекты, в зависимости от ситуации заручившись поддержкой либо справа, либо слева [Подчасов 2021]. Тем не менее, за каждым из политических флангов стояли влиятельные политико-экономические круги и значительная часть электората, и их продолжительное отсутствие во власти создавало предпосылки для дестабилизации сложившегося статус-кво.

Вторым итогом затянувшегося правления центристов стал рост протестных настроений среди электората. С установления в стране демократического режима частая смена власти была неизменной чертой болгарской политики. Неудовлетворенность населения результатами постсоциалистической трансформации и евроинтеграции выразилась в регулярных «маятниковых колебаниях», когда по итогам выборов к власти приходили политические силы, идеологически удаленные от предыдущего правительства.

Так было в 1990-е гг., когда в рамках биполярной системы победу поочередно одерживали то левые, то правые партии. Тренд продолжился в 2001 и 2009 гг.: тогда большинство мест в Народном собрании получили антисистемные популистские движения, которые обещали полностью отойти от курса предшественников. Однако в 2010-х гг. правящая элита практически не менялась, несмотря на частые взрывы общественного недовольства, протесты и правительственные кризисы. На протяжении почти целого десятилетия у власти оставались одни и те же политические деятели. В результате в обществе возникло ощущение застоя, отсутствия развития, что подготовило почву для успеха новых популистских партий.

Наконец, третьей предпосылкой кризиса стало вовлечение в межпартийную борьбу других институтов власти. Одним из них стал президент: в феврале 2020 г. Р. Радев заявил об утрате доверия правительству центристов¹. Тем самым глава государства встал в открытую оппозицию к конкретным политическим силам. В дальнейшем Радев приложил все усилия, чтобы сделать возможным объединение правых и левых политиков на почве сопротивления ГЕРБ и ДПС.

Другим государственным институтом, вовлеченным в политический конфликт, стала прокуратура. В октябре 2019 г. на должность главного прокурора страны был выбран И. Гешев, которого подозревали в тесных связях с ГЕРБ и ДПС². Еще до вступления в должность новый главный обвинитель пообещал бороться с политическими противниками центристов³. Заступив на пост, он организовал информационное давление на прези-

¹ Президент Болгарии объявил об утрате доверия правительству. Российская газета. 04.02.2020. (<https://rg.ru/2020/02/04/prezident-bolgarii-obiavil-ob-utrate-doveriia-pravitelstvu.html>).

² Гешев е избран за главен прокурор под полицейска обсада, сеир и блокада. Mediapool. 24.10.2019. (<https://www.mediapool.bg/geshev-e-izbran-za-glaven-prokuror-pod-politseiska-obsada-seir-i-blokada-news299398.html>).

³ Какво разбрахме от първото интервю на бъдещия главен прокурор Иван Гешев. Капитал. 23.07.2023. (https://www.capital.bg/politika_i_ikonomika/bulgaria/2019/07/23/3942118_kakvo_razbrahme_ot_purvoto_intervju_na_budeshtia/).

дента, опубликовав компрометирующие его данные⁴. Участие президента и главного прокурора в противостоянии между центристами и «флангами» придавало дополнительную остроту этой борьбе.

Катализатором для перехода конфронтации в активную фазу послужили сразу три события, произошедшие летом 2020 г. Первым из них стала публикация материалов, которые компрометировали главу правительства и председателя ГЕРБ Б. Борисова⁵. Затем один из лидеров праволиберальной коалиции «Демократическая Болгария» (ДБ) Хр. Иванов провел акцию, которая наглядно показала, что в государстве действуют противоречащие законам неформальные правила, защищающие интересы влиятельных и богатых граждан⁶. Наконец, третьим таким событием стала жесткая мера со стороны главного прокурора. 9 июля 2020 г. его подчиненные в сопровождении автоматчиков вошли в резиденцию главы государства, чтобы провести обыск. Данные действия население расценило как демонстрацию силы и попытку истеблишмента запугать и дискредитировать своего оппонента⁷.

Начало кризисных явлений: протесты 2020 г.

Реакцией на череду политических скандалов стали массовые антиправительственные выступления в крупных городах, которые продолжались до ноября 2020 г. Их поддержал глава государства, а также целый ряд политических партий и общественных организаций.

Первый этап протестов (9–29 июля 2020 г.) включал в себя мирные манифестации в Софии и других крупных городах. Акции проходили с требованиями отставки правительства и главного прокурора. Митингующих поддержал глава государства, который выступил на площади перед своей резиденцией с лозунгом «Мафия – вон!», обращенным к Б. Борисову и И. Гешеву. Требования митингующих поддерживали политические силы как левого, так и правого толка – Болгарская социалистическая партия (БСП), ДБ, «Исправи се. БГ», «Альтернатива – болгарское возрождение» и др.

На этом этапе протестующим удалось добиться от правительства ряда уступок. Глава Национальной службы охраны (НСО) подал в отставку, глава правительства сменил мини-

⁴ Гешев пита Конституционния съд какво е държавна измяна заради президента (обновена). Дневник. 27.01.2020. (https://www.dnevnik.bg/bulgaria/2020/01/27/4021141_geshev_pita_konstitucionniia_sud_kakvo_e_durjavna/).

⁵ Нов запис на Борисов: Корнела и Радев разправят, че си им гръб. Хич не е приятно. Mediapool. 27.07.2020. (<https://www.mediapool.bg/nov-zapis-na-borisov-kornela-i-radev-razpravyat-che-si-im-grab-hich-ne-e-priyatno-news309154.html>); Борисов: Радев ме следи с дрон. BTV Novinite. 17.06.2020. (<https://btvnovinite.bg/bulgaria/borisov-radev-me-sledi-s-dron.html>).

⁶ Иванов с единомышленниками сняли на камеру свою попытку водрозить государственный флаг Болгарии на участке черноморского побережья, который примыкает к владениям турецкого олигарха А. Догана. На опубликованной в Интернете видеозаписи видно, как люди в гражданской одежде прогоняют активистов с пляжа, который де-юре относится к общественной собственности, а также отбирают и выбрасывают в кусты болгарский флаг. На следующий день выяснилось, что силу против оппозиционных деятелей применили не частные охранники, а сотрудники Национальной службы охраны (НСО). Произошедшее вызвало возмущение граждан, которые увидели демонстративное пренебрежение законом со стороны олигарха, не занимающего никаких официальных постов, но входящего в структуры «глубинного государства» и находящегося под государственной защитой. См.: Христо Иванов: «Росенец» показва как за едни хора законите не важат. Дневник. 08.07.2020. (https://www.dnevnik.bg/video/btv/2020/07/08/4088472_hristo_ivanov_rosenec_pokazva_kak_za_edni_hora/); Радев: Гардовете, блъскали Христо Иванов край Росенец, са служители на НСО. Offnews. 08.07.2020. (<https://offnews.bg/politika/radev-gardovete-blaskali-hristo-ivanov-kraj-rosetnc-sa-sluzhiteli-732368.html>).

⁷ Прокурорският шумр в президентството тества промяна на конституционния ред. Капитал. 09.07.2020. (https://www.capital.bg/politika_i_ikonomika/bulgaria/2020/07/09/4089176_rumen_radev_popita_za_peekski_i_dogan_a_prokuratura/).

стров внутренних дел, финансов, экономики, туризма и здравоохранения. Несмотря на перечисленные меры, антиправительственные акции продолжились. Более того, 29 июля митингующие объявили о начале гражданского неподчинения, а также заблокировали ключевые дороги в столице и ряде городов.

Следующий этап протестов (29 июля – 2 сентября 2020 г.) характеризовался более решительными действиями активистов, а также их столкновениями с органами правопорядка. Одновременно движение вышло за пределы страны: к нему присоединились эмигранты в Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Канаде, Нидерландах, Франции, США и других странах. Протестующие в Болгарии начали регулярно блокировать перекрестки и дорожные магистрали, а также забрасывать здания правительства и представительств партий яйцами и другими продуктами.

Правительство ответило на продолжительные протесты отставкой министра правосудия. Кроме того, Б. Борисов поддержал идею активистов о созыве Великого народного собрания для изменения конституции. По мнению экспертов, этот тактический шаг дал ГЕРБ возможность выиграть время, так как у правящей партии не хватило бы поддержки в парламенте, чтобы воплотить это обещание в жизнь⁸.

2 сентября 2020 г. организаторы протестов объявили «днем Великого народного восстания» (своеобразный ответ на предложенный ГЕРБ созыв Великого народного собрания), с которого начался новый, третий этап протестной активности (2 сентября – 1 ноября 2020 г.). Протестующие круглыми сутками находились перед зданием парламента, периодически нападая на сотрудников полиции. В результате пострадали представители обеих сторон, 38 человек обратились за медицинской помощью⁹. Всего было организовано пять «Великих народных восстаний» – 2, 10 и 22 сентября, а также 3 и 16 октября.

1 ноября 2020 г. организаторы объявили, что из-за начала второй волны пандемии коронавируса они прекращают ежедневные митинги и переходят к единовременным тематическим акциям. Так, 5 ноября было решено посвятить проблеме эмиграции из страны наиболее образованной и активной части молодежи.

К концу 2020 г. регулярные массовые протесты закончились. Однако они успели значительно повлиять на расстановку политических сил в стране. Шансы центристов сформировать следующий Кабинет министров сократились практически до нуля из-за закрепившегося за ними статуса «токсичных» партий. Оппозиция – как левая (БСП), так и правая (ДБ) – получила дополнительный импульс. Однако больше всего от протестов выиграли популистские движения, которые отражали запрос общества на перемены. К началу 2021 г. такими организациями в первую очередь были партия «Есть такой народ» (ЕТН)¹⁰, созданная популярным певцом и телеведущим С. Трифоновым, и коалиция «Вставай БГ! Мафия – вон!»¹¹.

⁸ Вълчев: Няма основание за нова Конституция, управляващите се уплашиха. BTV Novinite. 06.09.2020. (<https://btvnovinite.bg/predavania/120-minuti/valchev-njama-osnovanie-za-nova-konstitucija-upravljavashtite-se-uplashiha.html>).

⁹ Bulgaria Takes Step Towards Backing Constitutional Changes. BalkanInsight. 02.09.2020. (<https://balkaninsight.com/2020/09/02/bulgaria-takes-step-towards-backing-constitutional-changes/?fbclid=IwAR3fcorEv0e0h4aoLcV7WBk5Wd4D4GWzGV3jezS-MEa3IjRr8K0Yf5lwRFs>).

¹⁰ Изначально партия была названа по строке из песни С. Трифонова «Нет такой страны», однако ЦИК отказалась регистрировать организацию с таким названием. В результате был выбран более позитивный вариант «Есть такой народ».

¹¹ Движение возглавили бывший омбудсмен по правам человека в Болгарии М. Манолова и активные участники протестов 2020 г. – А. Бабилян, В. Минев и Н. Хаджигенов (т.н. «Ядовитое трио»).

Первый этап кризиса (апрель – декабрь 2021 г.): формирование коалиции «партий протеста»

Парламентские выборы состоялись 4 апреля 2021 г. Несмотря на то, что весь предыдущий год вокруг правительства не прекращались скандалы, разоблачения и протесты, правящая партия ГЕРБ в пятый раз подряд одержала победу (75 депутатов из 240). ДПС также продемонстрировала стабильный результат, заняв четвертое место (30 депутатов)¹². Таким образом, центристы показали, что они остаются серьезной силой вопреки протестам.

Тем не менее, в результате протестной активности ГЕРБ лишилась возможности применять тактику «плавающего большинства», поскольку все оппозиционные партии пообещали избирателям не сотрудничать с ней. Центристы оказались в политической изоляции, в то время как их оппоненты – ЕТН (51 депутат), БСП (43 депутата), ДБ (27 депутатов) и «Вставай БГ! Мафия – вон!» (14 депутатов) – получили большинство в парламенте (135 мест из 240).

Между тем, совместно выступавшие против ГЕРБ и ДПС партии политических флангов оказались не готовы к взаимодействию. Популистские силы (ЕТН, «Вставай БГ! Мафия – вон!») были готовы работать с правой партией ДБ, которая не входила в парламент с 2016 г., однако отказывались вступать в коалицию с левой БСП, так как считали ее частью «кисеблишмента». Одной из причин разногласий стало разочарование Трифонова поражением на выборах: после бурных событий 2020 г. ЕТН могла рассчитывать на повторение опыта «Национального движения “Симеон Второй”» в 2001 г. и ГЕРБ в 2009 г., которые выиграли выборы и сформировали правительства на волне антисистемных настроений [Кандель 2021b].

Расчет ЕТН оказался верным. Перед новыми выборами ГЕРБ на протяжении трех месяцев подвергалась яростным атакам в СМИ. Назначенный президентом Р. Радевым технический Кабинет министров провел масштабные проверки во всех ведомствах, по итогам которых предыдущее руководство страны обвинили в многочисленных нарушениях и злоупотреблениях полномочиями¹³. Сильным репутационным ударом по центристам стали санкции со стороны США против ряда компаний и лиц, связанных с ГЕРБ и ДПС – в частности, против депутата от ДПС Д. Пеевски¹⁴.

В итоге на выборах 11 июля 2021 г. ГЕРБ впервые со своего основания потерпела поражение¹⁵. Следует тем не менее отметить, что разница в голосах избирателей между этой организацией и ЕТН составила лишь десятую долю процента. Партия Трифонова получила первое место и моральное право сформировать коалицию победителей. Победу «сил протеста» омрачала лишь неспособность сохранить полную «чистоту риз»: ЕТН, «Вставай БГ! Мафия – вон!» и ДБ вместе получили лишь 112 мест из 240. Для формирования

¹² Парламентарни избори. 4 април 2021. Сумарни данни. Централна избирателна комисия. (<https://results.cik.bg/pi2021/rezultati/>).

¹³ Премьер Болгарии объявил войну «узаконенной коррупции». Российская газета. 15.06.2021. (<https://rg.ru/2021/06/15/premer-bolgarii-obiavil-voynu-uzakonenoj-korrupcii.html>).

¹⁴ Public Designation of Five Bulgarian Public Officials Due to Involvement in Significant Corruption. U.S. Department of State. 02.06.2021. (<https://www.state.gov/public-designation-of-five-bulgarian-public-officials-due-to-involvement-in-significant-corruption>); Treasury Sanctions Influential Bulgarian Individuals and Their Expansive Networks for Engaging in Corruption. U.S. Department of the Treasury. 02.06.2021. (<https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0208>).

¹⁵ Парламентарни избори. 11 юли 2021. Сумарни данни. Централна избирателна комисия. (https://results.cik.bg/pi2021_07/rezultati/index.html).

устойчивого Кабинета министров коалиции было необходимо заручиться поддержкой «системной» БСП. В ЕТН опасались, что сотрудничество с политиками «старого поколения» снизит доверие к правительству со стороны электората, который ожидает перемен.

Данные обстоятельства побудили лидера партии к рискованному шагу. 12 июля 2021 г., еще до объявления официальных результатов голосования, С. Трифонов заявил о намерении создать Кабинет министров силами лишь собственной партии. Он опубликовал предполагаемый состав правительства и предложил остальным партиям выбор: либо поддерживать однопартийный Кабинет, либо вновь распустить парламент и нести ответственность перед населением за очередную неудачу [Кандель 2021с].

Как показали дальнейшие события, С. Трифонов переоценил свои возможности. Фактически он предложил остальным участникам «протестных сил» самоустраниться от власти, превратившись в статистов. Его стратегия не встретила понимания у других политиков. Несколько раундов напряженных переговоров закончились третьим за год роспуском Народного собрания.

Безответственное поведение лидеров протестного движения оттолкнуло от них значительную часть населения. Однако среди граждан по-прежнему сохранялся запрос на обновление власти. В сложившейся ситуации надежды электората в значительной степени сконцентрировались на фигуре президента Р. Радева. Назначенное им техническое правительство работало эффективно, оставаясь оплотом стабильности на фоне междоусобной борьбы в парламенте. Особую популярность получили технические министры экономики и финансов – К. Петков и А. Василев: молодые люди, получившие образование в США, олицетворяли новое поколение болгарских политиков.

Следующие парламентские выборы были назначены на ноябрь 2021 г. Их дата совпала с первым туром президентских выборов. В сентябре 2021 г. К. Петков и А. Василев оставили свои посты в техническом правительстве и создали собственный политический проект с символичным названием «Продолжаем перемены» (ПП). Предвыборная кампания организации хронологически совпала с агитацией президента Р. Радева. Отчасти благодаря этой связке новому политическому игроку удалось одержать убедительную победу: «Продолжаем перемены» получила 67 депутатских мест в парламенте¹⁶. Второе и третье место заняли ГЕРБ (59) и ДПС (34), которые продемонстрировали удивительную жизнеспособность. ЕТН, напротив, опустилась на пятое место (25), пропустив вперед БСП (26). Также в Народное собрание впервые прошла националистическая партия «Возрождение». Данный факт показал, что часть антисистемно настроенного электората начинает искать альтернативу «силам протеста».

После победы ПП на парламентских выборах и переизбрания Р. Радева ситуация выглядела так, будто власть в стране консолидируется вокруг главы государства и ориентированных на него партий. Казалось, что восставшие против центра (т.е. против партий ГЕРБ и ДПС) партии на флангах политического спектра сумеют найти общий язык и вывести Болгарию из состояния «чехарды правительств». Символом нового этапа должна была стать коалиция левых и правых сил в правительстве Петкова. В него вошли классические либералы (ДБ), близкие к ним праволиберальные популисты (ПП), популисты без четкой программы (ЕТН), а также представители главной левой партии Болгарии БСП. Вдохновителем сотрудничества и безусловным авторитетом выступал президент Р. Радев.

Произошло то, чего избиратели ждали в апреле 2021 г., когда оппозиционные ГЕРБ движения впервые получили большинство в Народном собрании. После двух неудачных

¹⁶ Избори за президент и вице-президент и народни представители. 14 ноември 2021. Сумарниданни. Централна избирателна комисия. (<https://results.cik.bg/pvrms2021/tur1/rezultati>).

попыток (в апреле и в июле 2021 г.) оппозиционные силы наконец нашли общий язык и сформировали правящее большинство, девизом которого стало исполнение лозунгов демонстраций 2020 г.: отход от коррупционных практик предыдущего десятилетия.

Второй этап кризиса (декабрь 2021 г. – июнь 2023 г.): выход центристов из изоляции

Между тем противоречия среди участников коалиции оказались гораздо глубже, чем могло показаться в период протестов. ДБ и БСП представляли собой противоположные идеологические течения, которые находились в конфронтации с установления демократии в Болгарии. ПП и ЕТН одновременно претендовали на статус «новой ГЕРБ» – партии-гегемона, способной занять место ГЕРБ в центре на линии политического спектра и использовать тактику «плавающего большинства» для достижения своих целей. Соответственно, они выступали в роли естественных конкурентов.

Единство новой правящей коалиции держалось на двух факторах: противостоянии с ГЕРБ и авторитете главы государства. Однако после второго поражения подряд (в июле и ноябре 2021 г.) ГЕРБ уже не казалась столь грозным противником. Напротив, теперь главной угрозой для правительства выглядел президент Р. Радев, который так же, как раньше лидер ГЕРБ Б. Борисов, претендовал на статус «отца нации».

Первые признаки разногласий между Кабинетом министров и главой государства проявились уже в декабре 2021 г. при обсуждении некоторых кадровых перестановок. Однако противоречия вышли на новый уровень после того, как премьер-министр отправил в отставку доверенное лицо Р. Радева в Кабинете – министра обороны С. Янева. Поводом для раскола стало начало специальной военной операции (СВО) России на Украине. К. Петков позиционировал Болгарию как «ястреба» среди членов НАТО, в то время как Янев выступал с умеренных позиций. На той же почве возникли проблемы у союзника ПП по коалиции – БСП. Партия опиралась на преимущественно пророссийский электорат, из-за чего ей приходилось публично дистанцироваться от наиболее жестких заявлений и действий партнеров.

Однако к провалу правительства Петкова привели обстоятельства, не связанные с российской тематикой. Главную роль сыграла амбициозная ЕТН, которая не согласилась с линией ПП на македонском направлении. Решение партии Трифоновой выйти из коалиции выглядело неожиданным для местных экспертов, даже несмотря на то что трения между партиями по данному вопросу наблюдались на протяжении нескольких месяцев. В значительной степени речь шла не столько о противоречиях в программах партий, сколько о конкуренции между двумя популистскими силами, которые претендуют на один и тот же электорат [Кандель 2022].

В конечном итоге ЕТН вышла из коалиции, а также поддержала ГЕРБ и ДПС в стремлении вынести вотум недоверия Кабинету министров. В июне 2022 г., всего через полгода после формирования, правительство Петкова было вынуждено уйти в отставку. Неудача коалиции вернула Болгарию к ситуации середины 2021 г.: центристы (ГЕРБ и ДПС) оставались в изоляции, в то время как правые партии (ДБ и сближавшаяся с ней ПП), левые силы (БСП) и популисты (ЕТН, «Возрождение») не могли договориться между собой.

Очередные выборы состоялись в октябре 2022 г. После провала предыдущего правительства ПП лишилась части электората, заняв второе место (53 депутата)¹⁷. Первенство

¹⁷ Избори за народни представители. 02 октомври 2022. Сумарни данни. Централна избирателна комисия. (<https://results.cik.bg/ns2022/rezultati>).

вновь получила ГЕРБ (67 депутатов), ДПС укрепились на третьем месте (36). Четвертой неожиданно финишировала антисистемная партия «Возрождение» (27), что стало тревожным сигналом для остальных участников политического процесса. Пятое и шестое место досталось соответственно БСП (25) и ДБ (20). Седьмой стала новая партия, образованная бывшим министром обороны С. Яневым (12).

ГЕРБ вернула себе номинальное первенство в парламенте, но она, как и ДПС, оставалась «нерукопожатной». Соответственно, 103 депутата от них не участвовали в формировании правительства. Однако «протестные силы» считали такими же «токсичными» и представителей партии «Возрождение», которая выступала за выход Болгарии из НАТО. Таким образом, даже если бы ПП, ДБ и БСП заключили союз с партией Янева, они все равно не смогли бы заручиться поддержкой большинства Народного собрания (имели 110 из 240 депутатов). Как и следовало ожидать, в такой ситуации сформировать Кабинет министров не удалось.

Результаты выборов 2 октября 2022 г. показали, что неудача правительства Петкова не привела к маргинализации его партии, как произошло ранее с ЕТН. В то же время ПП из популистского движения перерождалась в классическую праволиберальную партию, ориентированную преимущественно на жителей столицы и других крупных городов. Переориентация еще сильнее сблизила ее с ДБ: накануне голосования партии обсуждали возможность создать предвыборную коалицию.

Выборы также продемонстрировали стабильность позиций ГЕРБ и ДПС, которые получили больше мест в парламенте, чем бывшие участники правительства Петкова (ПП, ДБ и БСП). Одновременно стало очевидно, что единственными бенефициарами затянувшегося кризиса были партия «Возрождение», которая выступала против всех, и президент Р. Радев. Последний назначал технические правительства, которые с 2021 г. де-факто управляли страной. Оппоненты главы государства опасались, что сложившаяся ситуация позволила президенту укрепить свои позиции через назначение лояльных кадров на разных уровнях госадминистрации.

Перед следующими выборами либеральные партии создали предвыборную коалицию ПП-ДБ, пытаясь привлечь избирателей. Итоги голосования, которое прошло 2 апреля 2023 г., не оправдали их ожиданий. Даже вместе партии не сумели занять первое место, получив лишь 64 депутатских места в парламенте (на 9 меньше, чем они заняли на прошлых выборах по отдельности)¹⁸. ГЕРБ снова финишировала первой (69 мест). ДПС повторила свой предыдущий результат (36 мест), но заняла четвертое место. Третьей политической силой в Народном собрании стала партия «Возрождение», которая сумела использовать народное недовольство затянувшейся нестабильностью. БСП продемонстрировала худший результат с 1990 г., получив 23 места и заняв пятую позицию. Шестой неожиданно оказалась ЕТН, которой удалось преодолеть порог в 4% и провести в парламент 11 своих депутатов.

Итоги пятых с начала кризиса выборов показали, что электоральная поддержка политиков, которых ассоциировали с «протестными силами»¹⁹, после июля 2021 г. начала неуклонно снижаться. В то же время изолированные центристы (ГЕРБ, ДПС) за два года вернули себе утраченные ранее позиции (рис. 1). Наконец, быстрый рост антисистемных националистов («Возрождение»), которые за год превратились из политический

¹⁸ Избори за народни представители. 02 април 2023. Сумарни данни. Централна избирателна комисия. (<https://results.cik.bg/ns2023/rezultati/index.html>).

¹⁹ В данном контексте под «протестными силами» понимаются ЕТН, «Вставай БГ! Мафия – вон!», ДБ, ПП, а также в разное время выступавшие за сотрудничество с ними БСП и «Болгарский восход».

аутсайдеров в третью по величине парламентскую фракцию, окончательно подтвердил неэффективность избранной оппозицией тактики. Их показательная враждебность по отношению к оппонентам могла привести лишь к повторению ситуации апреля-июля 2021 г., когда новые выборы в атмосфере медийного давления на ГЕРБ и ДПС позволили ЕТН значительно улучшить свой электоральный результат. На следующих голосованиях эта тактика имела ровно обратный эффект, однако сделанная ранее ставка на лозунги борьбы и противостояния создавала определенную инерцию и сужала партии пространство для маневра.

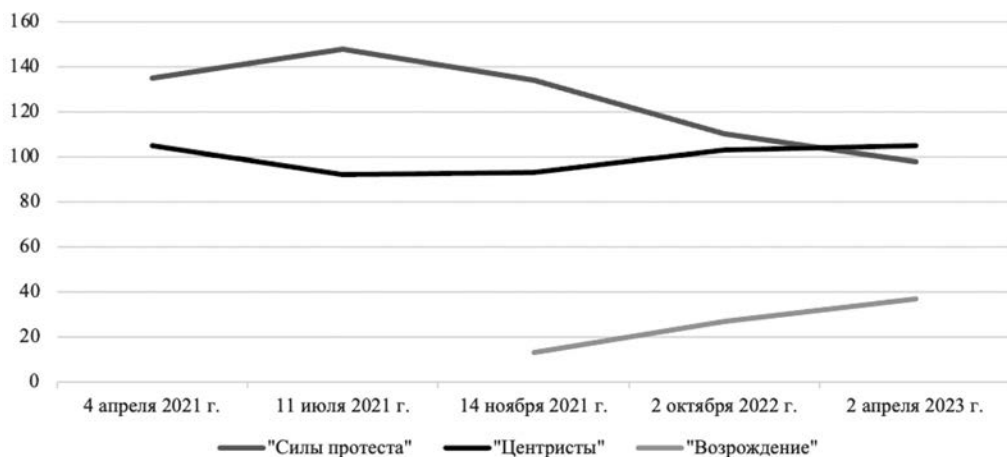

Рисунок 1. Динамика изменения численного состава фракций политических групп в Народном собрании Болгарии (4 апреля 2021 г. – 2 апреля 2023 г.)

Figure 1. Dynamics of changes in the number of deputies of political group factions in the Bulgarian National Assembly (April 4, 2021 – April 2, 2023)

Источник: Центральная избирательная комиссия Болгарии.

Source: Bulgaria's Central Electoral Commission.

Тем не менее, после выборов 2 апреля 2023 г. ПП и ДБ были вынуждены признать, что дальнейшая конфронтация с центристами приведет лишь к еще большему падению рейтингов и росту влияния «Возрождения», а также президента Радева. Такой сценарий был опасен для них по нескольким причинам. Осенью 2023 г. должны были состояться муниципальные выборы. Исходя из тенденций последних двух лет, либералы могли впервые с 2005 г. победить в борьбе за пост мэра Софии. Победа имела бы стратегическое значение для консолидации правых сил. Лидеры ПП и ДБ справедливо опасались, что пассивная позиция в парламенте позволит ГЕРБ перехватить инициативу и поставит под угрозу их шансы на муниципальных выборах [Кандель 2023].

Второй причиной для изменения тактики стало усиление позиций политиков, которые выступают за умеренность в вопросе отношений с Россией. Президент Радев неоднократно высказывался против продвигаемой правыми партиями антироссийской риторики, стараясь минимизировать участие Болгарии в поставках оружия Украине. Партия «Возрождение», в свою очередь, в целом ставила под сомнение целесообразность членства страны в НАТО, указывая на потенциальные издержки для безопасности страны в случае ее вовлечения в военные инициативы альянса. Успех данной политической силы в соче-

тании с наличием в парламенте еще одной партии, опирающейся на преимущественно пророссийский электорат (БСП), создавали видимость роста антизападных настроений.

В результате руководство ПП и ДБ пришло к выводу о необходимости найти компромисс с ГЕРБ. По итогам переговоров было принято решение, которое позволило обеим сторонам добиться части своих целей. Несмотря на победу на выборах, ГЕРБ не стала формировать правительство, вместо этого поддержав проект конкурентов. ПП и ДБ создали Кабинет министров, который возглавил бывший технический министр образования и науки Н. Денков. Место вице-премьера в нем заняла представитель ГЕРБ, бывший еврокомиссар М. Габриэл. В соответствии с заключенными договоренностями предполагалось, что через девять месяцев министерский совет подаст в отставку, после чего союзники проголосуют за новый состав правительства с Габриэл в роли премьер-министра, с Денковым – вице-премьера²⁰.

Подобная формула позволяла ПП и ДБ решить сразу несколько проблем. Коалиция получила возможность сформировать собственное правительство с опорой на стабильное большинство в парламенте, что означало прекращение череды непродуктивных выборов. Союз с ГЕРБ позиционировался как «геополитический»: он должен был объединить все прозападные партии на основе противостояния набирающим влияние «пророссийским» силам в стране. Также одним из условий коалиции было проведение конституционной реформы, которая сделала бы возможными давно назревшие изменения в судебной системе. В результате либеральные партии смогут отчитаться перед избирателями о выполнении предвыборных обещаний²¹.

Что касается центристов, главным результатом формирования коалиции для них стал официальный выход из внутриполитической изоляции, в которой партии находились с 2021 г. Даже не попавшая в правительство ДПС постаралась извлечь из ситуации максимальные репутационные дивиденды: во время голосования в парламенте по вопросу о формировании Кабинета Денкова-Габриэл большая часть депутатов партии воздержались от волеизъявления, и лишь два ее наиболее ярких представителя, ранее считавшихся «нерукопожатными», демонстративно поддержали правительство²².

Одновременно ГЕРБ приняла меры, чтобы обезопасить себя от потенциальных негативных последствий деятельности Кабинета министров. Уже на следующий день после формирования министерского совета два представителя партии выступили с заявлениями о том, что ГЕРБ поддерживает правительство, но не несет ответственности за его работу²³. Таким образом, формирование Кабинета Денкова-Габриэл знаменует окончание внутриполитического кризиса, вызванного длительным пребыванием у власти одной политической группы – независимо от того, сколько по времени продлится его правление²⁴.

²⁰ Подчасов Н.А. Новое правительство в Болгарии. ИМЭМО РАН. 07.06.2023. (<https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/new-government-in-bulgaria>).

²¹ Политическо танго между първите две сили. BTV. 28.06.2023. (<https://www.btv.bg/shows/lice-v-lice/videos/politicheskoto-tango-mezhdu-parvite-dve-sili.html>).

²² Делян Пеевски подкрепи правителството на ГЕРБ и ПП-ДБ. Actualno. 06.06.2023. (https://www.actualno.com/amp/deljan-peeviski-podkrepi-pravitelstvoto-na-gerb-i-pp-db-news_1985874.html).

²³ Десислава Атанасова: Не давам кредит на доверие на правителството. Дневник. 07.06.2023. (https://www.dnevnik.bg/bulgaria/2023/06/07/4492947_desislava_atanasova_ne_davam_kredit_na_doverie_na/?ref=home_layer2); Тома Биков: ГЕРБ-СДС не носи отговорност за решенията на правителството. Дневник. 07.06.2023. (https://www.dnevnik.bg/bulgaria/2023/06/07/4492950_toma_bikov_gerb-sds_ne_nosi_otgovornost_zharesheniata/?ref=home_NaiNovoto).

²⁴ Петровская О.В. В Болгарии закончился «вечный» политический кризис. РИСИ. 13.06.2023. (<https://riss.ru/news/smi/v-bolgarii-zakonchilsya-vechnyy-politicheskii-krizis/>).

Итоги кризиса 2021–2023 гг. для партийно-политической системы

С 2021 по 2023 г. шла борьба между ГЕРБ и ДПС с одной стороны, и широкой коалицией партий, недовольных их влиянием на институты власти, с другой. За это время в стране парламентские выборы состоялись пять раз, по итогам которых ГЕРБ и ДПС не только не потеряли все места в Народном собрании, но и сумели вернуть себе уровень влияния, приближающийся к показателям начала кризиса.

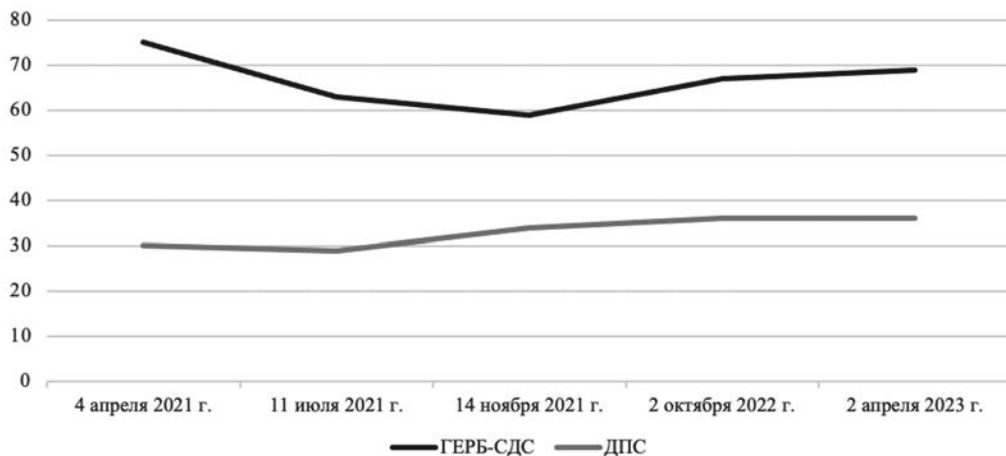

Рисунок 2. Динамика изменения численности парламентской фракции партий ГЕРБ и ДПС (4 апреля 2021 г. – 2 апреля 2023 г.)

Figure 2. Dynamics of changes in the size of the parliamentary caucus of the GERB and DPS parties (April 4, 2021 – April 2, 2023)

Источник: Центральная избирательная комиссия Болгарии.

Source: Bulgaria's Central Electoral Commission.

Популистские движения, которые планировали заменить ГЕРБ на позиции нового политического центра (ЕТН, «Вставай БГ! Мафия – вон!»), потерпели неудачу и либо оказались вне парламента, либо стали акторами второго плана. Левые партии также не добились успеха: регулярные попытки создать левое объединение на новых началах («Болгарский восход», «Левые») пока не дали результата. Единственный крупный игрок этого фланга, старейшая политическая организация в Болгарии – БСП – на протяжении всего рассматриваемого периода демонстрировала устойчивую нисходящую тенденцию (рис. 3).

В годы кризиса наблюдался настоящий ренессанс праволиберальных сил (ПП, ДБ). После того, как партия ПП, которая создавалась как популистский проект, начала сближаться с классическими либеральными движениями, влияние правых в болгарском парламенте резко возросло. Последний раз этот фланг политических сил был второй по величине фракций Народного собрания в 2001 г. С 1997 г. данные силы не получали возможность выдвинуть своего премьер-министра. Тем не менее, неудачные политические решения привели к тому, что с октября 2021 г. по апрель 2023 г. влияние правых в парламенте заметно снизилось (рис. 4). В результате они были вынуждены пойти на риск и заключить временный союз с ГЕРБ. Этот шаг дал им возможность сформировать правительство, от успехов которого теперь будет зависеть будущее правого движения.

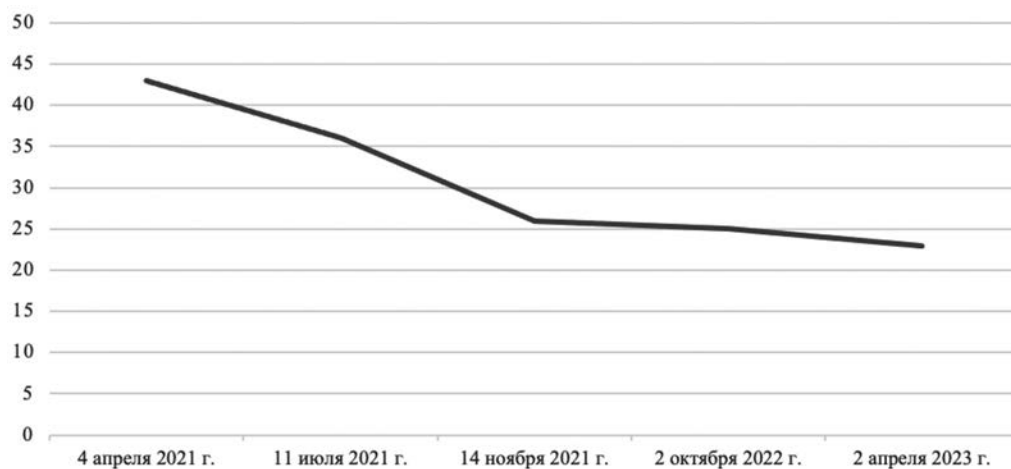

Рисунок 3. Динамика изменения численности парламентской фракции БСП
(4 апреля 2021 г. – 2 апреля 2023 г.)

Figure 3. Dynamics of changes in the size of the BSP parliamentary faction
(April 4, 2021 – April 2, 2023)

Источник: Центральная избирательная комиссия Болгарии.
Source: Bulgaria's Central Electoral Commission.

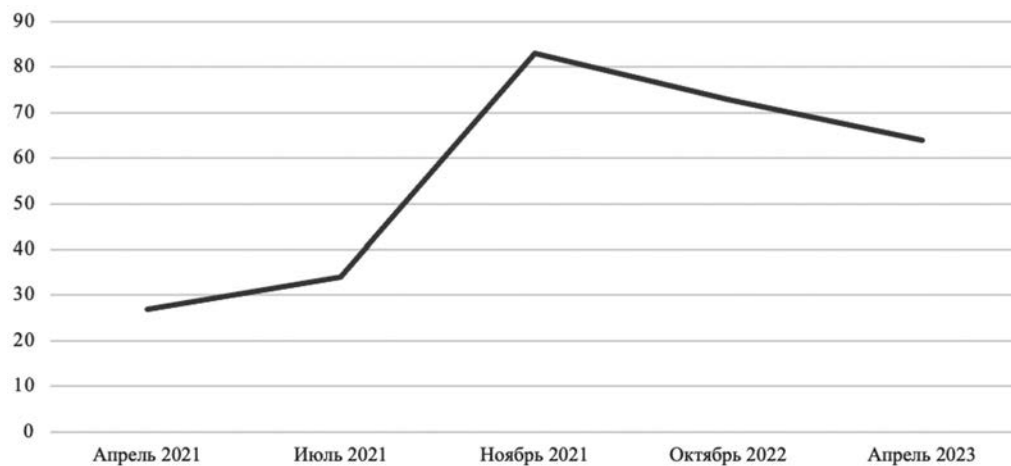

Рисунок 4. Динамика изменения численности парламентских фракций ПП-ДБ
(4 апреля 2021 г. – 2 апреля 2023 г.)

Figure 4. Dynamics of change in the size of the PP-DB parliamentary factions
(April 4, 2021 – April 2, 2023)

Источник: Центральная избирательная комиссия Болгарии.
Source: Bulgaria's Central Electoral Commission.

Наконец, новым элементом внутриполитической системы стала антисистемная националистическая популистская партия «Возрождение». В годы кризиса ее популярность резко возросла. В апреле 2023 г. партия стала третьей по численности фракцией в Народном собрании. Большинство болгарских экспертов считают, что, если бы череда досрочных отставок и внеочередных выборов продолжилась, у «Возрождения» был бы шанс превратиться в крупнейшую политическую силу. Однако в условиях стабильной работы политических органов ее возможности значительно сокращаются. Намеренно провокационная риторика и закрепившийся за ней (не вполне обоснованно) ярлык «прокремлевской» партии²⁵ делают маловероятным сотрудничество других политических игроков с «Возрождением».

Таким образом, независимо от того, насколько устойчивым окажется правительство Денкова-Габриэл, политический кризис 2021–2023 гг. можно считать завершенным после того, как ГЕРБ и ДПС вышли из внутриполитической изоляции. Ранее раскол парламентских партий на два враждебных лагеря лишал центристов пространства для маневра. В результате они не могли составлять различные политические комбинации в зависимости от конкретных результатов волеизъявления граждан. Признание лидерами «протестных сил» невозможности сформировать устойчивое правительство без участия ГЕРБ и ДПС должно устранить причину кризиса и сделать возможным нормальное функционирование политической системы Болгарии в ближайшей перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кандель П.Е. (2021a) Парламентские выборы в Болгарии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 70–76.

Kandel' P.E. (2021a) Parlamentskie vybory v Bolgarii [Parliamentary Elections in Bulgaria]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 2, pp. 70–76. (In Russ.)

Кандель П.Е. (2021b) Парламентские выборы в Болгарии и Молдове. Дубль 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 4. С. 30–36.

Kandel' P.E. (2021b) Parlamentskie vybory v Bolgarii i Moldove. Dubl' 2 [Parliamentary Elections in Bulgaria and Moldova. Take 2]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 4, pp. 30–36. (In Russ.)

Кандель П.Е. (2021c) Парламентские и президентские выборы в Болгарии. Дубль 3 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 6. С. 50–58.

Kandel' P.E. (2021c) Parlamentskie i prezidentskie vybory v Bolgarii. Dubl' 3 [Parliamentary and Presidential Elections in Bulgaria. Take 3]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 6, pp. 50–58. (In Russ.)

Кандель П.Е. (2022) Парламентские выборы в Болгарии. «Dejavu»? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 5. С. 80–86.

Kandel' P.E. (2022) Parlamentskie vybory v Bolgarii. «Deja vu»? [Parliamentary Elections in Bulgaria. Deja Vu?]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 5, pp. 80–86. (In Russ.)

Кандель П.Е. (2023) Пятые парламентские выборы в Болгарии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 55–63.

Kandel' P.E. (2023) Pyatyeparlamentskie vybory v Bolgarii [Fifth Parliamentary Elections in Bulgaria]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 2, pp. 55–63. (In Russ.)

Подчасов Н.А. (2021) Десять лет у власти в Болгарии: опыт внутриполитического лавирования партии ГЕРБ // Проблемы национальной стратегии. № 4. С. 72–97.

²⁵ Шумицкая Е.В. Если «сердце Болгарии» в Москве, то «кошелек» – на Западе. Независимая газета. 05.04.2023. (https://nvo.ng.ru/vision/2023-04-05/6_8698_bulgaria.html).

Podchasov N.A. (2021) Desyat' let u vlasti v Bolgarii: opyt vnutripoliticheskogo lavirovaniya partii GERB [Ten Years in Power in Bulgaria: The Experience of Internal Political Maneuvering of the GERB Party]. *Problemy nacional'noj strategii*. no. 4, pp. 72–97. (In Russ.)

Информация об авторе

Подчасов Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: nickpodchasov@imemo.ru

About the author

Nikolay A. Podchasov, Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Center for European Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of RAS. Address: 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya st., 23. E-mail: nickpodchasov@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 12.08.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ GOVERNANCE PROBLEMS

Оригинальная статья/ Original article

Последствия изменения климата: адаптационное управление для снижения глобальных рисков¹

© Е.Н. НИКИТИНА, Н.А. ПОЖИЛОВА

Никитина Елена Николаевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), elenanikitina@bk.ru. ORCID: 0000-0002-8431-7990

Пожилова Наталья Андреевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), natalia229@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8404-1410

Неудачи адаптации к глобальным климатическим вызовам и растущим рискам природных бедствий определяются совокупностью естественных и общественных факторов, которые приводят к уязвимости человека, инфраструктуры и секторов экономики. Они обусловлены и недостатками формирующейся системы ответных действий на международном, национальном и местном уровнях. Представлены результаты инновационного исследования, цель которого – анализ основных подходов к решению проблемы приспособления общества к последствиям изменения климата. Прослеживаются особенности и тенденции развития национальной и глобальной систем адаптации, а также трансформация роли ООН и ее специализированных учреждений при устранении барьеров для соблюдения международных принципов и норм. Выявлен новый тренд во взаимодействии стран глобального Севера и глобального Юга при формировании международного фонда по компенсации ущерба от стихийных бедствий. Внедрение механизмов адаптационного управления меняет социально-экономические, правовые и институциональные структуры, создает многоуровневую архитектуру климатической политики и мер, направленных на снижение ущерба, создание механизмов защиты и предупреждения рисков. Структура системы адаптационного управления проанализирова-

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for research projects in priority areas of science and technology development (Agreement № 075-15-2020-783).

на с учетом климатических факторов и ответов на них. Прослежена взаимосвязь между глобальным потеплением, таянием ледников, удвоением темпов повышения уровня Мирового океана, угрозами для прибрежных и островных государств и мерами адаптации для снижения рисков от природных бедствий; проведена атрибуция факторов основных тенденций ответных действий.

Ключевые слова: изменение климата, адаптационное управление, международный климатический режим

Цитирование: Никитина Е.Н., Пожилова Н.А. (2023) Последствия изменения климата: адаптационное управление для снижения глобальных рисков // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 48–59. DOI: 10.31857/S0869049923060047, EDN: MRFOCN.

Consequences of Climate Change: Adaptive Governance for Global Risks Reduction

© E. NIKITINA, N. POZHILOVA

Elena N. Nikitina, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of RAS (Moscow, Russia), elenanikitina@bk.ru. ORCID: 0000-0002-8431-7990

Natalia A. Pozhilova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), natalia229@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8404-1410

Abstract. Failures in adaptation of society to global challenges resulting from climate change, including risks of natural disasters, are defined by a combination of ecological and societal factors which result in growing human vulnerability and damages to critical infrastructure and economic sectors. They are attributed to a high extent to loopholes in the emerging system of adaptive governance and human responses at global, national and local levels. Innovative analysis is presented of major trends and approaches to the multidisciplinary problem of solving the problem of societal adaptation to climate change impact with associated transformations of socio-economic, legal, institutional frameworks and multilevel architecture of adaptation climate policy and measures towards sustainability risks reduction. The features and factors in formation of national and global adaptation regimes, innovations in the United Nations system towards overcoming the gaps in implementation of its universal principles and norms, are analyzed. Global North-South interactions in the formation of the international fund for loss and damage are tracked. Major approaches to the contemporary and future design of an adaptive governance system is studied through the assessment of interactions and linkages between climate change, global ice melting, doubling of average rates of sea-level rise during XXI century, flood risks for coastal areas and small island states, packages of adaptation response measures aimed at damage mitigation by vulnerable regions, communities and stakeholders. In this context the role of recent dynamic developments of international regimes governing adaptation to global climate change challenges and societal vulnerability reduction is reflected on the basis of unpacking the major quests in implementation and effectiveness of adaptation policies.

Keywords: climate change, adaptive governance, international climate change regime

Citation: Nikitina E.N., Pozhilova N.A. (2023) Consequences of Climate Change: Adaptive Governance for Global Risks Reduction. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 48–59. DOI: 10.31857/S0869049923060047, EDN: MRFOCN.

Особенности контекста

Проблема изменения климата и его последствий занимает приоритетное место в глобальной повестке среди главных вызовов мировому устойчивому развитию на ближайшую и долгосрочную перспективу. Фокус международной дискуссии сейчас сконцентрирован на возможных вариантах трансформации системы международной климатической политики и ответных действий. До сих пор в ней наблюдаются серьезные пробелы. Сформированная на основе Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1994 г. (РКИК ООН) и разработанного в ее рамках Парижского соглашения по климату 2016 г., она базируется на двух равновеликих и тесно взаимосвязанных принципах регулирования. Первый – сохранение глобального климата путем снижения выбросов парниковых газов (ПГ), перехода на низкоуглеродное развитие и поддержку поглотителей ПГ (леса). Второй – адаптация к последствиям за счет действий, направленных на снижение общественных рисков и уязвимости общества.

Однако на практике прослеживается дисбаланс в действиях мирового сообщества по решению климатической проблемы. Разработка мер по снижению выбросов для ограничения глобального потепления на уровне 1,5–2,0°C в последние десятилетия находится в приоритете, а формированию системы адаптации к последствиям изменения климата уделяется непропорционально скромное внимание. Наблюдается диспропорция и в глобальной структуре климатического финансирования. В середине прошлого десятилетия менее одной пятой международных финансов было направлено на адаптацию, в то время как остальная часть предназначалась для мер по сокращению выбросов. Согласно последнему докладу ВМО (Всемирная метеорологическая организация) о состоянии глобального климата (2022 г.), каждый из последних восьми лет был теплее, чем предыдущий. Отмечается рост интенсивности и увеличение масштабов климатически обусловленных природных бедствий: чрезвычайных ситуаций с негативными последствиями для безопасности человека и устойчивого развития, а именно наводнений, штормов, циклонов, аномальной жары, засух, лесных пожаров и медленно распространяющихся или «ползучих» стихийных бедствий (повышение уровня Мирового океана, опустынивание, разрушение многолетней мерзлоты).

Разрушительные природные явления затрагивают все страны независимо от уровня их социально-экономического развития. Статистика показывает, что мировой ущерб от стихийных бедствий постоянно растет. Так, в 2022 г. количество смертельных случаев от них увеличилось в 2 раза по сравнению со среднегодовыми показателями за предыдущее десятилетие, а экономический ущерб возрос на 17%².

Формирование системы климатической адаптации крайне актуально и требует совершенствования междисциплинарных подходов. Выбор ответных решений – непростая задача. Ее приходится решать в условиях высокой неопределенности, в том числе относительно сценариев глобального потепления, последствий экосистемных изменений для общества. Особенно трудна в этих условиях задача набора сопряженных ответных действий, обуславливающих трансформацию международного климатического режима и его имплементацию на различных уровнях. Развитие системы адаптационного управления представляется перспективным направлением решения глобальной климатической проблемы в современных условиях и в долгосрочной перспективе.

² CRED 2022 Disasters in Numbers. Brussels, CRED. 2022. (https://cred.be/sites/default/files/2022_EMDAT_report.pdf).

Природные бедствия и глобальные риски

В ближайшей перспективе проблемы изменения климата будут в пятерке основных вызовов мировому развитию, благополучию планеты и ее жителей [Мир 2035... 2017].

В научных кругах все шире распространяется мнение о том, что большинство стихийных бедствий обусловлено не только природными факторами, но и деятельностью человека [Kelman 2022]. Расселение в затопляемых поймах рек, близкое размещение зданий у побережья, нарушение строительных норм, ошибки территориального планирования усугубляют климатические проблемы. Это в равной мере относится ко всем странам, хотя степень их уязвимости может различаться и быть обратно пропорциональной уровню их социально-экономического развития и возможностям для ответных действий.

Все чаще при оценке масштабов последствий климатических изменений выделяют проблемы, связанные с просчетами в управлении рисками на различных уровнях. В докладе Международного экономического форума по глобальным рискам 2022 г. неудачи климатических действий (climate action failure) выделены в качестве серьезных вызовов мировому развитию³. ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде) оценивает работу системы управления климатическими действиями как недостаточно эффективную⁴. Из-за этого разрыв между количественными целями и фактическим сокращением уровня выбросов постоянно растет⁵.

Оценки последствий и состояния дел в сокращении рисков представлены на фоне роста масштабов природных бедствий и причиненного ими ущерба в [Тихомиров 2019]. В 2022 г. в мире было зарегистрировано 387 крупных стихийных бедствий с серьезными социально-экономическими последствиями. Их количество превысило средний годовой показатель (370) за период 2002–2021 гг. В 2023 г. от разрушительных климатических явлений пострадало 185 млн человек. Количество смертельных случаев составило 30,7 тыс., а мировой экономический ущерб – 223,8 млрд долл.⁶ 2023 год стал самым «дорогим» с начала века с точки зрения затрат на ликвидацию их последствий.

Адаптация: как жить с риском?

В условиях роста глобальной климатической изменчивости вряд ли можно рассчитывать на то, что в мире удастся полностью предотвратить негативные последствия стихийных бедствий и связанные с ними риски. В то же время набор ответных действий по снижению рисков и смягчению уязвимости общества представляется реальной альтернативой, предлагаемой для того, чтобы «жить с риском» и связанными с ним неопределенностями.

Адаптация общества – это приспособление социальных, экономических и институциональных систем к происходящим и будущим климатическим изменениям и их последствиям, направленное на предотвращение, снижение и компенсацию вызванного ими

³ The Global Risks Report 2022. 17th Edition. World Economic Forum. Geneva, Switzerland. 2022. 117 p. (<http://wef.ch/risks2022>).

⁴ Adaptation Gap Report 2022: Too Little, Too Slow. Climate adaptation failure puts world at risk. UNEP. Nairobi. 2022.

⁵ Мировое сообщество пока не в состоянии выполнить цель ограничения глобального потепления к концу века даже до 2,0°C; осуществляемые сейчас меры могут удержать его на 2,4–2,6°C.

⁶ CRED 2022 Disasters in Numbers. Brussels, CRED. 2022. (https://cred.be/sites/default/files/2022_EMDAT_report.pdf).

ущерба, а также на использование новых возможностей в результате изменения климата. Адаптация предусматривает совокупность мер и предполагает трансформацию в институтах, правовых и социально-экономических механизмах, технологиях и поведении населения и отдельных групп акторов с целью снизить уязвимость общества, обслуживающей инфраструктуры и секторов экономики.

В настоящее время актуально формирование адаптационного управления – интегрированной системы политики и мер на международном, национальном и местном уровнях, предполагающей разработку стратегий, механизмов и инструментов контроля над их имплементацией. Ее особенность заключается в том, что принципы полицентричности применяют, привлекая и согласуя подходы и действия государств, муниципалитетов, бизнеса, населения, некоммерческих организаций, фондов и других стейкхолдеров [Никитина 2019]. Принимать решения в условиях неопределенности с учетом динамичного взаимодействия трансформирующихся социально-экономических систем с климатической изменчивостью – серьезный вызов. Он осложняется недостаточной предсказуемостью последствий и соответствующих схем адаптации к природным бедствиям в будущем [Judd, Horne, Bond 2023]. При инновационном подходе делают акцент на гибкости и маневренности институциональных структур в условиях высокой неопределенности и возможных неожиданных будущих климатических изменений [Young 2017]. Адаптация нуждается в грамотном управлении, поскольку большинство неудачных ответов на климатические вызовы связаны с ошибками в выборе его вариантов [Adger, Arnell, Tomkins 2005]. Представляется, что необходимо увеличить горизонт планирования климатической политики и мер адаптации из-за высокой вариативности будущих сценариев и последствий глобального климатического вызова в долгосрочной перспективе.

В настоящее время во многих государствах начали адаптацию к последствиям климатических изменений. К 2022 г. большинство участников международного климатического режима разработали планы адаптации, стратегии, законодательство, национальную и региональную адаптационную политику и меры. Количество подключающихся к этому процессу стран ежегодно растет. Национальные системы адаптации, стратегии, механизмы их имплементации многообразны и предполагают применение различных инструментов. Если раньше основной фокус был на разработке стратегий и подходов, то в последние годы делают акцент на конкретных мерах и контроле над их выполнением. Наблюдается расширение участия и поддержки адаптации государств со стороны международных институтов.

При этом отмечают и ряд серьезных проблем. Среди них – недостаточность финансовых ресурсов. Так, международные финансовые потоки, направляемые на адаптацию в развивающихся странах, в 5–10 раз ниже их фактических потребностей, и разрыв увеличивается. Согласно оценкам, к 2030 г. ежегодная мировая потребность в финансовых ресурсах для адаптации может составить 160–340 млрд долл., а к 2050 г. возрасти до 315–565 млрд долл.⁷ Без должного финансового обеспечения результаты адаптационных мер не могут быть адекватными возрастающим климатическим рискам. Вместе с тем аналитики указывают, что высокий уровень финансирования не может компенсировать просчеты в управлении адаптацией [Порфирьев, Терентьев, Зинченко 2023].

Таким образом, существует разрыв между стратегиями адаптации и результатами их имплементации: адаптация недостаточно активна, а меры принимают крайне медленно.

⁷ Adaptation Gap Report 2022: Too Little, Too Slow. Climate adaptation failure puts world at risk. UNEP. Nairobi. 2022.

К типичным недостаткам системы адаптационного управления, характерным для большинства стран глобального Севера и Юга, относятся следующие:

- 1) проблемы институциональной и секторальной координации;
- 2) пробелы интеграции политики адаптации в территориальное планирование;
- 3) недостаточное участие местного населения и стейкхолдеров в обсуждении и согласовании адаптационных решений;
- 4) коррупционная составляющая финансовых потоков от центра на места;
- 5) акценты на краткосрочных проектах в ущерб долгосрочной устойчивости.

Климат и лед: последствия глобальных изменений

Среди климатических вызовов, требующих междисциплинарного подхода, особое место занимают последствия таяния льдов, т.е. разрушение ледового покрова суши и моря. В результате потепления наблюдается медленное повышение уровня Мирового океана и затопление низменных прибрежных районов континентальных и островных государств. В решении этой проблемы рельефно прослеживаются особенности и тенденции, характерные для глобального адаптационного управления: (а) последствия ускорения «ползучих» природных бедствий; (б) высокая степень неопределенности и вариативности их сценариев в долгосрочной перспективе; (г) синергия рисков и ответных действий в случае сочетания с другими климатическими бедствиями (речные наводнения, эрозия и разрушение берегов, штормы и циклоны, разрушение многолетней мерзлоты); (д) совокупность факторов и цепочки прямых и косвенных причинно-следственных связей в природных и общественных трансформациях.

Таяние льдов и разрушение ледового покрова полярных районов, где сосредоточены 99% ледников планеты – основная причина ежегодно ускоряющегося повышения уровня моря. По оценкам, изменение климата Арктики происходит сейчас в 3 раза быстрее, чем в других регионах планеты; морской ледовый покров здесь сократился на 43% за последние 40 лет, а к середине столетия Арктика может стать свободной ото льда в летний период. В течение XX в. зарегистрирован рост уровня Мирового океана на 17 см, а к 2100 г. его повышение может составить от 0,5 до 2,0 м. Одновременно наблюдается и отступление горных ледников суши (покрывают около 11% площади континентов) умеренных и тропических широт, а также разрушение многолетней мерзлоты (25% территории суши)⁸. Такие природные трансформации приводят не только к повышению уровня Мирового океана, но и к дальнейшему росту глобальной климатической изменчивости и интенсивности природных бедствий.

В 2020 г. почти 11% мирового населения (около 900 млн чел.) проживало в низменных прибрежных районах, расположенных не выше 10 м над уровнем моря. Объем сосредоточенных здесь экономических активов исчислялся примерно в 6,5–11 млрд долл.⁹; к 2050 г. численность жителей на потенциально затапливаемых побережьях может достичь 1 млрд. Уязвимы побережья практически всех государств мира, например, Нидерландов или Бангладеш. В особую зону риска входят урбанизированные территории с высокой плотностью заселения, а также населенные пункты с преобладающим маргинальным

⁸ Arctic Climate Change Update 2021: Key Trends and Impacts. AMAP. Tromsø, Norway. 148 p.

⁹ Climate Change 2022. Impacts, Adaptation and Vulnerability. Working Group II Contribution to the Sixth Assessment Report of the IPCC. IPCC. Cambridge University Press, Cambridge, UK and NY, USA. 3068.

населением¹⁰. Уровень риска высок для береговых районов Восточной и Юго-Восточной Азии, Скандинавии, на востоке США и севере Канады. Социально-экономическая уязвимость прибрежных районов бедных стран выше, чем богатых, поскольку у последних сравнительно больше возможностей для мер по защите и стабилизации побережья, а также обеспечения безопасности за счет более развитых систем раннего предупреждения населения о природных бедствиях. Дело в том, что расходы на предотвращение разрушительных последствий стихийных бедствий и защиту берегов ниже, чем ущерб от бездействия. По оценкам Zurich Insurance Company, в последнее десятилетие затраты на ликвидацию последствий природных бедствий, прежде всего наводнений и подтоплений, были в среднем в 9 раз выше расходов на их предупреждение¹¹.

Наступление моря: пакет для адаптации

Среди главных условий эффективности адаптационных мер – сочетания инструментов управления и их тесная координация.

Структурные меры. Ключевая особенность адаптационного управления в прибрежных районах – активное применение структурных мер. Инженерные и гидротехнические сооружения составляют основу защиты прибрежных районов от затопления и предупреждения его разрушительных последствий. Традиционно их широко используют развитые и развивающиеся страны, а накопленный мировой опыт такой практики адаптации достаточно многообразен [Handbook of Water Resources... 2022, Measuring Vulnerability... 2013]. При наступлении моря на сушу практикуют возведение бетонных морских стен, дамб, волнорезов, систем отводных каналов и резервуаров и др. Так, система защиты создана в Амстердаме, а столица Мальдивских островов со всех сторон обнесена бетонной стеной. Роль таких мер в национальных стратегиях прибрежной адаптации велика, и скорее всего эти меры останутся эффективными на среднесрочную перспективу. Их активно применяют в высоко-урбанизированных районах из-за дополнительных возможностей использовать под строительство, инфраструктуру и в рекреационных целях.

Популярные в Японии «супер-дамбы» (например, в Токио) служат для размещения торговых центров, парковок, складских помещений. Среди негативных аспектов – дополнительные затраты по их регулярному обслуживанию и поддержанию сохранности. Они также могут содействовать дальнейшей урбанизации, создавая обманчивую уверенность в безопасности прибрежных районов от подтопления. Вряд ли эти меры можно рассматривать как действенные в долгосрочной перспективе при значительном повышении уровня моря. Все большую популярность в густонаселенных и быстрорастущих городах приобретают инженерные интервенции по «завоеванию территории» у моря: площадь агломераций расширяют путем сооружения укрепленных насыпей, отдаляя тем самым береговую линию от центра города. Согласно спутниковым данным, за последние три десятилетия территория береговых зон в мире расширилась на 14–34 тыс. км². Контроль над выполнением защитных мер обычно входит в сферу ответственности государства.

Релокация. Наиболее действенный инструмент защиты от разрушительных последствий затопления – избегать заселения потенциально опасных районов. Следует подчеркнуть, что в современных условиях переселение жителей (добровольная миграция,

¹⁰ По оценкам, если за сто лет увеличение уровня моря составит 0,15 м, то доля населения в зоне риска возрастет на 20%, при подъеме на 0,75 м – вдвое.

¹¹ A look at five years of supporting communities building resilience against floods. Flood Resilience Alliance. March 07, 2018. (<https://www.zurich.com/en/knowledge/topics/flood-resilience/flood-resilience-alliance-2>).

принудительное и плановое отселение) и перенос инфраструктуры из опасных и разрушающихся прибрежных районов оценивают как эффективный, но агрессивный способ снижения уязвимости из-за многочисленных сопутствующих социально-экономических издержек. Обычно его считают крайней мерой климатической адаптации, поскольку вынужденное переселение обычно связано с сопротивлением и нежеланием местных жителей покидать места традиционного проживания. Трудности отселения в безопасные районы связаны и с серьезными финансовыми затратами, и с институциональными барьерами. Однако они могут быть преодолены за счет эффективных адаптационных стратегий, применения материальных и финансовых стимулов, наличия привлекательных участков и инфраструктуры в новых поселках. Так, проект строительства мощной береговой стены в Джакарте одновременно предусматривает переселение жителей большинства прибрежных жилых кварталов по программам реновации. Расширяют релокацию в арктических районах Аляски и Канады, подверженных комбинации рисков наступления моря, таяния вечной мерзлоты, береговой эрозии и разрушения зданий в прибрежных поселках.

Недавно в США была утверждена стимулирующая федеральная программа финансирования переселения ряда деревень коренных жителей из прибрежных районов Аляски из-за рисков изменения климата. На начальном этапе предусматривается выделение по 25 млн долл. двум общинам коренных народов (Newtok, Napakiak) для полной или частичной релокации. Еще четыре общины получили гранты по 5 млн долл. для участия в разработке будущих планов переселения или укрепления существующих домов и инфраструктуры в зонах риска¹². На подготовительной стадии будет отработана общая институциональная модель федеральной помощи для отселения из климатически уязвимых прибрежных поселков. Согласно оценкам 2020 г. американского Бюро по делам индейцев, расходы на переселение местных жителей из климатически уязвимых районов Аляски в следующие 50 лет могут составить 5 млрд долл.¹³

Регулирование и нормирование – это наиболее распространенный сквозной инструмент адаптационного управления и составной элемент национальных и местных стратегий адаптации в большинстве стран. Схемы «умного» территориального планирования, технические регламенты расселения в прибрежных районах, разрешения на строительство, лимиты для новых построек и инженерные нормы предусмотрены в соответствующих разделах законодательства. В зависимости от локальных особенностей, системы регулирования могут включать регламенты по эксплуатации инфраструктуры, промышленных и защитных сооружений, требования по освобождению от застройки береговой линии и дельт впадающих в море рек, нормы по укреплению и подъему фундаментов зданий и инфраструктуры, по совершенствованию их водонепроницаемости, укреплению дренажных систем в городах, а также требования раннего оповещения населения о прогнозируемых стихийных бедствиях. Так, во Французской Полинезии на густонаселенных островах стандарт строительства жилых домов на уровне 1,5 м над землей используют как защитную меру против их подтопления, а соответствующие инженерные работы субсидирует правительство по программе предотвращения рисков. В ряде стран требование

¹² Финансирование программы релокации проводят за счет фондов в рамках «Акта по инвестициям в инфраструктуру и рабочие места» в размере 115 млн долл. в 2021 г.; 17,7 млн долл. выделило Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, 2 млн долл. – Комиссия Денали. Rough-Polished. (<http://www.rough-polished.com/ru/arctica/128511.html>).

¹³ BIA Branch of Tribal Climate Resilience Regional Assessment Report. Bureau of Indian Affairs Branch of Tribal Climate Resilience and the United States Geological Survey, National Climate Adaptation Science Center. 2022. (https://www.bia.gov/sites/default/files/dup/inline-files/12.2.22_final_draft_tcr_regional_assessment_bao_approved_508.pdf).

поднимать уровень зданий рассматривают как перспективный инструмент регулирования, особенно для безопасности в дорожных районах, с которыми связаны высокие ожидания получить доходы от продажи или аренды земельных участков и развития туризма. Задачи регулирования также связаны с повышением информированности населения и бизнеса относительно последствий стихийных бедствий, норм строительства жилья, используемых материалов (например, кирпич вместо дерева).

Экономические инструменты. Среди наиболее распространенных инструментов в последние годы можно выделить экономическую поддержку со стороны государства; стимулы, поощрение инноваций по защите зданий, сооружений и территорий; инициативы для местных жителей и секторов экономики по укреплению устойчивости к природным рискам. Так, в Каталонии государственное финансирование предоставляют для укрепления пляжей и создания местных адаптационных фондов. На Аляске правительственная поддержка и субсидии местным жителям становятся универсальным средством адаптационных программ. Экономические инструменты актуальны не только для местного населения, но и для развития бизнеса в прибрежных районах. Инициативы по созданию новых рабочих мест и рынков товаров и услуг по защите от подтопления, поддержанию и обслуживанию прибрежной инфраструктуры, развитию малого и среднего бизнеса в туристическом секторе все чаще применяют в местных стратегиях адаптации. Интересны и новые механизмы по стимулированию развития частно-государственного партнерства для мер адаптации на побережьях, в том числе с привлечением частных компаний по недвижимости к участию в инфраструктурных проектах, особенно в фешенебельных кварталах прибрежных городов.

Активизируется практика применения заемных средств, а также систем налоговых льгот для привлечения инвестиций в инфраструктуру защиты от подтопления. Наблюдается расширение видов страховых и перестраховочных услуг, а в страховых продуктах все чаще учитывают климатический фактор. Интересны практики ряда региональных программ страхования рисков в чрезвычайных ситуациях. К ним относится проект Всемирного банка по созданию Тихоокеанской компании страхования от катастроф (Pacific Catastrophe Insurance Company) для программ расширения доступности услуг страхования в регионе. Однако страхование климатических рисков в настоящее время развито недостаточно, а доля страхового покрытия ущерба от природных бедствий, например, в развивающихся странах, незначительна и пока не пользуется популярностью у местного населения.

Мировая практика показывает, что главный барьер на пути снижения рисков от изменения климата связан с необходимостью привлекать крупные финансовые ресурсы. Так, по данным Счетной палаты правительства США, только на Аляске фактические расходы федерального бюджета за 5-летний период 2016–2020 гг. на защиту поселков, восстановление и укрепление разрушенной из-за стихийных бедствий инфраструктуры составили примерно 400 млн долл.¹⁴ Детальные глобальные оценки фактических и будущих финансовых потребностей для снижения уязвимости прибрежных районов достаточно противоречивы. Согласно недавним расчетам, мировые расходы на защиту побережий путем строительства дамб оценивают примерно в 12–71 млрд долл. при повышении уровня моря на высоту 1,2 м [Hinkel et al. 2018]. Однако результаты анализа затрат показывают, что строительство гидротехнических сооружений с финансовой точки зрения может быть эффек-

¹⁴ Alaska Native Issues: Federal Agencies Could Enhance Support for Native Village Efforts to Address Environmental Threats. U.S. Government Accountability Office. May 18, 2022. (<https://www.gao.gov/products/gao-22-104241>).

тивной мерой защиты в основном для богатых или густонаселенных побережий, так как в других районах они, скорее всего, не окупятся.

Необходимо подчеркнуть, что особо остро финансовые проблемы адаптации проявляются в странах глобального Юга и небольших островных государствах, не обладающих адекватным потенциалом для мобилизации необходимых ресурсов. В большинстве случаев их бюджет на адаптацию прибрежных районов ограничен и зависит от помощи международных доноров. Практика показывает, что иностранная помощь обычно лимитирована и краткосрочна. Например, ситуация в Бангладеш и Кирибати продемонстрировала, что возможности привлечь необходимое оборудование и материалы за пределами стартовых проектов финансирования ограничены. В странах, расположенных в бассейнах Атлантического и Индийского океанов, 75% финансовой помощи предоставляют в виде заемных средств, а остальную часть выделяют за счет грантов¹⁵.

Обычно помощь предоставляют под конкретные проекты и определенным секторам экономики и направляют на приоритеты доноров, которые могут не совпадать с целями островных государств-реципиентов.

Новые направления глобального взаимодействия

Представляется, что адаптация к последствиям глобальных климатических изменений для снижения связанных с ними рисков становится новым важным сегментом многостороннего взаимодействия и правового регулирования и имеет ряд особенностей и тенденций.

Во-первых, происходит достаточно динамичное развитие глобального климатического режима РКИК ООН и имплементации ее Парижского соглашения, предусматривающего международные нормы регулирования адаптации (ст. 42–65), в том числе финансовые аспекты и инновационные договоренности относительно компенсации ущерба особо уязвимым странам и регионам. К концу 2022 г. отмечен прогресс во взаимодействии стран Север-Юг по адаптации к последствиям природных бедствий. Так, на 27-й Климатической конференции сторон было принято решение создать новый глобальный климатический Фонд по компенсации ущерба и потерь особо уязвимых развивающихся стран. Этот фонд дополняет систему многосторонних «зеленых» финансовых институтов, включающую в т. ч. Зеленый климатический фонд, Фонд адаптации и др. [Худякова 2018]. Предполагается, что финансировать его будут за счет ежегодных поступлений от стран с высоким уровнем выбросов парниковых газов. Создание фонда – это итог трех десятилетий динамичных международных переговоров. Они характеризовались противоречиями из-за различий в интересах потенциальных доноров (ЕС и США – крупные производители выбросов парниковых газов) и реципиентов финансовой помощи (развивающиеся страны Группы 77, особо уязвимые к последствиям климатических изменений).

Во-вторых, прослеживается новая тенденция в системе ООН. Происходит усиление таких специализированных учреждений, как Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и ЮНЕСКО, которые от декларативного участия переходят к содействию конкретным программам адаптации. Преодоление фрагментации в их деятельности стало прорывом в обеспечении мирового устойчивого развития. Среди других изменений можно отметить, что учреждения ООН

¹⁵ UNEP's Adaptation Gap Report 2023: Underfinanced. Underprepared – Inadequate investment and planning on climate adaptation leaves world exposed. UNEP. 02 NOVEMBER 2023. (<https://www.unep.org/resources/adaptation-gap-report-2023>).

усиливают координацию в принятии решений, регулярно проводят оценки фактического состояния дел и эффективности мер по адаптации, поддерживают формирование систем больших данных и мобилизации финансовых ресурсов, чтобы снизить уязвимость отдельных стран и регионов перед стихийными бедствиями.

В-третьих, углубляют свои компетенции отдельные специализированные учреждения и институты ООН. Например, интересные перспективы связаны с работой ее специального органа по сокращению рисков природных бедствий (UN Disaster Risk Reduction, UNDRR). Совместно с Всемирным банком и другими международными организациями создано глобальное партнерство для программ адаптации к изменению климата, чтобы снизить риск стихийных бедствий в развивающихся странах (The Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, GFDRR¹⁶) и выполнить Сендайскую глобальную рамочную стратегию 2015–2030 гг. (Sendai Framework). Это направление тесно связано с деятельностью по семнадцати Целям ООН по устойчивому развитию к 2030 г., в частности, в рамках Цели № 13 («Глобальный климат и устойчивое развитие»), а также разработанных в последнее десятилетие многочисленных региональных программ снижения климатических рисков для населения уязвимых стран. Представляется, что эффективность глобального сотрудничества в рамках ООН напрямую зависит от успешности выполнения ее программ и практического вклада региональных, национальных и локальных акторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Мир 2035. Глобальный прогноз (2017) Ред.: Дынкин А.А. М.: Магистр. 352 с.
Mir 2035. Globalny prognoz [World in 2035. Global Forecast] (2017) Ed(s): Dynkin A.A. Moscow: Magistr. 352 p. (In Russ.)
- Никитина Е.Н. (2019) Изменение климата в Арктике: адаптация в ответ на новые вызовы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 5. С. 177–200.
Nikitina E.N. (2019) *Izmenenie klimata v Arktike: adaptacziya v otvet na novy'e vy'zovy* [Climate Change in the Arctic: Adaptation to New Challenges]. *Kontury global'nykh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. vol. 12, no. 5, pp. 177–200 (In Russ.)
- Порфирьев Б.Н., Терентьев Н.Е., Зинченко Ю.В. (2023) Планирование адаптации к изменениям климата: мировой опыт и возможности для устойчивого социально-экономического развития России // Проблемы Прогнозирования. № 2. С. 154–168. DOI: 10.47711/0868-6351-197-154-168
Porfir'ev B.N., Terent'ev N.E., Zinchenko Yu.V. (2023) *Planirovanie adaptacii k izmeneniyam klimata: mirovoj opyt i vozmozhnosti dlya ustojchivogo soczialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Planning of Adaptation to Climate Change: World Experience and Opportunities for Sustainable Socio-Economic Development in Russia]. *Problemy` Prognozirovaniya*. no. 2, pp. 154–168. DOI: 10.47711/0868-6351-197-154-168 (In Russ.)
- Тихомиров С.Н. (2019) Международно-правовой аспект решения всеобщей проблемы роста ущерба от стихийных бедствий // Государство и право. № 10. С. 121–129.
Tikhomirov S.N. (2019) *Mezhdunarodno-pravovoj aspekt resheniya vseobshhej problemy rosta usherba ot stikhijnykh bedstvij* [International Law Aspects in Solving Universal Problem of Growing Damage from Natural Disasters]. *Gosudarstvo i pravo*. no. 10, pp. 121–129 (In Russ.)

¹⁶ Предусматривает финансовые механизмы по предоставлению грантов и научно-технической помощи странам с акцентом на конкретных направлениях снижения рисков, защиту критической инфраструктуры, развитии климатического обслуживания, обеспечении доступа к системам больших данных о рисках стихийных бедствий.

Худякова Л.С. (2018) Реформа глобальных финансов в контексте устойчивого развития // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 7. С. 38–47.

Khudyakova L.S. (2018) Reforma global'ny`kh finansov v kontekste ustojchivogo razvitiya [Reform of Global Finance in the Context of Sustainable Development]. *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya*. vol. 62, no. 7, pp. 38–47. (In Russ.)

Adger W., Arnell N., Tompkins E. (2005) Successful Adaptation to Climate Change Across Scales // Global Environmental Change. No. 15. Pp. 77–86.

Handbook of Water Resources Management: Discourses, Concepts and Examples (2022). Ed(s): Bogardi J., Gupta J. et al. Netherlands: Springer. 810 p.

Hinkel J. et al. (2018) The Ability of Societies to Adapt to Twenty-First-Century Sea-Level Rise // Nature Climate Change. No. 8, pp. 570–578.

Judd M., Horne A.C., Bond N. (2023) Perhaps, Perhaps, Perhaps: Navigating Uncertainty in Environmental Flow Management // Frontiers in Environmental Science. Vol. 11. DOI: 10.3389/fenvs.2023.1074896

Kelman I. (2020) Disaster by Choice: How Our Actions Turn Natural Hazards into Catastrophe. Oxford, UK: Oxford University Press. 192 pp.

Measuring Vulnerability to Natural Hazards: Towards Disaster Resilient Societies (2013) Second Edition. Ed(s): Birkmann J. Tokyo-NY-Paris: United Nations University Press. 720 p.

Young O.R. (2017) Governing Complex Systems: Social Capital for the Anthropocene. London, Massachusetts: The MIT Press Cambridge. 279 p.

Информация об авторах

Никитина Елена Николаевна, кандидат экономических наук, заведующая сектором глобальных экономических проблем, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: elenanikitina@bk.ru

Пожилова Наталья Андреевна, кандидат юридических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: natalia229@mail.ru

About the authors

Elena N. Nikitina, Candidate of Sciences (Economics), Head of Sector for Global Economic Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Russia, Moscow, Profsouznyaya st., 23. E-mail: elenanikitina@bk.ru

Natalia A. Pozhilova, Candidate of Sciences (Law), Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Russia, Moscow, Profsouznyaya st., 23. E-mail: natalia229@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 18.07.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 327:004.771:914/919

DOI: 10.31857/S0869049923060059
EDN: MRFWZK

Оригинальная статья / Original article

Наименее развитые страны: ИКТ-ландшафт и возможные направления помощи

© С.В. ЕГЕРЕВ

Егеров Сергей Викторович, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Россия, Москва), segerev@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6998-1060

ИКТ-ландшафт в наименее развитых странах (НРС) представляет неоднородную картину. Очевидны многоукладность инфраструктуры, а также многообразие технических проблем и общественного восприятия новых технологий от страны к стране. На основе статистики учреждений ООН рассмотрена динамика информатизации в этих странах. Выполнена ранжировка стран НРС по параметру коннективности (подключенности к Интернету). Выделены критические составляющие инфраструктуры. Рассмотрены социотехнические проблемы, связанные с развитием ИКТ (профилактика невостребованности и «карго-культы», проблема развития локальных цифровых платформ). Представлены рекомендации по совершенствованию мер международной помощи.

Ключевые слова: стандарты мобильной связи, параметр коннективности, международное научное сотрудничество, технологический скачок

Цитирование: Егеров С.В. (2023) Наименее развитые страны: ИКТ-ландшафт и возможные направления помощи // Общественные науки и современность. № 6. С. 60–74. DOI: 10.31857/S0869049923060059, EDN: MRFWZK.

The Least Developed Countries: ICT Landscape and Possible Directions of Support

© S. EGEREV

Sergey V. Egerev, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), segerev@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6998-1060

Abstract. The ICT landscape in Least Developed Countries (LDCs) is characterized by a diverse array of infrastructure, services and public perceptions of new technologies. The dynamics of informatization within these countries are examined, focusing on the connectivity parameter to rank the 48 countries in this group. Additionally, critical components of infrastructure are highlighted, and socio-technical problems associated with ICT development are addressed, including the prevention of non-use, cargo cult mentality, and the challenge of developing local digital platforms. The analysis reveals the following key findings. 1. The notion that the future of ICTs in LDCs should rely solely on mobile communications is deemed premature due to the impact of the pandemic. 2. It is imperative to adapt services for the segment of the population in LDCs that will continue to utilize the Internet through “fixed computers with fixed access + 2G telephones” in the forthcoming years. 3. The UN agencies’ objectives of achieving widespread adoption of digital government, distance education, and e-commerce services are not always immediately attainable for LDCs. Consequently, it is concluded that the directions of international support for this process should be recalibrated in the post-Covid era.

Keywords: mobile communication standards, connectivity parameter, international scientific cooperation, technology leapfrogging

Citation: Egerev S.V. (2023) The Least Developed Countries: ICT Landscape and Possible Directions of Support. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 60–74. DOI: 10.31857/S0869049923060059, EDN: MRFWZK.

С середины 1990-х гг. значимую роль играет международная поддержка цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в странах догоняющего развития. Сегодня тема информатизации развивающихся стран хорошо разработана. Укоренился термин Information and Communication Technology for Development (ICT4D, информационные и коммуникационные технологии для развития). Общие рамки современных исследований в этой области, по-видимому, были заданы в работе [Walsham, Sahay 2006]. В проблеме продвижения ICT4D выделяют три основных дискурса. Первый связан с заимствованием технологий у развитых стран, а также с подражанием их институтам. Второй дискурс заключается в формировании социотехнических структур, обеспечивающих, в первую очередь, доступ к дистанционному образованию, электронной торговле и услугам т. н. цифровых правительств [Kaur, Ganganagar, Arora 2023]. В третьем дискурсе инновации в этой области рассматривают как условие улучшения жизни в конкретном населенном пункте [Avgerou 2017].

Анализ ИКТ-стратегий правительств развивающихся стран занимает ведущее место в научной литературе по данной тематике [Hanafizadeh, Khosravi, Badie 2019]. Эти стратегии затрагивают технические, организационные и социальные аспекты информатизации. Так, интерес и даже беспокойство вызывает то, что в развивающихся странах проекты ИКТ часто испытывают нехватку ресурсов, лишаются политической поддержки, в результате чего они технологически деградируют или общество их отторгает. Анализ причин проводят весьма обстоятельно, однако высокие риски неудач сохраняются¹.

¹ Examples of Failed Aid-Funded Projects in Africa. NBC News. 24.12.2007. (<https://www.nbcnews.com/id/wbna22380448>).

Большое количество исследований, обобщенных в [Cardona, Kretschmer, Strobel 2013], было проведено, чтобы определить влияние ИКТ на экономический рост. Результаты работ подтверждают вывод о наличии положительной и значимой связи между телекоммуникационной инфраструктурой и экономическим ростом развивающихся стран. Для темы настоящей статьи важны исследования влияния на экономический рост именно широкополосной связи. Первая попытка измерить такое влияние предпринята в работе [Lehr, Gillett, Osorio 2006]. В частности, обнаружено, что там, где была доступна массовая широкополосная связь, более быстрыми темпами росла занятость и развивался бизнес. Также оценена экономическая ценность широкополосной связи с точки зрения доходов и потребительской выгоды [Greenstein, McDevitt 2009; Czernich, Falck, Kretschmer 2011]. Известна модель, в которой темп технологического роста задается как нелинейная функция широкополосной инфраструктуры – как государственной, так и частной [Duggal, Saltzman, Klein 2007]. В обзоре [Sassi, Goaid 2013] освещены теоретические подходы к положительному прогнозу влияния ИКТ на экономический рост бедных стран, в отличие от некоторых эмпирических исследований, показавших неоднозначные результаты [Dewan, Kraemer 2000]. С 2010-х гг. мобильный широкополосный индивидуальный доступ успешно конкурирует с фиксированным общим доступом в бедных районах планеты [Fife, Pereira 2016]. Проекты развития ИКТ всегда рассматривают в контексте глобальной связности (подключенности к Интернету), включая как положительное, так и негативное ее влияние на национальную культуру и экономику [Waema 2015].

Пандемия COVID-19 выявила недостаточную адаптационную готовность стран догоняющего развития к современным ИКТ. Технические и социальные аспекты постковидного ИКТ-ландшафта в этих странах обсуждаются в работах [Masiero 2022; Masiero, Nielsen 2021; Milan, Treré, Masiero 2021], а также подробно рассмотрены в настоящей статье.

Цель работы – обобщить основные проблемы информатизации развивающихся стран в новых условиях. На основе, главным образом, статистики организаций ООН рассмотрены как технические инфраструктурные, так и социотехнические вопросы.

С точки зрения освоения ИКТ существенные проблемы испытывают три группы стран: наименее развитые страны (НРС), развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю (РСНВМ), а также малые островные развивающиеся государства (МОРАГ). Страны первой группы, как правило, имеют большую долю рассеянного по территории сельского населения, что затрудняет развертывание фиксированной коммуникационной инфраструктуры. Страны второй группы имеют завышенные затраты на связь. Страны третьей группы зачастую представляют собой архипелаги, а обеспечение малонаселенных островов надежной связью – непростая задача.

Направления помощи наименее развитым странам

С 1971 г. страну включают в категорию НРС при одновременном падении до критических значений трех критериев: (а) низкого уровня дохода, (б) расширенного индекса реального качества жизни; и (в) индекса экономической уязвимости (ИЭУ). Сегодня список наименее развитых стран состоит из 48 государств. По регионам: Африка – 34, Азия и Океания – 13, Латинская Америка и Карибы – 1. География, численность населения по странам и доходы внутри группы различаются, что влияет на развитие цифровых технологий. Соответственно, единого рецепта развития информатизации в НРС не существует, и помощь в развитии ИКТ оказывается весьма разнообразной. Некоторые из направлений международной помощи в развитии ИКТ приведены в таблице 1.

Таблица 1

Некоторые из направлений международной помощи

Table 1

Some of the directions of international aid

Актор	Направления проектов
Программа развития ООН	Преодоление цифрового разрыва, поддержка цифровых правительств, цифровой грамотности, а также доступа к технологиям в малообеспеченных регионах
Всемирный банк	Оптимизация инфраструктуры ИКТ, расширение широкополосного доступа и развитие цифровых финансовых услуг
USAID (Агентство США по международному развитию)	Информатизация образования, здравоохранения, сельского хозяйства и управления. Оптимизация дистанционного обучения, телемедицины. Цифровая финансовая интеграция
Фонд Билла и Мелинды Гейтс	Поддержка исследований в области инновационных решений ICT4D. Развитие цифровых финансовых услуг, телемедицины и интеллектуальных сельскохозяйственных технологий.
МСЭ	Помощь странам в разработке политики, нормативных актов и инфраструктуры для улучшения коннективности
GSMA	Защита интересов операторов мобильной связи во всем мире и поддержка мобильных технологий в целях развития
Google	В рамках инициативы «Следующий миллиард пользователей» предоставляется коннективность новому миллиарду пользователей на развивающихся рынках
Инициатива Internet.org	Инициатива по предоставлению жителям НРС бесплатного доступа к интернет-ресурсам, поддерживаемая компаниями Samsung, Ericsson, MediaTek, Opera Software, Nokia и Qualcomm
НПО и некоммерческие организации	Многочисленные проекты, в их числе One Laptop Per Child («Ноутбук каждому ребенку»), проекты Grameen Foundation по внедрению инновационных технологий для борьбы с бедностью
Двустороннее сотрудничество	Программы помощи для развития ИКТ в конкретных странах-партнерах. В их числе – программы научно-технического сотрудничества Российской Федерации

Источник: документы МСЭ, Агентства США по международному развитию, ЮНЕСКО.

Source: Documents of ITU, USAID, UNESCO.

Как следует из таблицы 1, традиционная помощь распределена относительно равномерно в широком спектре направлений, она затрагивает как чисто технические инфраструктурные, так и социальные аспекты. Насколько эффективна эта помощь? В качестве ориентира ООН сформулировала т. н. Цель устойчивого развития 9с, требующую достижения страной необходимых параметров коннективности, чтобы «обеспечить в наименее развитых странах всеобщий и недорогой доступ к Интернету к 2020 году»². Для достижения цели требуется одновременное выполнение двух критериев: (а) не менее 95% населения страны должно быть охвачено сетью мобильного широкополосного доступа («охват»); (б) цены на мобильную передачу данных не должны превышать 2% от ежемесячного дохода («доступность»). К настоящему времени достигли Цели 9с только две

² ICTs, LDCs and the SDGs – Achieving Universal and Affordable Internet in the Least Developed Countries. The UN specialized agency for ICTs. (<https://clck.ru/354h2D>).

страны из числа НРС – Бангладеш и Бутан. При анализе причин торможения ряд технических решений был признан ошибочным. Например, была подвергнута критике недооценка потенциала фиксированной связи и перекос в сторону ненадежных мобильных решений. Однако проблема оказалась не только в технических аспектах. Торможение развития во многих странах происходит также из-за неэффективности социотехнических надстроек над коннективностью. О неудачах социотехнических программ, сопровождающих развитие ИКТ, заявлено и на недавней Пятой конференции ООН по наименее развитым странам LDC5 (Доха, Катар, 5–9 марта 2023 г.)³.

К международным акторам пришло понимание того, что достижение пороговых значений охвата и доступности не снимают всех препятствий для пользования Интернетом в НРС⁴. Накопленный опыт выполнения проектов, постковидный ИКТ-ландшафт, ускоренная цифровизация мировой экономики и последние достижения ИКТ на глобальном уровне (например, переход к стандарту 5G) требуют корректировки международной помощи и перераспределения ресурсов между направлениями. Для дальнейшего анализа следует ранжировать массив НРС по параметру коннективности.

Показатели развития ИКТ в наименее развитых странах

Единого показателя, который мог бы отразить все аспекты коннективности, не существует. Различные организации используют разные источники данных и методологии для сравнения качества подключения к Интернету в разных странах. Распространен параметр коннективности по версии МСЭ (National connectivity Internet ITU parameter), который определяет общую меру того, насколько хорошо страна или регион подключены к Интернету. Для практического вычисления параметра коннективности по версии МСЭ используют нормированную сумму четырех компонентов. Это (1) доля домовладений, оснащенных мобильным телефоном; (2) покрытие мобильной связью в долях населения; (3) величина, обратная стоимости передачи мобильных данных; (4) доля домовладений с компьютером и фиксированным интернет-доступом⁵.

Результат ранжирования наименее развитых стран по параметру коннективности для 2021 г. представлен на рис. 1.

На рис. 1 можно выявить четыре группы: лидеры, «середняки», отстающие, а также страны, данные по которым неполны. Страны из группы лидеров представляют, в основном, Азию. Естественно, что в этой группе оказались и две уже упомянутые страны – Бангладеш и Бутан. При относительно высокой Интернет-готовности своего населения страны-лидеры нуждаются в оптимизации ИКТ-инфраструктуры для ускорения экономического роста, что позволит им покинуть категорию НРС⁶.

Группа аутсайдеров представляет Африку. В странах-аутсайдерах растет численность жителей, которые теоретически имеют доступ к Интернету, но не пользуются им по различным причинам (они анализируются ниже). Это определенный парадокс: именно в

³ Глава ООН призвал мир помочь беднейшим странам вырваться из «порочного круга нищеты». Новости ООН. 04.03.2023. (<https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438292>).

⁴ Bogdan-Martin D. Advancing Digital Connectivity in Least Developed Countries. The UN specialized agency for ICTs. 20.09.2021. (<https://www.itu.int/hub/2021/09/advancing-digital-connectivity-in-least-developed-countries/>).

⁵ Connectivity in the Least Developed Countries. Status report 2021. ITU Publications. (<https://clck.ru/354gph>).

⁶ С 1971 г. лишь 5 стран (Ботсвана, Кабо-Верде, Мальдивские острова, Самоа и Вануату) окрепли настолько, что смогли покинуть категорию НРС. Вануату пока еще входит в статистику НРС, являясь середняком в области ИКТ, согласно рис. 1.

странах-аутсайдерах обнаруживается избыточность предложения сервисов, особенно в городах. Отчасти это связано с высокой стоимостью устройств и услуг. Налицо как неподъемная для многих стоимость передачи мобильных данных, так и стоимость смартфонов. Например, если в Лесото (из группы лидеров) стоимость смартфона составляет 16% от среднемесячного дохода пользователя, то для Мозамбика эта доля составляет 51%. К числу проблем этих стран относится и проблема информатизации коренных народов⁷. Таким образом, в странах-аутсайдерах в первый ряд выходят проблемы социотехнического характера. Более детально проблемы для двух показательных групп систематизированы в таблице 2.

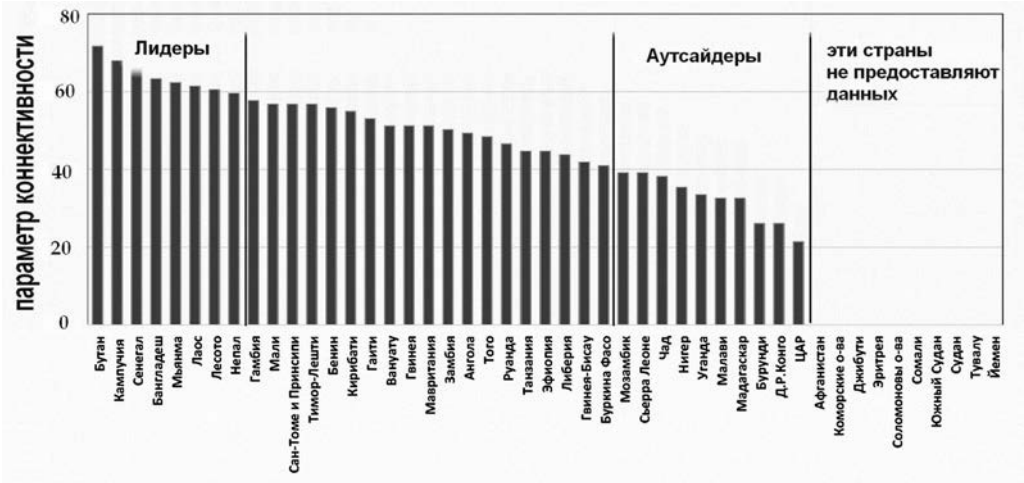

Рисунок 1. Ранжирование наименее развитых стран по параметру связности

Figure 1. Ranking of the least developed countries by connectivity parameter

Источник: *Connectivity in the Least Developed Countries. Status report 2021. ITU Publications.*
Source: *Connectivity in the Least Developed Countries. Status report 2021. ITU Publications.*

Таблица 2

Наиболее острые проблемы развития ИКТ, по двум группам

Table 2

The most acute problems of ICT development, by two groups

Группа НРС	Характеристика проблем
Лидеры	1. Ограниченная инфраструктура ИКТ, недостаточная надежность электроснабжения и подключений, трудности доступа к аппаратным средствам 2. Проблемы кибербезопасности, высокий риск киберугроз, включая взломы и утечки данных, отсутствие достаточных ресурсов и опыта в этой области 3. Слабая или устаревшая нормативно-правовая база, препятствующая росту сектора, отталкивающая инвесторов и вызывающая проблемы со справедливым распределением спектра частот под стандарт 5G

⁷ Имеются примеры успешного решения этой проблемы в России.

Продолжение табл. 2

Группа НРС	Характеристика проблем
Аутсайдеры	1. Высокая стоимость подключения, препятствующая использованию ИКТ 2. Экономические и финансовые ограничения, непосильная для бюджетов задача поддержания инфраструктуры ИКТ 3. Отсутствие цифровой грамотности у значительной части населения, что мешает использованию ИКТ для получения образования, работы и доступа к государственным услугам 4. Ограниченность местного контента, снижающая полезность ИКТ для местного населения 5. Проблема цифровой инклюзии, отсутствие доступа к ИКТ у маргинальных групп населения (сельское население, люди с ограниченными возможностями и т. д.)

Источник: документы МСЭ, Агентства США по международному развитию, ЮНЕСКО.
 Source: Documents of ITU, USAID, UNESCO.

Страны четвертой группы не предоставляют полных данных. Однако некоторая полезная информация доступна. Например, известно, что в странах Африканского Рога (Сомали, Эритрея, Джибути) все провайдеры – государственные⁸. Международная поддержка информатизации в условиях такой монополии сталкивается с новыми рисками, но может и иметь дополнительные возможности.

В числе общих для всех групп НРС назовем проблемы, вызванные последствиями пандемии. Так, вновь возникла проблема выбора стратегии развития между фиксированным и мобильным подключениями. Также пандемия повысила зависимость всех секторов от цифровых инструментов, возрос спрос на новые решения в области телемедицины, дистанционного образования, услуг цифрового правительства и Интернет-банкинга. Средства удаленной и совместной работы, такие как видеоконференции, платформы управления проектами и облачные сервисы, оказались необходимыми для поддержания деятельности предприятий даже после окончания карантинных мер.

Национальная ИКТ-инфраструктура: достижения и проблемы

Национальная инфраструктура передачи данных является важнейшим компонентом цифровой экономики любой страны. Достижения правительств НРС и их партнеров по развитию при создании современной ИКТ-инфраструктуры несомненны. Насчитывается немало частично или полностью инфраструктурных проектов, которые завершились значимым успехом. Среди них – Digital Bangladesh (Цифровая Бангладеш), Rwanda Digital Ambassadors Program (Программа «цифровых послов» Руанды), Vanuatu Inter-Island Telemedicine and Learning (Межостровные телемедицина и обучение в Вануату), Mobile Money for the Poor (Мобильные деньги для бедных) и другие. Заметно расширился доступ к широкополосной мобильной телефонии и цифровым платформам, особенно в городских районах. Однако по-прежнему недостаточный охват фиксированной широкополосной связи, особенно в сельских районах, требует внимания к инфраструктурным приоритетам.

К таким приоритетам относятся: (а) оптимизация технологии широкополосной передачи данных; (б) оптимизация сети т. н. IXP-точек и центров обработки данных. Оптимизация широкополосных магистралей стала актуальной после пандемии. Фиксированную и мобильную широкополосную связь в 2010-е гг. старались развивать параллельно, хотя

⁸ Global Connectivity Report 2022. The UN specialized agency for ICTs. (<https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-global-01-2022/>).

мобильным средствам уделяли большее внимание (во многом из-за трудностей прокладки кабелей в малонаселенных районах). Переход от стандарта 2G к стандарту 3G был качественным скачком для мобильных сетей: скорость передачи данных достигла 40 Мбит/с. Абоненты получили возможность передавать голосовые сообщения и смотреть кинофильмы. Тем не менее переход от стандарта 3G к 4G, при котором скорость передачи данных возросла до 110 Мбит/с, до пандемии оставался во многом недооцененным.

Однако пандемия показала, что даже мобильная связь стандарта 4G не служит идеальной заменой фиксированной широкополосной связи. Фиксированный вариант обычно обеспечивает лучшее качество, более высокую скорость обмена данными и оказывается дешевле при равных объемах передаваемых данных. Спрос на системы видеоконференций в период карантина привел к тому, что сегодня фиксированную связь ускоренно развивают многие НРС, но устаревший стандарт мобильной связи 2G не спешит сдавать позиции. Так, узкополосные сети 2G, уже выходящие из эксплуатации, все же получили признание в сельскохозяйственных отраслях Нигера [Aker, Bounnijel, McClelland 2016], Бангладеш⁹ и других НРС. Комбинация «простой телефон 2G + домашний компьютер с фиксированным широкополосным подключением» вновь оказалась востребованной. Эксперты, которые укоряют жителей за приверженность передаваемым из поколения в поколение простым кнопочным телефонам, при том, что смартфоны так и лежат нераспакованными, по-видимому, не знакомы с решениями типа «кенийские деньги» [Hughes 2007]. «Кенийские деньги» стали популярными после того, как в 2007 г. компания Safaricom обеспечила владельцам простых телефонов в Восточной Африке доступ к современным банковским услугам. Есть и другие сервисы, которые могут быть адаптированы к кнопочным телефонам.

Альтернативой выступает комбинация «смартфон + (возможно) планшет с мобильным широкополосным подключением». Ресурсов на интенсивное параллельное развитие обеих версий широкополосной связи сегодня не всегда хватает. Выбор того или иного варианта для дальнейшего развития в каждой стране зависит, например, от качества дистанционных услуг, оказанных во время эпидемий или природных бедствий, стоимости смартфонов и степени надежности мобильного трафика. Успех мобильных решений демонстрирует, например, Камбоджа. Перейдя от стандарта 2G сразу к стандарту 4G, она сегодня имеет один из самых конкурентных рынков мобильной широкополосной связи в мире. Развитие широкополосной мобильной связи занимает приоритетное положение и в некоторых других странах, например, в Руанде, Вануату и Сенегале¹⁰.

Требования к качеству мобильных сетей постоянно обгоняют достигнутые параметры мобильных стандартов. Поэтому вытеснение фиксированных сетей произойдет не раньше широкого распространения стандарта 5G. Его внедрение позволит снять большую часть нагрузки с оптоволоконных систем. Возраст уложенного оптоволокна в ряде регионов близится к 30 годам, оно подвержено старению и утрате прозрачности [Dezhina, Egerev 2023]. Также способствуют переходу к 5G потребности роботизации и интернета вещей.

Однако значимое проникновение мобильных сетей нового поколения произойдет не скоро. В Африке к 2027 г., как ожидается, количество абонентов 5G составит всего 10%¹¹.

⁹ SMS Gateway: Improving Animal Health through Information and Communication Technologies. e-agriculture. 05.04.2017. (<https://clck.ru/354hUS>).

¹⁰ Broadband for National Development in Four LDCs: Cambodia, Rwanda, Senegal, Vanuatu. Report UN-OHRLS 2018. (<https://clck.ru/354fzY>).

¹¹ Njanja A. 5G Network Roll-Out in Africa Continues as Pricey Devices Impede Adoption. Techcrunch. 01.11.2022. (<https://clck.ru/352xZo>).

Эксперты указывают на главные препятствия для ускоренного развития сетей 5G в НРС [Rahman, Arabi, Rab 2021]. Во-первых, сети нового поколения развиваются на базе сетей стандарта 4G LTE. Таким образом, скачок от 3G к 5G, минуя стадию 4G LTE, невозможен. Во-вторых, очевидна острая нехватка собственных специалистов по безопасности и уязвимостям сетей 5G¹². Тем не менее, в Бангладеш, Лесото, Уганде и Эфиопии уже перешли к испытаниям фрагментов сетей 5G.

К двум критически важным составляющим инфраструктуры относятся (а) IXP-точки передачи данных и (б) центры обработки данных. IXP точки – это сокращение от «точек обмена интернет-трафиком» (англ. Internet Exchange Points). Это аппаратные комплексы, предназначенные для оперативной организации соединений и межоператорского обмена трафиком между независимыми сетями в Интернете. IXP-точки оказались незаменимыми во время пандемии, когда объем трафика значительно возрос. В большинстве развитых стран IXP-точки справились с возросшим объемом трафика. Однако в НРС многие IXP-точки надлежащим образом не функционируют¹³. В девятнадцати НРС по состоянию на 2021 г. IXP-точки вообще отсутствовали¹⁴.

Центры обработки данных (ЦОД) (англ. data center) – это аппаратные комплексы, включающие серверное и сетевое оборудование для обработки и хранения информации. По состоянию на 2021 г. в НРС насчитывалось менее 100 ЦОД (из 4 тыс., имеющихся в мире). Более четверти из этой сотни центров находится в Бангладеш. Восемнадцать наименее развитых стран вообще не имеют центров обработки данных, подключенных к Интернету.

Отметим важные факторы влияния на темпы развития инфраструктуры: (а) уровень экономического развития страны, наличие финансовых ресурсов для инвестиций в инфраструктуру и услуги ИКТ; (б) степень уже достигнутого охвата телекоммуникационных сетей и их качество; (в) наличие адекватной нормативно-правовой базы; (г) наличие местных квалифицированных кадров; (д) социальные и культурные факторы, влияющие на доверие потенциальных пользователей к ИКТ; (е) готовность к вызовам, обусловленным изменениями климата, стихийными бедствиями, а также киберугрозами.

Социотехнические проблемы

Социальные аспекты развития ИКТ. Сегодня НРС активно инвестируют в инновационные экосистемы, такие как инкубаторы, акселераторы и технопарки, а также в развитие навыков работы с ИКТ¹⁵. Однако достижение ориентиров развития для НРС тормозится недостаточным привлечением населения к использованию разнообразных ИКТ-услуг при том, что техническая сторона вопроса подготовлена. Для активного вовлечения населения необходимо учитывать социальные аспекты, проводить профилактику карго-культа, развивать локальные цифровые платформы.

ИКТ-продукты представляют собой часть социотехнической системы [Alzouma 2005]. Действительно, страны догоняющего развития могут, пропуская промежуточные стадии, освоить самое современное поколение технологий. Вместе с тем они, как правило, не могут повторить этот же скачок с социальной частью систем. Успех приходит, только если

¹² Roadmaps for 5G Spectrum: Sub-Saharan Africa. GSMA Report 2021. (<https://clck.ru/354hM3>).

¹³ Internet Exchange Points (IXPs). Internet Society. 2020. (<https://www.internetsociety.org/issues/ixps/>).

¹⁴ Connectivity in the Least Developed Countries. ITU 2021. (<https://clck.ru/354gph>).

¹⁵ The Least Developed Countries in the Post-COVID world: Learning from 50 Years of Experience. UNCTAD LDC 2021 Report. (https://unctad.org/system/files/official-document/ldc2021_en.pdf).

технология связана с социальным контекстом¹⁶. Если же у общества отсутствует опыт использования компьютеров, то, соответственно, отсутствует и социальная база для адаптации новых информационных технологий.

Результаты обследования 22 стран с низким и средним уровнем дохода показали, что для жителей, которые вообще не пользуются Интернетом, наиболее распространенная причина такого положения дел связана с цифровой неграмотностью¹⁷. Не знают, что такое Интернет, 59% респондентов, а еще 10% не знают, как им пользоваться. В качестве еще одного препятствия (11,5%) респонденты указали отсутствие доступа к устройству (компьютеру или мобильному телефону). Даже при наличии широкополосной связи в каком-либо населенном пункте НРС цифровые услуги (например, востребованные в развитых странах сервисы электронной коммерции) остаются незаметными для многих жителей [Aker 2010]. Провал социальной компоненты, непризнание новшеств населением страны открывает путь к превращению стратегии развития ИКТ в стратегию карго-культу.

Карго-культ как один из рисков развития ИКТ. Попытка внедрить новую технологию в неподготовленной среде может привести к т. н. «карго-культу». Первоначально под ним понимали оригинальные воззрения жителей Меланезии [Harris 1974]. В настоящее время термин «карго-культ» часто используют в качестве метафоры, чтобы интерпретировать некоторые побочные эффекты научно-технологического развития. Например, им обозначают ситуации, при которых общество перенимает и воспроизводит ИКТ-практики, по их мнению, ведущие к успеху, но делает это чисто внешне, не понимая их внутренней логики. Так, развивающиеся страны видят выгоды, которые приносят промышленно развитым странам новые ИКТ. Торопясь приобрести те же технологии, развивающиеся страны предполагают, что аналогичные выгоды быстро достанутся и им. Карго-культ проявляется в планировании скачкообразного развития при недооценке адаптации в местных условиях [Davison, Vogel, Harris 2000]. Иногда это явление выражается в имитации работы с компьютерами. Бывает так, что школьные учителя, не зная, как обращаться с компьютерами, ставят их на парты в качестве украшения. При надлежащем учете социальных аспектов карго-культ возможно предотвратить.

Новые цифровые платформы. Цифровые платформы – это онлайн-приложения, которые позволяют пользователям получать доступ к ресурсам, создавать, делиться или обмениваться информацией, данными, контентом или услугами. Примерами цифровых платформ служат социальные сети, электронная коммерция, дистанционное обучение, электронное здравоохранение, цифровое правительство и инновационные платформы.

С приходом цифровых платформ открылась перспектива избавиться от плохо работающих институтов¹⁸. Цифровые платформы формируют новую институциональную структуру, причем не только транзакционную, но и регулятивную [Heeks, Eskelund, Gomez-Morantes 2020]. В НРС цифровые платформы пока еще не получили широкого распространения. Однако все большее количество услуг (в т. ч. услуги платформ такси) становится доступным даже для пользователей сетей 2G. Некоторые примеры новых популярных региональных и локальных цифровых платформ приведены в таблице 3.

¹⁶ Hawthorne R., Grzybowski L. Mobile Access Won't Fix the Digital Divide. Fixed-Line is Needed Too. The Conversation. 19.11.2019 (<https://clck.ru/354gtL>).

¹⁷ Chen R., Minges M. Minimum Data Consumption: How Much is Needed to Support Online Activities, and is it Affordable? World Bank. 27.01.2021 (<https://clck.ru/354ftu>).

¹⁸ Heeks R. Revisiting “Leapfrogging” in a Platformised World. ICTs for Development. 11.01.2021. (<https://ict4dblog.wordpress.com/2021/01/11/revisiting-leapfrogging-in-a-platformised-world/>).

Таблица 3

Примеры локальных и региональных цифровых платформ

Table 3

Some examples of local and regional digital platforms

Наименование, официальный сайт	Страна	Описание	Показатели
bKash https://www.bkash.com/en	Бангладеш	Платформа мобильных финансовых услуг	45 млн зарегистрированных пользователей
Ethiojobs https://www.ethiojobs.net/	Эфиопия	Платформа для трудоустройства, которая объединяет работодателей и соискателей, также выполняет подготовку кадров	1,2 млн пользователей и 12 тыс. работодателей
Zipline https://www.flyzipline.com/	Руанда	Платформа беспилотной доставки крови, вакцин и медицинских препаратов в отдаленные медицинские учреждения	За время существования доставлено 100 тыс. контейнеров крови, существенно сократилось время доставки
SafeBoda https://www.safeboda.com/	Уганда	Платформа для доставки грузов и других услуг	Насчитывает 25 тыс. водителей и 1 млн пользователей в Уганде, Кении и Нигерии.
BongoHive https://bongohive.co.zm/	Замбия	Инновационная платформа поддержки стартапов	Создано более 300 стартапов и подготовлено более 10 тыс. предпринимателей

Источник: *различные источники.*

Source: *various sources.*

Успешное вовлечение пользователей, профилактика карго-культов, развитие цифровых платформ будут способствовать реальному освоению ИКТ населением НРС.

«Изолированные» среди отстающих

Большинство наименее развитых стран, не имеющих выхода к морю, расположены в Африке (13 государств). Развитие ИКТ в этой группе стран имеет свои особенности. Африканские РСНВМ вынуждены мириться с относительно высокой стоимостью широкополосной связи: отсутствие выхода к морю, плата за доступ к зарубежным подводным кабелям, дополнительные пункты пересечения границы, громоздкие транзитные процедуры вынуждают их нести более высокие издержки по сравнению с прибрежными странами.

Пандемия привела к особенно серьезным сбоям системы образования именно в этих странах. В ноябре 2020 г. более 50% школ в африканских РСНВМ были либо частично, либо полностью закрыты, поскольку было невозможно организовать дистанционное обучение. Мобильные видеоконференции во многих населенных пунктах не работали из-за недостаточной пропускной способности сетей стандарта 3G. Пандемия повысила уязвимость РСНВМ к стихийным бедствиям. С другой стороны, этот кризис дал старт к ускоренному освоению новых стандартов и прокладке новых оптоволоконных (в том числе, подводных) кабелей.

Недавняя Третья конференция ООН по проблемам РСНВМ (Габороне, Ботсвана, 29–30 мая 2023 г.) призвала эти страны предоставить механизмы, облегчающие развертывание сетей и услуг в неприбыльных для операторов районах. Партнеров по развитию призвали оказать поддержку странам РСНВМ в наращивании потенциала для улучшения деловой среды и способности привлекать и удерживать частный сектор в сфере ИКТ.

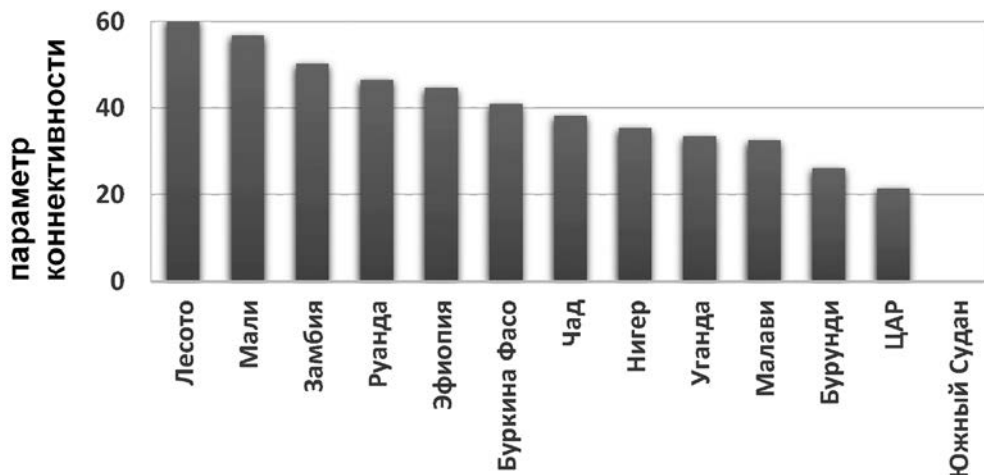

Рисунок 2. Выборка НРС без выхода к морю из генеральной совокупности (рис. 1)

Figure 2. A sample of landlocked LDC from the general population (Figure 1)

Результат ранжирования африканских стран, не имеющих выхода к морю, (рис. 2) показывает большую неравномерность значений параметра коннективности по странам, чем аналогичный результат для генеральной совокупности (рис. 1). Так, первый номер генеральной совокупности превосходит десятый номер по этому параметру всего лишь в 1,26 раза, а в случае РСНВМ (рис. 2) это соотношение составляет 1,81. Неравномерность параметра коннективности, по-видимому, связана с опережающим ИКТ-развитием стран, не имеющих выхода к морю, в последние годы. Действительно, в африканских РСНВМ наблюдается значительный рост количества абонентов мобильной связи – с 29% в 2019 г. до 35% в 2021 г. Для сравнения, по всем африканским странам доля пользователей Интернета увеличилась с 27% в 2019 г. лишь до 33% в 2021 г. Внедрение передовых мобильных стандартов в НРС Субсахарской Африки происходит относительно медленно. В 2019 г. в этих странах доля соединений по стандарту 4G LTE составляла 9% от общего количества, к 2025 г. эта доля, как ожидается, достигнет 27%, а доля соединений по стандарту 5G составит лишь 3%¹⁹. Таким образом, поддержка коммуникации домохозяйств с использованием фиксированных широкополосных сетей в ближайшие годы здесь будет по-прежнему необходима. Развитие возможно в следующем направлении. На диаграмме показаны 13 стран. Из них 11 стран в совокупности составляют связный географический объект (Субсахарская Африка), что удобно для централизованной прокладки межгосударственной фиксированной опорной сети. Это позволит быстро насытить сети ИХР-точками и ЦОД, выровнять их нагрузку.

¹⁹ Roadmaps for 5G Spectrum: Sub-Saharan Africa. GSMA Report 2021. (<https://clck.ru/354hM3>).

Заключение

ИКТ-ландшафт в наименее развитых странах представляет неоднородную картину. Очевидны многоукладность инфраструктуры, а также многообразие технических сложностей и проблем общественного восприятия новых технологий. Учитывая эти особенности, предложены практические рекомендации по корректировке направлений международной помощи.

В интересах ускоренного развития систем широкополосной фиксированной связи можно предложить проекты, направленные на масштабирование конкретных инфраструктурных элементов, например, IXP-точек и ЦОД, на выравнивание их нагрузки. Там, где возможно, инфраструктурные проекты должны охватывать соседние страны, обеспечивать развитие кооперации. Хорошие результаты может дать совмещение этого направления с проектами повышения надежности электроснабжения, например, с помощью альтернативных источников энергии.

В первый ряд выдвинулась проблема слабой или устаревшей нормативно-правовой базы, препятствующей росту ИКТ-сектора во многих странах. Эту проблему целесообразно решать совместно с проблемой кибербезопасности.

Социальные аспекты развития любых технологий сегодня решают с помощью современного инструментария, к которому, в первую очередь, относятся сети постоянно действующих центров адаптации технологий. Этот инструментарий следует распространить и на отрасль ИКТ. Можно рекомендовать обобщить положительный и негативный опыт, проанализировать причины частых неудач проектов в части обеспечения цифровой инклюзии, ликвидации цифровой неграмотности и профилактики карго-культов.

С учетом индивидуальных для каждой страны особенностей следует организовать проекты развития локальных контента и сервисов. Приоритетным является развитие цифровых платформ с версиями и для тех, кто по-прежнему пользуется сетями стандарта 2G.

Для организации помощи странам РСНВМ требуется особый подход. В частности, рекомендуется провести анализ структуры аномально высоких коммуникационных затрат в странах этой категории и изыскать резервы их оптимизации.

Независимо от направления проектов очевидна необходимость принять согласованную систему их мониторинга и оценки, которая будет укреплять взаимную подотчетность НРС и их партнеров по развитию, а также повышать прозрачность проектов.

Вопросы совершенствования мер международной помощи заслуживают внимания экспертного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дежина И.Г., Егоров С.В. (2022) Дежина И.Г., Егоров С.В. Технологические скачки: теория и международные ИКТ-практики // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 3. С. 6–23.

Dezhina I.G., Egerev S.V. (2022) Tekhnologicheskie skachki: teoriya i mezhdunarodnye IKT-praktiki [Technological Leapfrogging: Theory and International ICT Practices]. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. vol. 15, no. 3, pp. 6–23. DOI: 10.31249/kgf/2022.03.01 (In Russ)

Alzouma G. (2005) Myths of Digital Technology in Africa: Leapfrogging Development? // Global Media and Communication. Vol. 1. No. 3. Pp. 339–356.

Aker J.C. (2010) Information from Markets Near and Far: Mobile Phones and Agricultural Markets in Niger // American Economic Journal. Vol. 2. No. 3. Pp. 46–49.

Aker J.C., Boumniel R., McClelland A. (2016) Payment Mechanisms and Antipoverty Programs: Evidence from a Mobile Money Cash Transfer Experiment in Niger // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 65. No. 1. Pp. 1–37.

Avgerou C. (2017) Theoretical Framing of ICT4D Research // In: *Information and Communication Technologies for Development*. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Vol. 504. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-59111-7_2

Cardona M., Kretschmer T., Strobel T. (2013) ICT and Productivity: Conclusions from the Empirical Literature // *Information Economics and Policy*. Vol. 25. No. 3. Pp 109–125. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2012.12.002

Czernich N., Falck O., Kretschmer T. (2011) Broadband Infrastructure and Economic Growth // *The Economic Journal*. Vol. 121. No. 552. Pp. 505–532. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2011.02420.x

Davison R., Vogel D., Harris R. (2000) Technology Leapfrogging in Developing Countries – an Inevitable Luxury? // *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*. Vol. 1. No 1. Pp. 1–10. <https://doi.org/10.1002/j.1681-4835.2000.tb00005.x>

Dewan S., Kraemer K. (2000) Information Technology and Productivity: Preliminary Evidence from Country-Level Data // *Management Science*, Vol. 46, No. 4, Pp. 548–562. DOI: 10.1287/mnsc.46.4.548.12057

Duggal V., Saltzman C., Klein L. (2007) Infrastructure and Productivity: an Extension into Private Infrastructure and IT Productivity // *Journal of Econometrics*. Vol. 140. No. 2. Pp. 485–502. DOI: 10.1016/j.jeconom.2006.07.010

Fife E., Pereira F. (2016) The Promise and Reality: Assessing the Gap Between Theory and Practice in ICT4D // *Telecommunications Policy*. Vol. 7. No. 40. Pp. 595–601. DOI: 10.1016/j.telpol.2016.05.004

Greenstein S., McDevitt R. (2009) The Broadband Bonus: Accounting for Broadband Internet's Impact on U.S. GDP. Working Paper No. w14758. National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w14758

Hanafizadeh P., Khosravi B., Badie K. (2019) Global Discourse on ICT and the Shaping of ICT Policy in Developing Countries // *Telecommunications Policy*. Vol. 43. No. 4. Pp. 324–338. DOI: 10.1016/j.telpol.2018.09.004

Harris M. (1974) *Cows, Pigs, Wars and Witches: The Riddles of Culture*. New York: Random House. 456 p.

Heeks R., Eskelund K., Gomez-Morantes J.E. (2020) Digital Labour Platforms in the Global South: Filling or Creating Institutional Voids? Digital Development Working Paper SSRN. No. 86. DOI: 10.2139/ssrn.3645389

Hughes N. (2007) M-PESA: Mobile Money for the “Unbanked” Turning Cellphones into 24-Hour Tellers in Kenya // *Innovations: Technology, Governance, Globalization*. Vol. 2. No. 1–2. Pp. 63–81. DOI: 10.1162/itgg.2007.2.1-2.63

Kaur T., Ganganagar S., Arora A. (2023) ICT Development History and Its Application // *China Petroleum Processing and Petrochemical Technology*. Catalyst Research. Vol. 23. No. 2. Pp. 212–218.

Lehr W., Gillett S., Osorio C. (2006) Measuring Broadband's Economic Impact. Working Paper MIT. 36 p. (<https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/102779>)

Masiero S., Nielsen P. (2021) Resilient ICT4D: Building and Sustaining our Community in Pandemic Times // *arXiv preprint*. arXiv:2108.09712. DOI: 10.48550/arXiv.2108.09712

Masiero S. (2022) Should We Still be Doing ICT4D Research? // *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*. Vol. 88. No. 5. e12215. DOI: 10.1002/isd2.12215

Milan S., Treré E., Masiero S. (2021) COVID-19 from the Margins: Pandemic Invisibilities, Policies and Resistance in the Datafied Society. Amsterdam: Institute of Network Cultures 2021 (Theory on Demand 40). (<https://doi.org/10.25969/mediarep/19260>)

Rahman A., Arabi S., Rab R. (2021) Feasibility and Challenges of 5G Network Deployment in Least Developed Countries (LDC) // *Wireless Sensor Network*. Vol. 13. No. 1-16. DOI: 10.4236/wsn.2021.131001

Sassi S., Goaied M. (2013) Financial Development, ICT Diffusion and Economic Growth: Lessons from MENA Region // Telecommunications Policy. Vol. 37. Pp 252–261. DOI: 10.1016/j.telpol.2012.12.004

Waema T. (2015) ICT4D and Global Connectivity // In: The International Encyclopedia of Digital Communication and Society. New York: John Wiley & Sons, Inc. Pp 1–4. DOI: 10.1002/9781118290743/wbiedcs111

Walsham G., Sahay S. (2006) Research on Information Systems in Developing Countries: Current Landscape and Future Prospects // Information Technology for Development. Vol. 12. No. 1. Pp 7–24. DOI: 10.1002/itdj.20020

Информация об авторе

Егереv Сергей Викторович, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Адрес: 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: segerev@gmail.com

About the author

Sergey V. Egerev, Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Chief Research Fellow, Professor, Center for Research Planning Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAS). Address: 117418, Russia, Moscow, Nakhimovsky ave, 51/21. E-mail: segerev@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 01.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 19.09.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2023

УДК 316.4

DOI: 10.31857/S0869049923060060
EDN: MRGLOH

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIAL STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Субъективное благополучие в пространственном измерении

© Н.В. ГОФФЕ

Гоффе Нина Владимировна, Научно-исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), nina-goffe@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6740-7954

Статья посвящена важной и практически не исследованной в отечественной литературе проблеме – деревенско-городскому парадоксу счастья. Этот парадокс характерен для развитых стран и проявляется в более высокой удовлетворенности жизнью сельских жителей по сравнению с горожанами. Актуальность темы обусловлена динамикой урбанизации и быстрым по историческим меркам превращением человеческой цивилизации преимущественно в городскую. Задача работы – на основе анализа статистических данных, а также зарубежных источников, впервые введенных в отечественные исследования, во-первых, показать методические трудности при попытках зафиксировать данный парадокс; во-вторых, выделить основные подходы к решению этой проблемы. Утверждается, что с ростом издержек, связанных с жизнью в городах, проявления деревенско-городского парадокса счастья могут усилиться, и перед нашей цивилизацией встанут фундаментальные проблемы: какая судьба ожидает города, какова оптимальная пространственная организация расселения человеческих сообществ.

Ключевые слова: деревенско-городской парадокс счастья, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, счастье, урбанизация, город, неравенство, парадокс Истерлина.

Цитирование: Гоффе Н.В. (2023) Субъективное благополучие в пространственном измерении // Общественные науки и современность. № 6. С. 75–86. DOI: 10.31857/S0869049923060060, EDN: MRGLOH.

Spatial Dimension of Subjective Well-Being

© N. GOFFE

Nina V. Goffe, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), nina-goffe@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6740-7954

Abstract. The rural-urban paradox of happiness is examined that, in developed countries, manifests itself in higher life satisfaction of rural residents compared to urban residents. This topic has become increasingly important due to the dynamics of urbanization and the overwhelming majority of the global population settling in urban areas. Based on the analysis of statistical data and foreign literature, the aim of the study is to highlight the issues associated with defining the paradox and analyze various approaches to this topic. As the cost of living in urban areas rises, the paradox might become more pronounced, and the territorial differentiation of subjective well-being is likely to increase. In this scenario, human civilization will face fundamental challenges relating to the future of cities and the spatial distribution of the global population.

Keywords: rural-urban paradox of happiness, subjective well-being, life satisfaction, happiness, urbanization, city, inequality, Easterlin Paradox.

Citation: Goffe N. (2023) Spatial Dimension of Subjective Well-Being. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 75–86. DOI: 10.31857/S0869049923060060, EDN: MRGLOH.

Интерес к субъективному благополучию давно вышел за пределы академических кругов. В последние десятилетия эта проблема привлекает все большее внимание публицистов, политиков и общественных деятелей. Правительства многих стран и международные организации (например, ОЭСР) рассматривают субъективное благополучие как один из важнейших показателей социально-психологического самочувствия людей. Однако общеупотребимость данного понятия и кажущаяся очевидность обозначаемого им явления маскируют серьезные трудности при попытках дать ему научное определение [Гoffe, Монусова 2020].

Согласно самой распространенной дефиниции, предложенной 40 лет назад американским психологом Э. Динером, субъективное благополучие – это когнитивная и эмоциональная оценка человеком различных аспектов и событий его жизни [Diener 1984]. Указанная трактовка, хотя и стала весьма популярной, неоднозначности в толковании данного термина не сняла. Для одних исследователей оно тождественно счастью, для других – удовлетворенности жизнью, для третьих – психическому здоровью. Не вступая в дискуссию о правомерности той или иной интерпретации и рискуя в определенной мере упростить проблему, в данной статье будут употреблены термины «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью», «счастье» как взаимозаменяемые.

Одно из важных направлений анализа субъективного благополучия – изучение его географических детерминант [Burger 2020]. Мотивы обращения к названной проблематике очевидны. Понимание того, кто мы есть и где мы находимся, входит в число фундаментальных основ нашего физического и ментального бытия. Учет географических факторов открывает новые возможности для интерпретации окружающей нас действительности. Он не только расширяет границы постижения закономерностей и процессов в рамках уже существующих отраслей знания, таких как история, демография, социология, антропология и т. д. На его основе оформились перспективные направления исследований, напри-

мер, поведенческая география (*behavioral geography*) или пространственная экономика (*spatial economics*).

Территориальная дифференциация в субъективном благополучии и счастье проявляется на самых разных уровнях – от глобального до локального. В центре нашего внимания – выявляемая опросами более высокая удовлетворенность жизнью селян по сравнению с горожанами в развитых странах, несмотря на то, что город привлекает людей большими материальными и иными возможностями. В зарубежной академической литературе этот диссонанс называют и городским, и деревенским, и деревенско-городским парадоксом счастья [Sørensen 2014]¹. Последней дефиниции мы и будем придерживаться как более содержательной.

Уже сегодня более половины человечества проживает в городах. Самые крупные из них превратились в лидеров и движущую силу экономического развития. В то же время их успешность и конкурентоспособность в немалой степени зависят от того, насколько горожане удовлетворены качеством жизни. Более счастливые, устойчиво испытывающие положительные эмоции люди вносят больший вклад в процветание общества. Поэтому субъективное благополучие становится одним из главных ориентиров политики муниципальных (и не только) органов власти. Отсюда интерес, который проявляет современная наука к исследованию данной проблематики.

Немаловажно также, что проблема роли территориальных различий в субъективном благополучии представляет интерес с точки зрения понимания социальных дисбалансов, характерных для современного общества. С особой остротой они выражены в городах, любой из которых и в наши дни делится, по известному выражению Платона, на город богатых и город бедных. Наряду с широкими возможностями, жизнь в городах предполагает неравенство, социальные конфликты и плохие бытовые условия.

Изучение пространственных различий в субъективном благополучии ставит перед исследователем множество сложных вопросов, ответить на которые в рамках небольшой статьи не представляется возможным. Соответственно, в качестве первого шага в разработке рассматриваемой темы следует выяснить, что собой представляет территориальная дифференциация субъективного благополучия, а также разобраться в ее причинах.

Кто счастливее: город или деревня?

Урбанизация – один из самых мощных драйверов экономического роста, повышения уровня и качества жизни людей. Многочисленные исследования свидетельствуют о положительной связи между личным благосостоянием и довольством жизнью. Кроме того, деревенско-городской парадокс счастья никак не соотносится со статистикой, подтверждающей устойчивый приток населения в города, особенно мегаполисы.

Казалось бы, есть все основания полагать, что урбанизация делает жителей Земли в целом более счастливыми. Если верить результатам опросов Института Гэллапа, так оно и есть: в глобальном масштабе в городах выше процент счастливых людей, чем в деревнях². В 2017–2019 гг. в бедных странах доля респондентов, оценивших свою жизнь по десятибалльной шкале на восемь баллов и выше, в сельской местности составила 14%, в неболь-

¹ Проблематика, которой посвящена данная статья, не вошла в центр исследований, проведенных в России. Авторы затрагивают ее лишь отчасти в связи с факторами, влияющими на удовлетворенность жизнью и счастье россиян [Родионова 2013, Тихонова 2015, Шабунова, Морев 2013, Шматова, Морев 2015].

² Dijkstra et al. (2020) The Degree of Urbanisation's Effect on Happiness // Gallup blog. 10.07. 2020 (<https://news.gallup.com/opinion/gallup/315857/degree-urbanisation-effect-happiness.aspx>).

ших городах (town) и районах с низкой плотностью населения – 16%, в больших городах (city) – 17%. В богатых странах показатели достигали 24, 26 и 28% соответственно.

В чем же причина расхождений этих результатов со страновыми и региональными наблюдениями, фиксирующими деревенско-городской парадокс счастья в развитых странах? Здесь масштаб тоже имеет значение. Глобальные исследования (такие как Gallup World Poll или World Values Survey) проводят на больших выборках, охватывающих десятки развитых и развивающихся государств, в то время как страновые служат своего рода увеличительным стеклом, которое позволяет получить более высокую степень «четкости изображения» наблюдаемых процессов. Кроме того, исследователи Института Гэллапа относят место жительства респондентов к тому или иному типу, полагаясь на ответы опрашиваемых. Поэтому речь идет не о реальном распределении граждан по типам административных единиц на основе единого глобального метода классификации, одобренного Статистической комиссией ООН³, а о предполагаемом уровне урбанизации (perceived level of urbanisation)⁴.

Несмотря на наличие единого метода классификации, границы городов в разных странах определяют на основе разных критериев – административных, количественных (плотность застройки или заселения), функциональных (functional urban area, FUA)⁵. Если речь идет о численности жителей, то ее пороговые значения могут отличаться на несколько порядков. К примеру, они варьируются от двух сотен человек в Северной Европе⁶ до 50 тыс. в Японии и 100 тыс. в Китае⁷. То, какой масштаб положен в основу классификации, может иметь большое значение для интерпретации итогов упомянутых выше исследований.

На результатах опросов не мог не отразиться тот факт, что в исследовании Института Гэллапа в категорию «большой город» (city) включены административные единицы с населением 50 тыс. человек и более, то есть небольшие и средние городские агломерации объединены с крупными и очень крупными – мегаполисами. Однако в богатых странах более низкий, чем на остальной территории, уровень субъективного благополучия фиксируется именно в мегаполисах.

Задачу добиться максимальной международной сопоставимости результатов, избежав при этом влияния специфических дефиниций различных категорий населенных пунктов, поставили перед собой авторы работы, опубликованной под эгидой ОЭСР⁸. С этой целью они совместили данные по различным типам поселений (предлагаемым ООН) с микро-данными глобального опроса Института Гэллапа на основе информации о местонахождении респондентов. Также они использовали рекомендованное ООН, Еврокомиссией и ОЭСР определение мегаполиса как функциональной городской зоны (FUA). Авторы под-

³ По уровню урбанизации местные административные единицы (LAU) делятся на города, поселки и пригороды или сельские районы. UN Statistical Commission (2020). A recommendation on the method to delineate cities, urban and rural areas for international statistical comparisons (<https://unstats.un.org/unsd/statcom/51st-session/documents/BG-Item3j-Recommendation-E.pdf>).

⁴ Dijkstra L., Papadimitriou E. (2020) Annex: Using a New Global Urban-Rural Definition, Called the Degree of Urbanisation, to Assess Happiness // In: World Happiness Report 2020. Pp. 147–152.

⁵ FUA состоит из города и его пригородной зоны, рынок труда которой сильно интегрирован в городской.

⁶ Например, Финляндия определяет городской район как населенный пункт численностью не менее 200 жителей, где расстояние между жилыми зданиями составляет не более 200 метров. Statistics Finland (https://www.stat.fi/meta/kas/taajama_en.html).

⁷ UN Statistical Commission (2020). Op.cit.

⁸ Tassinari F. et al. (2023) Life satisfaction along the urban-rural continuum. A global assessment. OECD Regional Development Papers №. 44. OECD, Paris. 24 p.

черкивают, что их исследование имеет глобальный характер, что отличает его от работ, которые касаются одной или ограниченного количества стран.

Основной вывод исследования: в планетарном масштабе удовлетворенность жизнью у горожан выше, чем у сельских жителей. Разница в коэффициентах статистически значима, хотя и мала. Более того, она практически исчезает в странах с высоким уровнем дохода. Здесь показатели субъективного благополучия в деревнях приближаются к уровню городов или даже превышают его.

В бедных странах ситуация диаметрально противоположная. Причина в том, что в них уровень и качество жизни за пределами городских агломераций зачастую чрезвычайно низки. (Сотрудники японского Университета Кюсю установили, что даже жители трущоб большого Мумбая в среднем ощущают себя более счастливыми, чем жители индийских деревень [Coulibaly, Managi 2022]). Несмотря на то, что в крупных городах в развивающихся странах возникают те же проблемы, что и в богатых (плохое состояние окружающей среды, перенаселенность, транспортные пробки, преступность и т. д.), негатив не перевешивает позитива, связанного с лучшими возможностями трудоустройства и более высокими доходами.

В сущности, похожую закономерность можно наблюдать и внутри регионов, относящихся к развитому миру. По данным ESS (European Social Survey) 2018 г., для европейских старокапиталистических стран в целом характерно статистически значимое превышение уровня удовлетворенности жизнью в малых городах и сельской местности над большими городами. Однако в более бедных постсоциалистических государствах ситуация прямо противоположная – уровень удовлетворенности жизнью выше в крупных городских агломерациях (табл.).

Таблица

Место проживания и уровень удовлетворенности жизнью в европейских странах, 2018 г.
(0 – совершенно не удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен)

Table

Place of residence and level of life satisfaction in European countries, 2018
(0 – completely dissatisfied, 10 – completely satisfied)

Место проживания	Страны	
	постсоциалистические	старокапиталистические
Крупный город	6,5	7,4
Малый город	6,4	7,4
Сельская местность	6,3	7,6
Количество наблюдений	9623	22071

Примечание: жирным шрифтом выделены показатели, имеющие статистически значимые различия; место проживания определялось исходя из ответов респондента.

Источник: The European Social Survey 2018.
Source: The European Social Survey 2018.

Однако более детализированное исследование с применением регрессионного анализа и использованием определения агломерации на основе FUA показало, что это разделение не столь явно выражено. Аналитик из университета Виктории в Веллингтоне Ф. Моррисон разделил государства, охваченные опросом ESS 2018, на две группы: с более низким и более высоким уровнем удовлетворенности жизнью в крупных городах [Morrison 2021]. Группы оказались неоднородными по составу. В первую вместе со старокапиталистиче-

скими странами попали Черногория, Словакия и Чехия. Во вторую наряду с постсоциалистическими – Португалия и Франция.

Тем не менее за редкими исключениями деревенско-городской парадокс счастья – характерная черта богатых государств Северной и Западной Европы, Северной Америки, а также Австралии и Новой Зеландии. В целом в развитых странах, где уровень жизни высок практически везде, недостатки очень больших городов перевешивают их достоинства. Жители мегаполисов, население которых превышает 5 млн, менее счастливы по сравнению с теми, кто живет в небольших населенных пунктах⁹.

Общая картина, впрочем, складывается из весьма разнообразных фрагментов. Приведем несколько примеров. Канадское исследование показало, что средняя плотность населения в 20% общин с самым низким уровнем счастья была в восемь раз выше, чем в 20% самых счастливых [Helliwell et al. 2018]. Опросы в Новой Зеландии свидетельствуют о том, что рост крупнейших и наиболее плотно населенных городов влечет за собой относительное снижение субъективного благополучия [Morrison 2011]. В свою очередь в Норвегии результаты замеров говорят о том, что удовлетворенность жизнью жителей Осло, как правило, не отличается от средних по стране показателей [Carlsen, Leknes 2022].

Наиболее ярко деревенско-городской парадокс счастья проявляется в Соединенных Штатах. Британский социальный философ и политолог Б. Бэрри и американский исследователь А. Окулич-Козарин, на основании результатов, полученных в ходе Общего социального обследования (General Social Survey) в 1972–2008 гг., показали, что в США субъективное благополучие (счастье) меняется от самого низкого уровня в крупных центральных городах до самого высокого в небольших населенных пунктах и в сельской местности [Berry, Okulicz-Kozaryn 2011].

Можно заключить, что объем и состав выборки, различия в подходах к определению понятия «город» (иногда за основу анализа берут муниципалитеты), по-разному сформулированные вопросы, различия в задачах исследований и методах обработки данных обуславливают значительное расхождение результатов.

В целом сходясь во мнении относительно наличия деревенско-городского парадокса счастья в развитых странах, исследователи по-разному интерпретируют его причины. Ниже коротко остановимся на самых распространенных толкованиях этого парадокса.

В чем причина деревенско-городского парадокса счастья?

В академической литературе отсутствует однозначный ответ на поставленный вопрос. Некоторые исследователи объясняют деревенско-городской парадокс счастья в развитых странах, опираясь на теорию урбанизации. Согласно ей, переход от аграрного общества к индустриальному, сопутствующий ему быстрый рост городов, ориентированных на массовое производство и развитие сферы услуг стимулировали массовую миграцию из сельской местности в промышленные центры, где создавались новые источники занятости и получения дохода. До определенного момента это гарантировало и более высокий по сравнению с сельскими районами уровень удовлетворенности жизнью. Так продолжалось, пока материальные и нематериальные преимущества жизни в городах намного превышали плюсы деревенского образа жизни. Однако со временем уровень субъективного благополучия обитателей больших городских агломераций начал снижаться. Мегаполисы остаются двигателем роста развитых экономик, но для многих неблагоприятные особенности городской жизни уже перевешивают положительные [Burger 2020].

⁹ Tassinari et al. Op. cit.

Город и деревня существенно различаются с точки зрения образа жизни, идентичности, ценностей, социокультурных моделей поведения, способов получения дохода. В процессе индустриализации и урбанизации на смену аграрному патриархальному традиционному обществу приходит городское промышленное. Прочные неформальные связи между людьми присущи сельским районам, в то время как в городах преобладает индивидуализм, отношения между людьми формальны, связи слабы. Это существенно сказывается на одной из важнейших составляющих субъективного благополучия – социальном капитале, под которым в данном случае понимается прочность семейных, дружеских, соседских, общинных и религиозных связей. Благодаря богатому социальному капиталу, которым располагают жители села, здесь фиксируют более высокий уровень счастья.

Кроме того, в последние десятилетия в деревнях растут качество жизни и степень удовлетворенности ею. Немаловажную роль в этом сыграло улучшение транспортной инфраструктуры. Однако строительство дорог и увеличение количества автомобилей, упрощая проезд из сельской местности или с окраин городов к месту работы, порождает и серьезные проблемы. Впрочем, долгое стояние в городских пробках тоже не повышает уровня счастья. Более важный фактор – появление технологий, которые позволяют не привязывать место жительства к месту работы, ослабляют зависимость сельских жителей от физического доступа к тем услугам (например, банковским), которые прежде можно было получить только в городах. По мере улучшения качества связи возрастает доля населения земного шара, которая обращается к Интернету. Недавние исследования показали, что возможность использовать Всемирную сеть, а также сопутствующие инновации (например, платформы социальных сетей) стала наиболее эффективным фактором цифровизации, положительно влияющим на удовлетворенность жизнью в Европе [Elmassah, Hassanein 2022]. В развитых странах разрыв в широкополосном покрытии между сельскими районами, малыми и крупными городами неуклонно сокращается. Одновременно увеличивается численность людей самых разных профессий и возрастов (не только пожилых), кто отдает предпочтение спокойной жизни в деревнях и малых городах с невысокой плотностью населения. Ведь обитатели небольших городов и сел, входящих в крупные агломерации, имеют возможность пользоваться предоставляемыми мегаполисами благами, не ощущая на себе отрицательных сторон жизни в них. Однако хотя положительные пространственные эффекты крупных городов могут распространяться далеко за их пределы, они не безграничны. Так, данные опросов Евробарометра свидетельствуют: чем дальше расположен небольшой город от большего по размеру, тем меньше вероятность того, что его жители будут удовлетворены своей жизнью [Lenzi, Perucca 2021].

На выбор в пользу деревенской жизни, помимо разнообразных прагматических мотивов (соразмерная потребностям человека территория поселений, большее личное пространство, часто более доступное жилье), в немалой степени влияет ее романтическое восприятие, свойственное части обитателей «каменных джунглей». Сельская идиллия на лоне природы, этакий «потерянный рай» становятся не всегда достижимой, однако желанной целью для многих. Опросы Института Гэллапа зафиксировали, что в конце 2020 г. около половины (48%) американцев заявили, что, будь у них возможность выбора, они предпочли бы жить в сельской местности (31%) или небольшом городе (17%), а не в мегаполисе [Saad 2021]. Аналогичные результаты получены и в других странах. Пандемия COVID-19, скорее всего, усилила подобные настроения. Вспышка опасного инфекционного заболевания создала множество рисков и показала неготовность муниципальных властей обеспечить безопасность миллионов людей, живущих в густонаселенных мегаполисах (будь то в богатых или развивающихся странах).

Отмеченные настроения свидетельствует о том, что в наши дни жесткое противопоставление города деревне теряет свою актуальность. Границы между чисто городским или чисто сельским образом жизни размываются. Будет ли счастье данного индивида считаться сельским или городским, во многом зависит от того, где именно он обитает. Тот факт, что нынешнее место жительства человека находится в районе, обозначенном как сельский (городской), не означает автоматически, что он ведет сельский (городской) образ жизни. Деревня, как и город, выходит за свои пределы [Johansen et al. 2023]. По-видимому, в этом случае уровни субъективного благополучия можно расположить на шкале, в крайних точках которой находятся его идеальные типы (по признаку город–село), а в промежутке – многочисленные гибридные типы. Анализ подобного градиента представляет несомненный интерес и требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Доход и счастье

Мегаполисы – признанные генераторы доходов и богатства. Поэтому, изучая деревенско-городской парадокс счастья, важно принимать во внимание зависимость субъективного благополучия от дохода. Единого мнения на сей счет в научном сообществе нет, несмотря на полувековую дискуссию. Начало ей положили работы известного американского экономиста и демографа Р. Истерлина. Суть его идей сводится к тому, что в краткосрочной перспективе счастье и доход, как правило, растут и падают одновременно. В долгосрочной же перспективе экономический рост сам по себе не приводит к повышению уровня субъективного благополучия. Состоятельные люди в целом счастливее бедных, но по мере того, как общество становится все более богатым, оно не становится более счастливым. Одна из причин заключается в том, что на удовлетворенность жизнью влияет не абсолютная, а относительная величина дохода. Положительное воздействие роста собственного благосостояния на ощущение счастья нивелируется одновременным ростом достатка референтной группы – коллег, знакомых, соседей и т. д. [Easterlin, O'Connor 2020].

Увеличение доходов и богатства в крупных муниципальных образованиях сопровождается ростом дифференциации в их распределении. Объясняя причины этого явления, большинство исследователей сходятся во мнении, что городское неравенство уходит корнями в инновационную экономику, колыбелью которой стали мегаполисы. Как правило, неравенство выше там и тогда, где и когда наблюдается концентрация очень высоких и очень низких доходов. Такое положение дел характерно для сложного городского пространства. С одной стороны, оно привлекает высокообразованных, высококвалифицированных и высокооплачиваемых профессионалов, например, специалистов в области финансовых или высокотехнологичных производственных услуг, с другой – низкоквалифицированных работников, обеспечивающих жизнедеятельность городов, – от уборщиков и персонала розничной торговли до сотрудников гостиничного бизнеса и общепита, как правило, с низкими заработками. Соответственно, экономика современных крупных городов характеризуется поляризацией рынка труда, высокой степенью социального расслоения и крайне неравномерным распределением доходов. При этом один из ключевых факторов, объясняющих неравенство доходов, – величина, масштабы города. Эта взаимосвязь наблюдается как на глобальном уровне, так и в пределах одной страны. Идет ли речь о развитых или развивающихся странах, особенно сильное расслоение доходов наблюдается в ключевых городских агломерациях¹⁰.

¹⁰ Euromonitor International. (2013) The World's Largest Cities Are The Most Unequal (<https://www.euromonitor.com/article/the-worlds-largest-cities-are-the-most-unequal>).

Казалось бы, можно ожидать, что разница в доходах между богатыми и бедными оказывает влияние на показатели счастья в городах. Однако результаты эмпирических исследований противоречивы. В то время как одни из них свидетельствуют, что взаимозависимость неравенства доходов и счастья отрицательная, другие предполагают наличие положительной связи, а третьи вообще не выявляют корреляции этих признаков [Zonghuo Yu, Fei Wang 2017]. Возможно, все зависит от того, насколько высока степень неравенства. При высоких ее показателях люди, как правило, несчастливы, потому что завидуют более богатым согражданам. Когда же неравенство невелико, людям легче подниматься по социальной лестнице, что побуждает их с большей надеждой смотреть в будущее. Однако по мере того, как неравенство в доходах превышает определенную отметку и становится чрезмерным, верхние ступени социальной лестницы оказываются для большинства членов общества практически недостижимыми. В результате люди теряют надежду на карьерный рост, а поскольку зависть становится доминирующим чувством, уровень счастья снижается [Yu, Wang 2017]. Более низкие показатели счастья в больших городах могут объясняться тем, что сегодня все более важную роль в предпочтениях человека играют нематериальные факторы благополучия. В список условий счастья входит все, что так или иначе проецируется на настроение и психологическое состояние человека, все обстоятельства его жизни – от первостепенных до самых незначительных. Сила их влияния непостоянна, она меняется с течением времени. Применительно к доходу это означает, что когда он становится достаточно высоким, на первый план выходят другие факторы, которые представляются индивиду более значимыми, чем материальное благополучие. Анализ опросов Gallup World Poll, проведенный американскими учеными, подтверждает этот вывод. Речь идет о том, что существует некая точка насыщения, при достижении которой высокие доходы перестают быть источником счастья. Более того, когда они поднимаются выше предельного уровня, удовлетворенность жизнью может снижаться [Jebb et al. 2018].

Кроме того, в соответствии с теорией адаптации ко многим обстоятельствам человек привыкает. С ростом достатка ощущение счастья в краткосрочной перспективе может усиливаться, но со временем оно обычно возвращается к прежнему уровню. Люди всегда стремятся к большему и никогда не удовлетворены по-настоящему. По мере достижения той или иной цели они обретают новые устремления. Поскольку этот процесс бесконечен, их субъективное благополучие в длительной перспективе не улучшается, независимо от того, чего они достигли. При этом можно предположить, что постоянная гонка за удовлетворением все новых и новых материальных потребностей типична скорее для городов, где, как представляется, денежные и карьерные связи вытесняют человеческие отношения.

Как отмечалось выше, город может предложить своим жителям нечто такое, чего нет в сельской местности. Речь идет не только о перспективах получать высокий доход, но и о полноценной профессиональной реализации. Рынок труда мегаполисов в состоянии абсорбировать работников самых разнообразных, в том числе редких специальностей. Не стоит забывать и о качественных услугах, в том числе в области здравоохранения и образования, а также о широких возможностях непосредственного общения людей, причем не только на работе, но и в неформальной обстановке.

Однако люди не похожи друг на друга и могут по-своему воспринимать плюсы мегаполисов и по-разному приспосабливаться к их минусам. Не только доход, но и уровень образования, тип профессии могут определять способность воспользоваться преимуществами урбанизации (такими, например, как диверсифицированный рынок труда и доступность передовых услуг) и нейтрализовать ее недостатки (стоимость жизни, перенаселенность, стресс, неудовлетворительное состояние окружающей среды или транспортные про-

блемы). В целом, однако, уровень образования оказывает противоречивое влияние на субъективное благополучие. С одной стороны, люди с высшим образованием не только располагают большими профессиональными возможностями, но и занимаются более сложной, стимулирующей и приносящей удовлетворение работой. С другой – именно они чаще заявляют о большей неудовлетворенности жизнью, чем представители менее образованных групп [Florida et al. 2013]. По-видимому, высшее образование задает такой уровень устремлений и целей, достичь которого очень сложно, что в свою очередь вызывает стресс и снижает показатели счастья.

* * *

Исследователь, изучающий влияние территориальных различий на субъективное благополучие, вступает на зыбкую почву. Основные понятия (собственно субъективное благополучие, счастье, город), связанные с этой тематикой, не имеют общепринятых толкований. И если ученым удалось достичь консенсуса по поводу наличия деревенско-городского парадокса счастья, то они расходятся в трактовке его причин.

Общая картина сложна и изменчива. Долгое время порождаемые научно-техническим прогрессом новшества определяли притягательность городов, обеспечивая в них более высокую по сравнению с сельскими поселениями удовлетворенность жизнью. Сегодня сосредоточенная в городах инновационная экономика требует от человека большей отдачи, ставит перед ним амбициозные цели, обеспечивая высокие доходы и одновременно увеличивая нагрузку, ухудшая его психологическое, а иногда и физиологическое состояние. Отрицательные черты жизни в мегаполисах, таким образом, становятся продолжением ее достоинств. Вместе с тем нынешние технологические достижения позволяют людям жить там, где они считают для себя более удобным и предпочтительным.

Город открывает перед человеком широкий спектр возможностей. Вопрос в цене, которую приходится за них платить. Соотношение плюсов и минусов городской жизни подвижно. По-видимому, итоговый баланс (а значит, и субъективное благополучие индивида) в каждый данный момент зависит от того, перевешивают ли положительные стороны городской жизни связанные с ней достаточно высокие издержки.

Городская аномалия счастья – один из характерных парадоксов нашего времени. Долгое время опыт урбанизации убедительно свидетельствовал, что горожане счастливее сельских жителей. Однако в какой-то момент – где-то раньше, где-то позже, но в среднем с последней трети XX в., а затем в связи с появлением цифровой экономики – минусы городской жизни в развитых странах стали перевешивать ее плюсы. В дальнейшем эта тенденция может усилиться, и в территориальном распределении субъективного благополучия произойдут еще более серьезные сдвиги. Если это случится, то перед нами встанут фундаментальные проблемы: какая судьба ожидает города и как в этом случае будет пространственно организована жизнь человеческих сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М: ИМЭМО. 166 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0580-2
- Goffe N., Monusova G. (2020) *Vospriyatie social'nyh realij i sub»ektivnoe blagopoluchie v razvityh stranah* [Perception of social realities and subjective well-being in developed countries]. Moscow, IMEMO RAN. 166 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0580-2 (In Russ.)
- Родионова Л.А. (2013) Счастлив ли русский человек? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 13. № 3(1). С. 254–261.
- Rodionova L.A. (2013) Schastliv li russkij chelovek? [Is Russian Man Happy?] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 13, no. 3(1), pp. 254–261 (In Russ.)
- Тихонова Н.Е. (2015). Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. № 3. С. 19–33.
- Tikhonova N. (2015) Udovletvorennost' rossiyan zhizn'yu: dinamika i factory [Russians' life satisfaction: dynamics and factors]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 19–33 (In Russ.)
- Шабунова А.А., Морев М.В. (2013). Представления вологжан о счастье // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1(25). С. 137–150.
- Shabunova A.A., Morev M.V. (2013) Predstavleniya vologzhan o schast'e [Vologda residents' notions of happiness] *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, no. 1(25), pp. 137–150 (In Russ.).
- Шматова Ю.Е., Морев М.В. (2015) Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3 (39). С. 141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11
- Shmatova Yu.E., Morev M.V. (2015) Izmerenie urovnya schast'ya: literaturnyj obzor rossijskih i zarubezhnyh issledovanij [Assessing the Level of Happiness: a Review of Russian and Foreign Research]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. Sledovaniy*, no. 3 (39), pp. 141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11 (In Russ.)
- Berry B., Okulicz-Kozaryn A. (2011) An Urban-Rural Happiness Gradient // *Urban Geography*. Vol. 32. Issue 6. Pp. 871–883. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.32.6.871>
- Burger M.J. et al. (2020) Urban-rural happiness differentials across the world // In: *World Happiness Report 2020*. Eds: J. F. Helliwell, R. Layard, J. Sachs, J.-E. De Neve. New York: Sustainable Development Solutions Network. Gallup World Poll. Pp. 67–94.
- Carlsen F., Leknes S. (2022) The paradox of the unhappy, growing city: Reconciling evidence // *Cities*, vol. 126. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103648>
- Coulibly T.Y., Managi S. (2022) Populations in slums are happier than rural populations: The case of Mumbai // *Land Use Policy*, vol. 122, no. 11. 106341. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106341>
- Diener E. (1984) Subjective Well-being // *Psychological Bulletin*. Vol. 95. Issue 3. Pp. 542–575.
- Easterlin R.A., O'Connor K.J. (2020) The Easterlin Paradox // *IZA Discussion Paper Series No. 13923*.
- Elmassah S., Hassanein E. A. (2022) Digitalization and Subjective Wellbeing in Europe // *Digital Policy, Regulation and Governance*. Vol. 24. Pp. 52–73. DOI:10.1108/DPRG-05-2021-0060
- Florida R. et al. (2013) The Happiness of Cities // *Regional Studies*. Vol. 47. Issue 4. Pp. 613–627. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.589830>
- Helliwell J. F. et al. (2018) How Happy are your Neighbours? Variation in life Satisfaction among 1200 Canadian Neighbourhoods and Communities // *NBER Working Paper No. 24592*. DOI 10.3386/w24592.
- Jebb A.T. et al. (2018) Happiness, income satiation and turning points around the world // *Nature Human Behavior*. Issue 2. Pp. 33–38. <https://doi.org/10.1038/s41562-017-0277-0>

Johansen P.H. et al. (2023) Introducing rural quality of life // In: Rural quality of life. Eds: P.H. Johansen, A. Tietjen, E.B. Iversen, H.L. Lolle, J.K. Fisker. Manchester. Manchester University Press. 2023. Pp. 4–13.

Lenzi C., Perucca G. (2021) Not too close, not too far: Urbanisation and life satisfaction along the urban hierarchy // Urban Studies. Vol. 58. Issue 13. Pp. 2742–2757. <https://doi.org/10.1177/0042098020962397>

Morrison Ph.S. (2011) Local expressions of subjective well-being: The New Zealand experience // Regional Studies. Vol. 45. Issue 8. Pp. 1039–1058. DOI:10.1080/00343401003792476

Saad L. (2021) Country Living Enjoys Renewed Appeal in U.S // Gallup Politics (<https://news.gallup.com/poll/328268/country-living-enjoys-renewed-appeal.aspx>)

Sørensen J.F.L. (2014) Rural–Urban Differences in Life Satisfaction: Evidence from the European Union // Regional Studies. Vol. 48. Issue 9. Pp. 1451–1466. <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.753142>

Yu Z., Wang F. (2017) Income Inequality and Happiness: An Inverted U-Shaped Curve // Frontiers in Psychology. Vol. 8. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02052>

Информация об авторе

Гоффе Нина Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: nina-goffe@yandex.ru

About the author

Nina V. Goffe, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya street, 23. E-mail: nina-goffe@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 22.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.09.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

УДК 316.4

DOI: 10.31857/S0869049923060072
EDN: MRYMJO

Оригинальная статья / Original article

Потребление, досуг, социальные взаимодействия: особенности образа жизни россиян в нестабильные 2020-е годы¹

© Д.М. ЛОГИНОВ, В.Н. ТИТОВ

Логинов Дмитрий Михайлович, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), loginov-dm@ranepa.ru. ORCID: 0000-0002-2717-6909

Титов Владимир Николаевич, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), titov-vn@ranepa.ru. ORCID: 0000-0002-7185-2070

На основе комплекса репрезентативных социологических опросов, проведенных Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2021–2023 гг., рассмотрены особенности образа жизни россиян на временном отрезке смены периода неблагополучия, вызванного пандемией коронавируса, новым этапом социально-экономической нестабильности. Выявлен достаточно высокий уровень распространенности онлайн-потребления товаров и услуг. Данные практики расширились в период пандемии и существенно дифференцируют социально-демографические группы россиян. Показаны особенности моделей потребительского поведения в условиях новой нестабильности, а также динамика рекреационно-досуговых практик, субъективная удовлетворенность которыми находится в зоне массовых позитивных оценок. Значимой проблемой в данном случае представляется наличие заметной группы россиян, вынужденных корректировать модели рекреационного поведения с частичным отказом от желаемых способов проведения досуга. Результаты анализа свидетельствуют о том, что большинство населения имеет потенциал социальных взаимодействий, который может конвертироваться в помощь и поддержку, однако в основном на межличностном, а не на институциональном уровне.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the RANEPa.

Ключевые слова: население, образ жизни, модели социально-экономического поведения, потребление, досуг, рекреация, социальные взаимодействия, социальный капитал

Цитирование: Логинов Д.М., Титов В.Н. (2023) Потребление, досуг, социальные взаимодействия: особенности образа жизни россиян в нестабильные 2020-е годы // Общественные науки и современность. № 6. С. 87–104. DOI: 10.31857/S0869049923060072, EDN: MRYMJO.

Consumption, Leisure, Social Interactions: The Features of Russians' Lifestyle in the Unstable 2020s

© D. LOGINOV, V. TITOV

Dmitry M. Loginov, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Moscow, Russia), loginov-dm@ranepa.ru. ORCID: 0000-0002-2717-6909

Vladimir N. Titov, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Moscow, Russia), titov-vn@ranepa.ru. ORCID: 0000-0002-7185-2070

Abstract. On the basis of a set of representative sociological surveys carried out by the Institute of Social Analysis and Forecasting RANEPA from 2021 to 2023 the article reviews features of Russians' lifestyle in the time period when the period of disadvantage caused by the COVID-19 pandemic has been replaced by a new stage of multi-aspect socio-economic instability. Quite a high spread of online consumption established in the post-pandemic period which significantly differentiates socio-demographic groups of Russian people has been revealed. The specifics of consumer practices in conditions of new instability have been shown. The features and dynamics of recreation and leisure practices, subjective satisfaction with which is in the zone of positive assessments, have been studied. However, the problem appears to be the existence of a significant group of Russians who have to adjust models of recreational behaviour with partial refusal from desired ways of leisure time. The results of the analysis show that most of the population has the potential for social interactions which may be converted into assistance and support, mostly on the interpersonal rather than institutional level.

Keywords: population, lifestyle, models of socio-economic behaviour, consumption, leisure, recreation, social interactions, social capital

Citation: Loginov D., Titov V. (2023) Consumption, Leisure, Social Interactions: the Features of Russians' Lifestyle in the Unstable 2020s. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 87–104. DOI: 10.31857/S0869049923060072, EDN: MRYMJO.

Начало 2020-х годов стало для российского населения периодом многоаспектной нестабильности. Прежде всего институциональная среда оказалась подвержена существенной и разнообразной динамике, связанной с пандемией коронавируса и административными ограничениями, направленными на противодействие распространению инфекции, что, безусловно, изменило образ жизни большинства населения. Завершение активной фазы пандемии коронавируса совпало с новым этапом нестабильности, обусловленным изменением геополитической ситуации начиная с весны 2022 г.

В этих обстоятельствах особую актуальность приобретает анализ условий жизни населения и поведенческих практик (как уже ставших социальной нормой, так и вновь формируемых). Комплекс социологических опросов, проведенных Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в период 2021–2023 гг. по выборке, репрезентирую-

ющей взрослое население страны, позволяет рассмотреть особенности потребительских и досуговых практик, а также параметры социальных взаимодействий россиян в контексте турбулентной институциональной динамики последних лет.

Подходы к исследованию образа жизни в различных институциональных контекстах

Понятие образа жизни восходит к методологической традиции культурной антропологии, в рамках которой изучают совокупность относительно устойчивых практик, присущих той или иной общности [Hradil 2001]. Категория «образ жизни» стала одной из основных с развитием социологии как науки. С классовых позиций ее анализировал уже К. Маркс [Маркс, Энгельс 1957]. Особенности образа жизни «праздного класса», описываемого через обычаи, привычки и мышление, становятся предметом критического исследования у Т. Веблена, в том числе при рассмотрении «демонстративного потребления» [Веблен 1984]. В работах Э. Дюркгейма образ жизни трактуется с точки зрения типов социальной организации жизни – общества «механической солидарности» и общества «органической солидарности» [Дюркгейм 1996]. В концепции Ф. Тенниса, заложившей фундамент модернизационной теории, на образ жизни также оказывает влияние характер социальной организации [Теннис 2002]. «Идеальные типы», выделенные Ф. Теннисом, позволяют говорить о целом ряде оппозиционных пар признаков, которые определяют воспроизводство различных моделей образа жизни: формальное / неформальное, индивидуальное / коллективное, эмоциональное / рациональное, личное / безличное и т. д.

Особое внимание следует обратить на работы М. Вебера, который обращается к понятию образа жизни при изучении социальной стратификации [Вебер 1990; Вебер 1994]. По его мнению, центральное место в мотивационных установках людей занимает экономический интерес на основе целерационального поведения, в то время как выделение статусных социальных групп связано с формированием и поддержанием определенного образа жизни, который выступает символом признания и социальной дифференциации.

Г. Зиммель [Зиммель 1996; Simmel 2004] выделял множественность поведенческих стереотипов, посредством которых люди взаимодействуют с пространством возможностей самовыражения. М. Собель определял образ жизни как «набор наблюдаемых поведенческих выборов» [Sobel 1981; Sobel 1983]; в его работах предложена идея предпочтения или выбора из ограниченного круга возможностей, а потребление выступает сферой дифференциации образа жизни людей. Следует упомянуть работу П. Бурдьё, посвященную проблеме социальной стратификации общества [Бурдьё 2005]. В его концепции символические значения различных товарных групп, видов досуга, личных пристрастий и ценностных суждений интерпретируются с точки зрения их способности дифференцировать общество и обеспечивать условия внутригрупповой солидарности. Э. Гидденс рассматривает образ жизни через набор практик, которые индивид принимает для себя. В данном контексте модели поведения выступают не только способом удовлетворения материальных или досуговых потребностей, но и способом выражения и маркером социальной идентичности [Giddens 1991]. В монографии «Стили жизни» Д. Чейни акцентирует фактор рефлексивности, которая позволяет людям делать самостоятельный выбор и маневрировать в социальном пространстве, используя в том числе различные поведенческие практики [Chaney 1996].

Ж. Бодрийяр предложил трактовку, согласно которой в центр современных поведенческих моделей выносятся особенности потребления. В условиях общества потребления эти модели становятся основой образа жизни, способом социальной дифференциации, возможностью приобщиться к высоко ценимым жизненным стандартам. В результате образ

жизни трактуется как «потребление знаков», целью которого выступает демонстрация статуса исходя из негласно принятых императивов [Бодрийяр 2006]. Еще один подход к интерпретации проблематики образа жизни предложен в теории модернизации, представители которой заняты поиском баланса между социально-экономическими и ценностно-нормативными факторами, отражающими изменения образа жизни. В такой трактовке именно ценностные ориентации имеют решающее значение при формировании базиса социального поведения [Инглхарт, Вельцель 2011].

В советской историографии и этнографии при анализе исследуемой проблематики использовали понятие «быт», обозначающее материальную культуру, домашнее воспроизводство и досуг [Пушкарёва 2005]. Социология образа жизни в нашей стране развивалась достаточно активно [Заславская 1980; Сохань, Головаха, Тихонович 1982; Римашевская, Оников 1988; Левада 1993]. В целом советские социологи исходили из предпосылки о детерминации образа жизни структурными и институциональными свойствами социальной системы. Образ жизни трактовали либо через призму общественно-экономической формации (буржуазный, социалистический), либо с точки зрения национально-этнической принадлежности. Отечественные исследователи разработали и апробировали релевантные научные методики [Возьмитель 1992; Левыкин, Возьмитель 1984]. Одним из самых масштабных исследований, которое охватывало широкий комплекс разнообразных составляющих жизнедеятельности населения, стал Таганрогский проект, реализуемый на протяжении 40 лет с 60-х годов XX в. Авторам удалось получить многомерную картину образа жизни общества, включая социально-демографические параметры, трудовое поведение, досуг, потребление, социокультурные и гендерные установки и т. д. [Римашевская, Маркова, Крошилин 2013].

В последние десятилетия в России образ жизни изучают с точки зрения разных его компонентов: досуговых практик [Рощина 2007], взаимосвязи уровня дохода и образования с активностью в сфере досуга [Абрамов, Зудина 2010], структуры публичных досуговых практик и зависимости паттернов досуга от уровня доходов и социально-демографических характеристик населения [Корсунова 2017]. Показано, что досуговые практики – это способ частично нивелировать социальную дистанцию [Гурова, Харченко 2010]. В.И. Корсунова выявила структуру публичных досуговых практик в зависимости от уровня дохода и социально-демографических характеристик населения [Корсунова 2017]. Предпринимаются попытки разработать типологию социальных групп на основе выделения определенных поведенческих моделей [Викторова 2017], а также выявить дифференциацию моделей по различным группам населения [Николаева 2011; Киселев 2013; Омельченко 2020].

Системные социально-экономические трансформации обуславливают изменения образа жизни, которые отчасти носят вынужденный, адаптационный характер. Динамика условий жизнедеятельности и поведенческих практик в начале 2020-х гг. выступает предметом многоаспектного анализа российских исследователей. Острая фаза эпидемической напряженности оказалась сопряжена с массовостью практик самоограничительного поведения [Логинов 2020]. Значительные группы населения характеризуются негативной динамикой благосостояния [Преснякова, Гашенина 2021; Красильникова и др. 2021], что имеет своим следствием изменение образа жизни, частичный отказ от привычных поведенческих практик.

Методология исследования

В исследовании анализируются три составляющие образа жизни российского населения в период нестабильности 2020-х гг. Во-первых, это сфера потребления, которая оценивается с точки зрения уровня и дифференциации включенности россиян в сегмент онлайн-потребления товаров и услуг, а также с точки зрения изменения потребительского

поведения в условиях новой нестабильности с 2022 г. Во-вторых, речь идет о рекреационно-досуговых практиках, в том числе с учетом вынужденных изменений, вызванных условиями пандемии, и субъективного уровня удовлетворенности досугом. В-третьих, рассматривается структура социальных взаимодействий, то есть в виду образ жизни респондентов, а также возможности получения помощи и поддержки со стороны социального окружения в условиях нестабильности.

Эмпирическую базу исследования составляют данные комплекса социологических опросов, проведенных в период 2022–2023 гг. по выборке, которая адекватно репрезентирует население России в возрасте 18 лет и старше. Выборка для опросов, проведенных методом телефонного анкетирования, формировалась на основе случайной систематической стратификации номеров мобильных телефонов, которые сгенерированы по задействованным DEF-диапазонам на территории России (по информации официального сайта Россвязи). Диапазоны позволили таргетировать телефонные номера до субъектов РФ для создания территориальных страт. Распределение выборки по стратам рассчитано на основе данных Росстата о численности населения, проживающего на территории выделенных страт. Композиция использованных в исследовании социологических опросов представлена в таблице 1. Ошибка выборки (для 95-процентного доверительного интервала) не превышает 2,5%.

Таблица 1

Комплекс использованных социологических опросов

Table 1

The series of used sociological surveys

Период проведения опроса	Объем выборочной совокупности, человек	Тематические блоки анализа
Март 2021 г.	3569	Вынужденные изменения досуговых практик за период пандемии
Апрель 2022 г.	5018	Потребительские практики с использованием онлайн-коммуникаций, сформировавшиеся к окончанию активной фазы пандемии Реализация массовых рекреационно-досуговых практик Распространенность получения регулярной материальной помощи со стороны социального окружения Уровень субъектной широты ресурсных социальных взаимодействий
Ноябрь 2022 г.	1814	Практики формирования товарных запасов и потребительской экономии на протяжении 2022 г. в условиях новых рисков
Февраль 2023 г.	1618	Уровень удовлетворенности актуальными практиками досуга

Тенденции в сфере потребления

Как показывают результаты наших исследований в период пандемии коронавируса (в условиях, с одной стороны, накопленного потенциала сетевой инфраструктуры, а, с другой – ограничений экономической и социальной активности), тенденция последних лет – существенное расширение включенности россиян в онлайн-взаимодействия для решения широкого круга жизненных задач. Выяснилось, что при сохранении социально-демографической дифференциации в использовании онлайн-технологий, к ним чаще стали обращаться как те, кто и до пандемии активно пользовался сетевыми возможностями, так и те,

кто прежде был пассивен в этом отношении. Рассмотрим, в каких социальных группах и в каких масштабах практика потребления товаров и услуг с использованием онлайн-технологий сохранилась и после снижения эпидемической напряженности.

Получение, с различной периодичностью, услуг (к которым относятся, например, запись на прием к врачу, оформление документов, банковские услуги, заказ такси, покупка билетов и тому подобное) в онлайн-режиме характерно для 70% опрошенных. Более половины респондентов заявили о том, что постоянно или время от времени приобретают через Интернет непродовольственные товары – одежду, книги, технику и т. д. Доставку продуктов, которая оформляется с помощью коммуникационных технологий, использует четверть населения, а заказ готовой еды – около трети.

Анализ дифференциации включенности в потребительские онлайн-практики по половой принадлежности свидетельствует о незначительном преобладании мужчин среди пользователей таких сервисов, однако различия составляют лишь несколько процентных пунктов. В то же время дифференциация в зависимости от возраста выражена гораздо сильнее. Молодежь, что предсказуемо, значительно более активна применительно ко всем рассматриваемым формам потребительского поведения. Представители старшей возрастной когорты кратно реже остальных совершают онлайн-покупки продуктов и заказывают готовую еду. В то же время к получению в онлайн-режиме необходимых услуг, а также к покупке непродовольственных товаров прибегают представители всех выделенных групп, включая старшее поколение (рис. 1).

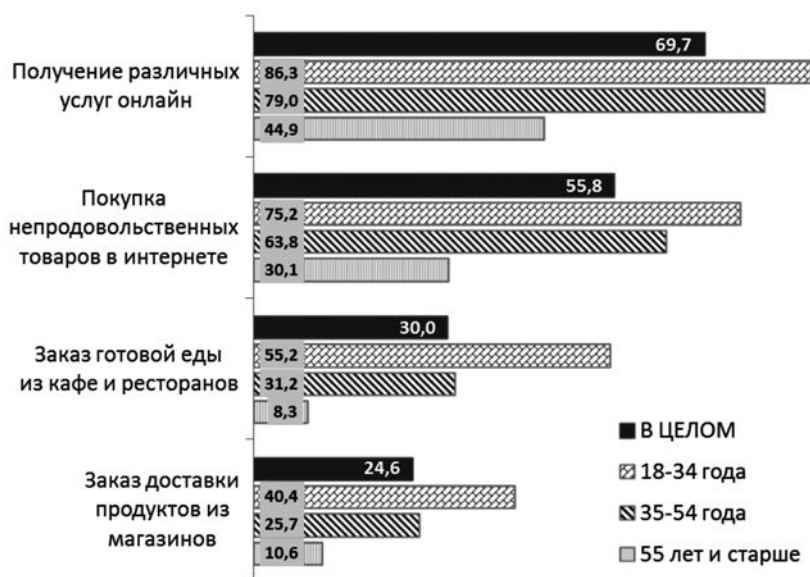

Рис. 1. Актуальные потребительские практики с использованием онлайн-коммуникаций, по возрастным группам, апрель 2022 г., % (хотя бы иногда используют)

Figure 1. Current consumer practices with use of online communications, by age groups, April 2022, % (those who use it sometimes)

В отношении каждой из потребительских онлайн-практик отмечается четкая прямая зависимость: при переходе к более крупной территориально-поселенческой группе доля опрошенных, использующих интернет-технологии, возрастает. Ожидается, что к заказу

продуктов питания и готовой еды крайне редко прибегают жители сельских поселений. В то же время получают онлайн-услуги и приобретают непродовольственные товары онлайн значительные группы населения, включая жителей сельских населенных пунктов и небольших городов (рис. 2).

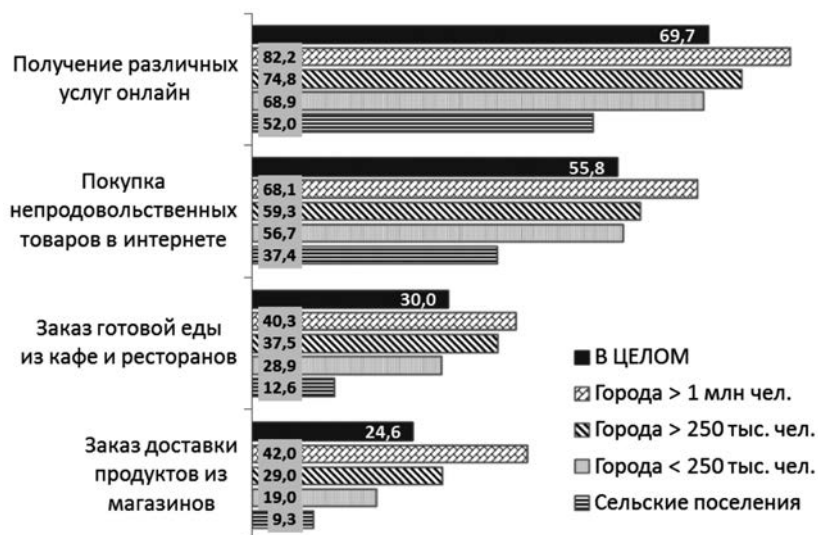

Рис. 2. Актуальные потребительские практики с использованием онлайн-коммуникаций, по типам поселений, апрель 2022 г., % (хотя бы иногда используют)

Figure 2. Current consumer practices with use of online communications, by types of settlement, April 2022, % (those who use it sometimes)

Уровень материальной обеспеченности – это фактор, который существенно дифференцирует доступность и востребованность потребления товаров и услуг с использованием онлайн-технологий. Представители более обеспеченных групп, доходы которых позволяют без существенных трудностей приобретать не только еду и одежду, но и необходимые предметы длительного пользования, заметно шире вовлечены в практики дистанционного потребления. В то же время малообеспеченные объективно ограничены в потребительских практиках, но даже среди них более половины пользуются онлайн-услугами, а треть совершают онлайн-покупки непродовольственных товаров.

Весной 2022 г., когда обусловленные пандемией проблемы пошли на убыль, дали о себе знать риски новой потребительской нестабильности, вызванные санкционным режимом, а также усложнением и частичным разрывом товарных логистических цепочек. В сложившихся обстоятельствах россияне перешли на ситуативную потребительскую модель, которая предполагает создание товарных запасов на уровне домохозяйства. О приобретении впрок продуктов питания в конце первого квартала 2022 г. заявили 17% опрошенных, лекарств – 15%, непродовольственных товаров – 11%. Наиболее массовой данная потребительская модель оказалась среди жителей мегаполисов, для которых характерны сравнительно развитая структура потребления и большие финансовые возможности. Непродовольственные товары чаще закупают впрок представители молодежных и средневозрастных когорт (16 и 13% соответственно), а лекарственные средства – россияне старшего возраста (18%).

В условиях социально-экономической нестабильности в течение 2022 г. массовой стала практика потребительской экономии. Более 60% опрошенных заявили, что отказались от приобретения некоторых товаров и бытовых услуг либо перешли на их более дешевые аналоги. Чуть менее половины россиян указали на частичный отказ от отдельных рекреационных практик, на оптимизацию соответствующих расходов. Важно отметить, что это касается не только респондентов с низкими доходами, но и представителей относительно благополучной в материальном отношении группы (рис. 3).

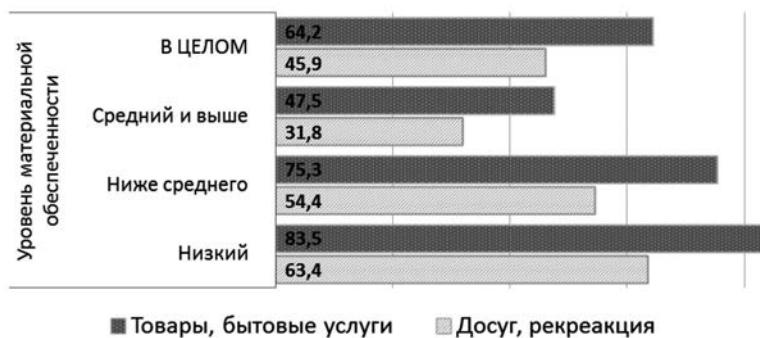

Рис. 3. Доля респондентов, перешедших к экономии в отношении различных потребительских сегментов на протяжении 2022 г., по группам материальной обеспеченности, ноябрь 2022 г., %

Figure 3. The share of respondents who implemented saving practices in 2022, for various consumer segments, by income groups, November 2022, %

Можно заключить, что вынужденные сдвиги в потреблении как повседневных товаров и услуг, так и рекреационно-досуговых услуг, характерны для различных демографических групп населения страны. Выделяются оценки жителей сельских поселений, для которых сужение возможностей в рекреационно-досуговой сфере менее значимо, чем для городских жителей. Представители молодых и средневозрастных когорт оказались крайне близки по показателям потребительской экономии, в то же время опрошенные старших возрастов несколько реже указывают на вынужденную экономию.

Рекреационно-досуговые практики россиян

Пандемия коронавируса и связанные с ней административные ограничения социальной активности оказали существенное влияние на регулярный досуг россиян. По истечении «года пандемии» 55% опрошенных отметили изменение моделей регулярного времяпрепровождения, обусловленное внешними обстоятельствами, в том числе около четверти зафиксировали существенную динамику в этой сфере. Данные, приведенные на рисунке 4, свидетельствуют о том, что наиболее заметные изменения касаются образа жизни молодежи.

Социально-демографическая дифференциация практик активного досуга различных групп населения на фоне смягчения эпидемической обстановки показана в таблице 2. Мужчины несколько чаще воспроизводят отмеченные поведенческие модели, причем наиболее выраженная гендерная дифференциация (на уровне 10 п.п.) характеризует питание вне дома. Существенная диспропорция по возрастным когортам чаще всего наблюдается в отношении платных форм досуга. Что касается различий, связанных с местом жительства, то сельские жители вдвое реже посещают заведения общепита и культурного досуга, чем горожане, однако дружеское общение присутствует в одинаковой мере во всех типах

поселений. Принципиальные различия характерны для групп по уровню здоровья и материальной обеспеченности: низкие их показатели не только ограничивают участие в культурном и гастрономическом досуге, но и существенно сужают межличностное общение.

Рис. 4. Изменение досуговых практик за период пандемии COVID-19, по возрастным группам, март 2021 г., %

Figure 4. Changes in leisure practices in the COVID-19 pandemic period, by age groups, March 2021, %

Таблица 2

Дифференциация рекреационно-досуговых практик, регулярно или время от времени реализуемых различными социально-демографическими группами населения, апрель 2022 г., % (допускалось несколько ответов)

Table 2

Differentiation of leisure practices implemented by various socio-demographic groups of population on a regularly or occasional basis, April 2022, % (several answers were possible)

Группы	Рекреационно-досуговые практики		
	Питание вне дома	Посещение кинотеатров, музеев, концертов и т. п.	Встречи с друзьями
В среднем	35,6	28,8	70,6
Гендерные группы			
Мужчины	41,0	30,7	75,1
Женщины	31,0	27,2	66,8
Возрастные группы			
18–34 года	60,2	38,7	83,1
35–54 года	38,3	29,7	70,3
55 лет и старше	12,3	19,6	60,9
Тип поселения			
Сельские поселения	20,5	15,5	67,0
Города	40,1	32,7	71,9
Уровень здоровья (по самооценке)			
Очень хорошее	61,9	45,3	84,7
Хорошее	51,0	39,2	80,2

Продолжение табл. 2

Группы	Рекреационно-досуговые практики		
	Питание вне дома	Посещение кинотеатров, музеев, концертов и т. п.	Встречи с друзьями
Среднее	26,4	23,4	66,7
Плохое	14,2	11,3	50,5
Очень плохое	10,1	6,7	44,4
Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)			
Средний и выше	54,2	42,9	79,6
Ниже среднего	28,1	23,5	69,3
Низкий	13,9	11,9	56,8

Результаты опроса, проведенного в начале 2023 г., показывают, что около 70% россиян позитивно оценивают возможности времяпрепровождения, однако полностью удовлетворена ими только треть опрошенных. Субъективное восприятие ситуации в этой жизненной сфере достаточно равномерно характеризует представителей всех половозрастных групп. Самые молодые из опрошенных несколько реже бывают абсолютно удовлетворены, однако различия здесь незначительны.

Самый низкий уровень удовлетворенности досуговыми практиками зафиксирован в крупных городах: только 28% жителей мегаполисов полностью устраивает то, как они проводят свободное время, тогда как 34% входят в зону относительной или абсолютной неудовлетворенности. С переходом к каждой следующей (меньшей) территориально-поселенческой группе позитивное восприятие актуальных форм регулярного времяпрепровождения нарастает, достигая максимума в сельских поселениях. Довольно высока удовлетворенность проведением досуга среди представителей обеспеченных слоев (средний уровень и выше), которые обладают сравнительно широкими возможностями: более 40% из них заявили о том, что ситуация их «полностью устраивает». Среди малообеспеченных ситуация обратная: 45% из них негативно оценивают свои возможности, в том числе 22% абсолютно не удовлетворены проведением досуга (рис. 5).

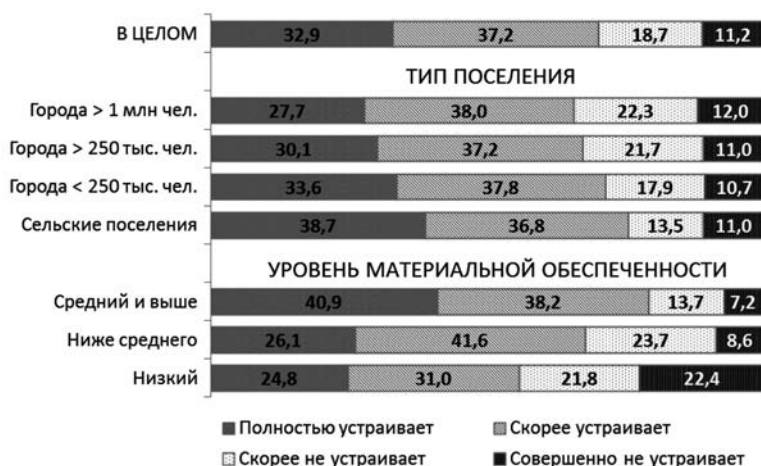

Рис. 5. Уровень удовлетворенности проведением досуга, свободного времени, февраль 2023 г., %

Figure 5. The level of satisfaction with leisure time, February 2023, %

Обращает на себя внимание тот факт, что около 40% опрошенных отмечают, что вынуждены были отказаться от прежде доступных форм досуга. В первую очередь это касается малообеспеченных респондентов, молодежи и жителей крупных городов.

Структура и ресурсная значимость социальных взаимодействий

Эмоциональный и ментальный комфорт в значительной степени определяется наличием у человека среды доверительного общения. В условиях высокой нестабильности повседневной жизни россиян, неопределенности социально-экономических перспектив и цензурирования общественных коммуникаций доверие к ближайшему социальному окружению может не только помогать в принятии решений в сложных жизненных ситуациях, но и иметь выраженный терапевтический эффект. Результаты опроса, проведенного в апреле 2022 г., показывают, что более 90% россиян имеют партнеров по доверительному общению среди близких друзей, родственников, коллег и прочих представителей референтных групп. Социально-демографическая дифференциация населения с точки зрения наличия круга доверительного общения крайне незначительна, при этом несколько чаще коммуникативную замкнутость демонстрируют мужчины, люди среднего возраста и жители малых населенных пунктов. Более значимы различия, определяемые ресурсной обеспеченностью: представители групп с невысоким уровнем образования, низким материальным статусом, безработные чаще склонны к выраженной (возможно, вынужденной) замкнутости. Природа такого поведения может быть как социально обусловлена, так и связана с психологическими проблемами, характерными для тех, кто пребывает в состоянии социального отчуждения. Как показывают результаты исследования, на отсутствие в своем окружении людей, которым респонденты могли бы доверить сокровенные мысли и переживания, указывают 13% опрошенных без профессионального образования, 17% безработных и 22% малообеспеченных.

Реципиентами регулярной значимой материальной помощи со стороны социального окружения (проживающих отдельно родственников или друзей) выступают 9% респондентов. Уровень дифференциации по распространенности такой поддержки по демографическим группам не очень велик (порядка 3–5 п.п.), однако различия статистически значимы и иллюстрируют актуальные закономерности: чаще других регулярную материальную помощь получают молодые мужчины и женщины (18–34 года), а также женщины старших возрастных групп (от 55 лет). Реже всего реципиентами выступают представители средней возрастной когорты (рис. 6).

Важно, что 80% россиян полагают, что в случае необходимости могут рассчитывать на какую-либо помощь со стороны хотя бы одной из субъектных групп персонального или институционального социального окружения (к таким группам в исследовании отнесены родственники, друзья, коллеги, государственные органы, общественные и религиозные организации). В наиболее уязвимом положении, когда возможности получить потенциально необходимую помощь не просматриваются даже гипотетически, находятся россияне старшего возраста, а также те, кто ограничен в собственных ресурсах (здоровья, стабильной занятости и сбережений).

Субъектной группой, на представителей которой наиболее часто возлагают надежды в случае трудной жизненной ситуации, являются родственники (73%), что ожидаемо. В полтора раза реже опрошенные рассчитывают на друзей и коллег, около 20% полагаются на помощь государственных органов. Реже всего люди рассчитывают на поддержку общественных и религиозных институций.

Рис. 6. Распространенность получения регулярной значимой материальной помощи от проживающих отдельно родственников и друзей, по половозрастным группам, апрель 2022 г., %

Figure 6. Prevalence of obtaining regular significant financial support from friends and relatives living separately, by sex and age groups, April 2022, %

Иерархия источников потенциальной помощи едина для представителей всех демографических групп, различия здесь незначительны. Скажем, мужчины более склонны полагаться на поддержку друзей и коллег, чем женщины, а молодежь в целом более позитивно оценивает ситуацию, чем представители старших возрастов (табл. 3).

Таблица 3

Субъекты потенциальной помощи и поддержки в случае необходимости, по возрастным и гендерным группам, апрель 2022 г., % (допускалось несколько ответов)

Table 3

Subjective groups perceived as potential actors of help and support in case of necessity, by age and gender groups, April 2022, % (several answers were possible)

Субъекты помощи	Возрастные группы			Гендерные группы		В среднем
	18–34 года	35–54 года	55 лет и старше	Мужчины	Женщины	
Проживающие отдельно родственники	82,4	71,1	68,9	74,6	72,3	73,3
Друзья, коллеги	60,7	48,4	32,0	51,8	41,7	46,3
Гос. органы, в т. ч. социальные службы	23,2	17,4	14,9	18,0	18,3	18,1
Церковь, религиозные организации	14,5	12,9	8,6	12,1	11,7	11,9
Общественные организации	15,7	9,2	5,0	10,2	9,0	9,5

Суммирование количества субъектных групп, которые воспринимаются в качестве источников необходимой помощи, позволяет определить уровень социальных взаимодействий, а это важный индикатор социального капитала. По этому показателю две трети россиян рассчитывают на поддержку одной или двух субъектных групп, то есть относятся к той части населения, которая располагает средним социальным капиталом (с точки зрения его субъектной широты). Высоким уровнем социального капитала, то есть предполагае-

мой возможностью получить помощь трех и более субъектных групп, располагают 17% россиян. При этом подтверждаются возрастные особенности, в соответствии с которыми по мере старения субъектная широта потенциально полезных социальных связей существенно снижается (рис. 7).

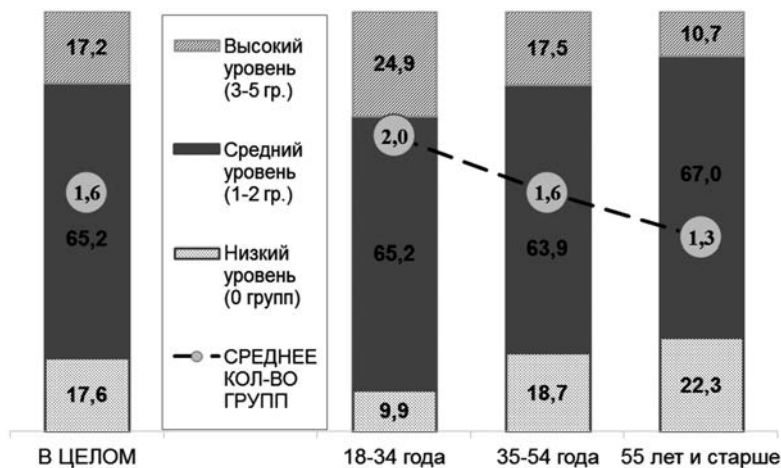

Рис. 7. Уровень субъектной широты ресурсных социальных взаимодействий (количество субъектных групп потенциальной помощи и поддержки), по возрастным группам, апрель 2022 г., %

Figure 7. The level of subjects' resource social interactions (the quantity of actors' groups with potential assistance and support), by age groups, April 2022, %

Наиболее распространенный вид потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения связан с вербальной коммуникацией: около 80% респондентов считают, что в случае необходимости могут рассчитывать на человеческое участие, моральную поддержку или совет. На содействие в решении бытовых вопросов надеются 71% опрошенных, а около половины – на материальное вспомоществование или на помощь в трудоустройстве.

* * *

Как показали проведенные исследования, потребление услуг и товаров в онлайн-режиме дифференцировано в зависимости от возраста, места жительства и дохода. За последние годы подобные практики получили широкое распространение благодаря развитию сетевой инфраструктуры и структуры потребительского предложения, а также вследствие адаптации к внешним ограничениям во время пандемии коронавируса. Это касается как всего населения, так и большинства социально-демографических групп. Вместе с тем наблюдается некоторое увеличение «разрыва включенности» в онлайн-практики между более и менее активными в этом отношении общественными группами.

В условиях повышения (с весны 2022 г.) новых рисков социально-экономической нестабильности проявились негативные ожидания относительно инфляции и сужения товарного предложения, что привело к воспроизводству различными группами россиян

практики покупок про запас. В 2022 г. две трети россиян отметили снижение потребления товаров и бытовых услуг, причем это касается не только низкодходных групп, но и сравнительно состоятельных респондентов.

Пандемия коронавируса и административные меры, связанные с ограничением социальной активности и сужением возможностей проведения досуга, привнесли в жизнь россиян ощущение новой реальности, которая потребовала специальных адаптационных усилий. По истечении года, прожитого в условиях пандемии, весной 2021 г. более половины респондентов указали на изменение своих рекреационно-досуговых практик. Социологические замеры последнего времени показывают, что большинство россиян в целом удовлетворены своим досугом, но при этом доля безусловно позитивных оценок составляет только 35%. Зона негатива в восприятии возможностей в сфере досуга несколько расширена за счет молодежной когорты и жителей крупных городов. Наиболее существенные ограничения в рекреационной сфере предсказуемо испытывают представители наименее обеспеченных групп россиян, которые вынуждены отказываться от прежде доступных форм досуга. Подобная тенденция чревата углублением и закреплением негативного эмоционального фона в обществе и содержит в себе риск снижения человеческого капитала.

Что касается социальных взаимодействий, то потенциал большинства россиян довольно значителен. Однако обращает на себя внимание тот факт, что люди рассчитывают на моральную и материальную поддержку в первую очередь близкого социального окружения, а не государственных или общественных институтов. В условиях нестабильности, затрагивающей массовые группы населения, можно ожидать снижения ресурсных возможностей многих участников объектно-субъектных цепочек социальных взаимодействий, что представляет значимый риск социального неблагополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Абрамов Р.Н., Зудина А.А. (2010) Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6 (100). С. 134–142.

Abramov R.N., Zudina A.A. (2010) Social'nye innovatory: dosugovye praktiki i kulturnoe potreblenie [Social innovators: leisure practices and cultural consumption]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, no. 6 (100), pp. 134–142. (In Russ.)

Бодрийяр Ж. (2006) Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика. 269 с.

Baudrillard J. (2006) Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer society. It's myths and structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya; Respublika. 269 p. (In Russ.)

Бурдьё П. (2005) Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. Т. 6. № 3. С. 25–49.

Bourdieu P. (2005) Razlichenie: socialnaya kritika suzhdeniya [Distinction: A Social Critique of Judgment]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, vol. 6, no. 3, pp. 25–49. (In Russ.)

Вебер М. (1990) Избранные произведения. М.: Прогресс. 808 с.

Veber M. (1990) Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow: Progress. 808 p. (In Russ.)

Вебер М. (1994) Основные понятия стратификации // Социологические исследования. № 5. С. 146–156.

- Veber M. (1994) Osnovnye ponyatiya stratifikatsii [Basic concepts of stratification]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 146–156. (In Russ.)
- Веблен Т. (1984) Теория «праздного класса». М.: Прогресс. 367 с.
- Veblen T. (1984) Teoriya «prazdnogo klassa» [The theory of the «leisure class»]. Moscow, Progress. 367 p. (In Russ.)
- Викторова О.В. (2017) Типологизация социальных групп на основе стиля жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 10(84): в 2-х ч. Ч. 1. С. 36–39.
- Viktorova O.V. (2017) Tipologizatsiya social'nyh grupp na osnove stilya zhizni [Typologization of social groups based on lifestyle]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, no. 10(84), in 2 parts, part 1, pp. 36–39. (In Russ.)
- Возмитель А.А. (ред.) (1992) Образ жизни в условиях перестройки. М.: Институт социологии РАН. 171 с.
- Vozmitel A.A. (ed.) (1992) Obraz zhizni v usloviyah perestroiki [Lifestyle in the conditions of perestroika]. Moscow, Institut sociologii RAN. 171 p. (In Russ.)
- Гурова О.Ю., Харченко Ю.В. (2010) Спортинг: спорт, досуг и стили потребления в современной России // Экономическая социология. Т. 11. № 2. С. 73–90.
- Gurova O.Yu., Harchenko Yu.V. (2010) Sporting: sport, dosug i stili potrebleniya v sovremennoi Rossii [Sporting: sports, leisure and consumption styles in modern Russia]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, vol. 11, no. 2, pp. 73–90. (In Russ.)
- Дюркгейм Э. (1996) О разделении общественного труда. М.: Канон. 432 с.
- Durkheim E. (1996) O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor]. Moscow, Kanon. 432 p. (In Russ.)
- Заславская Т.И. (ред.) (1980) Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск: Наука. 344 с.
- Zaslavskaya T.I. (ed.) (1980) Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetsskoi derevni [Methodology and methods of systematic study of the Soviet village]. Novosibirsk: Nauka. 344 p. (In Russ.)
- Зиммель Г. (1996) Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, С. 266–291.
- Simmel G. (1996) Moda [Fashion]. In: *Simmel G. Izbrannoe. [Selected works] Vol. 2. Sozercanie zhizni*. Moscow: Yurist, pp. 266–291. (In Russ.)
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.
- Inglehart R., Welzel K. (2011) Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. [Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.)
- Киселев Е.А. (2013) Анализ потребительского поведения в контексте стиля жизни современных российских предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 2. С. 65–71.
- Kiselev E.A. (2013) Analiz potrebitelskogo povedeniya v kontekste stilya zhizni sovremennyh rossiiskih predprinimatelei [Analysis of consumer behavior in the context of the lifestyle of modern Russian entrepreneurs]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 65–71. (In Russ.)
- Корсунова В.И. (2017) Публичные досуговые практики в России: статусные различия и структурные особенности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5. С. 194–213.

Korsunova V.I. (2017) Publichnye dosugovye praktiki v Rossii: statusnye razlichiya i strukturnye osobennosti [Public leisure practices in Russia: status differences and structural features]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, no. 5, pp. 194–213. (In Russ.)

Красильникова М.Д., Пишняк А.И., Горина Е.А., Корчагина И.И. (2021) Перемены в уровне жизни российских семей в связи с пандемией COVID-19 // «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 17–38.

Krasilnikova M. D., Pishnyak A. I., Gorina E. A., Korchagina I. I. (2021) Peremeny v urovne zhizni rossijskikh semej v svyazi s pandemiej SOVID-19 [Changes in the standard of living of Russian families in connection with the COVID-19 pandemic]. In: *«Black Swan» in a white mask. HSE Analytical Report on the anniversary of the COVID-19 pandemic*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. P. 17–38. (In Russ.)

Левада Ю.А. (ред.) (1993) Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан. 299 с.

Levada Yu.A. Sovetskii prostoi chelovek. Opyt socialnogo portreta na rubezhe 90-h. [A Soviet simple man. Experience of social portrait at the turn of the 90s]. Moscow, Mirovoi okean. 299 p. (In Russ.)

Левыкин И.Т., Возьмитель А.А. (ред.) (1984) Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей. М.: ИСИ АН СССР. 163 с.

Levykin I.T, Vozmitel A.A. (1984) Sovetskii obraz zhizni. Sostoyanie, mneniya i otsenki. [The Soviet Lifestyle. State, opinions and assessments of Soviet people]. Moscow, ISI AS SSSR. (In Russ.)

Логинов Д.М. (2020) Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 470–487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>

Loginov D.M. (2020) Social'noe samochuvstvie rossijskogo naseleniya v period ostroj fazy epidemiologicheskogo krizisa [Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 470–487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708> (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. (1957) Сочинения. М.: Политиздат. Т. 8. 689 с.

Marks K., Engels F. (1957) Sochineniya [Essays]. Moscow: Politizdat. Vol. 8. 689 p. (In Russ.)

Николаева О.В. (2011) Стиль жизни пенсионеров как социологическая проблема (на основе конкретно-социологических исследований в г. Казани) // Известия Саратовского университета. Т. 11. Серия Социология. Политология. Вып. 4. С. 30–36.

Nikolaeva O.V. (2011) Stil zhizni pensionerov kak sociologicheskaya problema (na osnove konkretno-sociologicheskikh issledovaniy v g. Kazani) [The lifestyle of pensioners as a sociological problem (based on concrete sociological research in Kazan)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. vol. 11, Seriya Sociologiya. Politologiya. Is. 4, pp. 30–36. (In Russ.)

Омельченко Е.Л. (ред.) (2020) Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 502 с.

Omelchenko E.L. (ed.) (2020) Molodyozh v gorode: kultury, sceny i solidarnosti [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarity]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. 502 p. (In Russ.)

Преснякова Л., Гашенина Н. (2021) Экономика и пандемия // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ). С. 116–151.

Presnyakova L., Gashenina N. (2021) Ekonomika i pandemiya [Economy and Pandemic]. In: *Oslon A.A. (ed.) Sociology of the pandemic. KoronaFOM project*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (inform). P. 116–151. (In Russ.)

Пушкарева Н.Л. (2005) «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Гласник этнографского института САНУ (Белград, Сербия). № 53. С. 21–34.

Pushkaryova N.L. (2005) «Istoriya povsednevnosti» i etnograficheskoe issledovanie byta: raskhozhdeniya i peresecheniya [«The history of everyday life» and the ethnographic study of everyday life: divergences and intersections]. *Glasnik etnografskog instituta SANU (Belgrad, Serbiya)*. no. 53, pp. 21–34. (In Russ.)

Римашевская Н.М., Маркова Н.Е., Крошилилин С.В. (2013) Методология комплексного мониторинга населения в Таганроге // Народонаселение. № 4. С. 73–85.

Rimashevskaya N.M., Markova N.E., Kroshilin S.V. (2013) Metodologiya kompleksnogo monitoringa naseleniya v Taganroge [Methodology of integrated population monitoring in Taganrog]. *Narodonaselenie*. no. 4, pp. 73–85. (In Russ.)

Римашевская Н.М., Оников Л.А. (ред.) (1988) Народное благосостояние: методология и методика исследования. М.: Наука. 302 с.

Rimashevskaya N.M., Onikov L.A. (eds.) (1988) Narodnoe blagosostoyanie: metodologiya i metodika issledovaniya. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.)

Рощина Я.М. (2007) Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга // Экономическая социология. Т. 8. № 4. С. 23–40.

Roshchina Ya.M. (2007) Differenciaciya stilei zhizni rossiyan v pole dosuga [Differentiation of life styles of Russians in the field of leisure]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. vol. 8, no. 4, pp. 23–40. (In Russ.)

Сохань Л.В., Головаха Е.И., Тихонович В.А. (1982) Стиль жизни личности: теоретические и методологические проблемы. Киев: Наукова думка. 307 с.

Sohan L.V., Golovaha E.I., Tihonovich V.A. (1982) Stil zhizni lichnosti: teoreticheskie i metodologicheskie problemy [Personal lifestyle: theoretical and methodological problems]. Kyiv: Naukova dumka. 307 p. (In Russ.)

Теннис Ф. (2002) Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль. 386 с.

Tennis F. (2002) Obshchnost i obshchestvo: Osnovnye ponyatiya chistoi sociologii [Community and society: Basic concepts of pure sociology]. St. Petersburg: Vladimir Dal. 386 p. (In Russ.)

Chaney D. (1996) Lifestyles. London: Routledge. 208 p.

Giddens A. (1991) Modernity and self-identity. Stanford (California): Stanford university press. 256 p.

Hradil S. (2001) Eine Alternative? Einige Anmerkungen zu Thomas Meyers Aufsatz. Das Konzept der Lebensstile in der Sozialstrukturforschung [An alternative? Some remarks on Thomas Meyer's article on «The concept of lifestyles in the study of social structure»]. *Soziale Welt*. no. 52 (3), pp. 273–282.

Simmel G. (2004) The Philosophy of Money. Ed. David Frisby. London: Routledge. 543 p.

Sobel M.E. (1981) Lifestyle and Social Structure: concepts, definitions, analyses. New York: Academic Press. 226 p.

Sobel M.E. (1983) Lifestyle expenditures in contemporary America: relations between stratification and culture // American Behavioral Scientist. no. 26 (4), pp. 521–533.

Информация об авторах

Логинов Дмитрий Михайлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., 11. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Титов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: Россия, 11903, Москва, Пречистенская наб., 11. E-mail: titov-vn@ranepa.ru

About the author

Dmitry M. Loginov, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration (RANEPa). Address: 11, Prechistenskaya nab., 119034, Moscow, Russian Federation. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Vladimir N. Titov, Doctor of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration (RANEPa). Address: 11, Prechistenskaya nab., 119034, Moscow, Russian Federation. E-mail: titov-vn@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.06.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2023

УДК 314.93

DOI: 10.31857/S0869049923060084
EDN: MSBDMY

Оригинальная статья / Original article

Родной язык в условиях двуязычия: кейс Беларуси и Хакасии

© О.Л. ЛУШНИКОВА, А.С. СОКОЛОВ

Лушникова Ольга Леонидовна, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан, Россия), oltolt@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1440-1505

Соколов Александр Сергеевич, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Гомель, Беларусь), alsokol@tut.by. ORCID: 0000-0003-4676-9600

В статье анализируется роль родного языка в условиях двуязычия на примере языковой ситуации в двух непохожих регионах: Беларуси и Республике Хакасия. С точки зрения языковой ситуации эти территории объединяет одна общая особенность – значимая роль русского языка, который, наряду с родным (этническим) языком признан государственным. Несмотря на официальное двуязычие, в коммуникативном пространстве рассматриваемых регионов языки титульных народов играют разную роль: в Беларуси она, скорее, символическая, в то время как в Хакасии родной язык используется лишь в некоторых сферах жизни. Факт вымывания родного языка осознается в обоих сравниваемых регионах, однако именно в Хакасии эта проблема воспринимается как угроза этнической идентичности. В Беларуси из-за этнической близости русских и белорусов и их языков доминирование русского языка не вызывает напряженности. Авторы приходят к выводу о нескольких ипостасях бытия родного языка в условиях двуязычия: в жизни его носителей он присутствует как средство фиксации и сохранения культурного наследия, как маркер этнической идентичности и как символ духовного единства титульного народа.

Ключевые слова: родной язык, титульный язык, русский язык, белорусский язык, хакасский язык, двуязычие, языковая ситуация, владение языком, домашний язык.

Цитирование: Лушникова О.Л., Соколов А.С. Родной язык в условиях двуязычия: кейс Беларуси и Хакасии // Общественные науки и современность. 2023. № 6. С. 105–118. DOI: 10.31857/S0869049923060084, EDN: MSBDMY.

Native Language in Conditions of Bilingualism: the Case of Belarus and Khakassia

© O. LUSHNIKOVA, A. SOKOLOV

Olga Lushnikova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russian Federation), oltolt@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1440-1505

Aleksandr Sokolov, F. Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus), alsokol@tut.by. ORCID: 0000-0003-4676-9600

Abstract. The article analyzes the role of the native language in conditions of bilingualism by comparing the language situation in two dissimilar regions: Belarus and the Republic of Khakassia. From the point of view of the linguistic situation, these territories are united by one common feature – the significant role of the Russian language, which, along with the native (ethnic) language, is recognized as the state language. Despite the official bilingualism, in the communicative space of the regions under consideration, the native languages of the titular peoples play a different role: in Belarus it is rather symbolic, while in Khakassia the native language is used only in some areas of life. The fact that the native language is being washed away is recognized in both regions being compared, but it is in Khakassia that this problem is perceived as a threat to ethnic identity. In Belarus, due to the closeness of Russians and Belarusians and their languages, the dominance of the Russian language does not cause tension. The authors come to the conclusion that there are several aspects of the existence of the native language in conditions of bilingualism: in the lives of its speakers it is present as a means of recording and preserving cultural heritage, as a marker of ethnic identity and as a symbol of the spiritual unity of the titular peoples.

Keywords: native language, title language, Russian language, Belarusian language, Khakass language, bilingualism, language situation, language proficiency, home language

Citation: Lushnikova O., Sokolov A. Native Language in Conditions of Bilingualism: the Case of Belarus and Khakassia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 105–118. DOI: 10.31857/S0869049923060084, EDN: MSBDMY.

Очевидно, что в условиях двуязычия языковая ситуация может развиваться по-разному. С одной стороны, существует вероятность вытеснения одного из языков, с другой стороны, возможно сосуществование двух языков, однако степень их распространенности и сферы использования могут быть разными. Это особенно заметно, когда речь идет об очень непохожих этнических сообществах, таких как белорусы и хакасы. Сопоставлению языковой ситуации в Беларуси и Республике Хакасия посвящена настоящая статья.

Беларусь и Хакасия значительно различаются по географическому положению, административному статусу, площади, численности и этническому составу населения, степени его территориального разнообразия. Первая представляет собой самостоятельное государство, расположенное в западной части Восточной Европы, его территория – 207,6 тыс. км², с равнинным рельефом, население – 9,3 млн человек с преобладанием титульного этноса (белорусы 84,9%, русские 7,5%) и незначительными колебаниями этнического состава по регионам. Кроме белорусов и русских наиболее крупные национальные группы – поляки, украинцы, евреи, армяне, татары. Хакасия – один из субъектов Российской Федерации, расположенный в Южной Сибири; здесь значительную долю составляют горные территории, численность населения – 530 тыс. человек (русские 81,7%, хакасы 12,3%) при значительном колебании этнического состава по районам (в различных районах доля хакасов колеблется от 4 до 60%). Помимо русских и хакасов, в республике проживают немцы, украинцы, татары, киргизы, чуваш.

Особенность языковой ситуации в Беларуси – наличие двух государственных языков – белорусского и русского, причем значительная часть населения признает русский язык в качестве родного. Хакасия как одна из титульных республик России представляет собой типичный пример официально закрепленного двуязычия: и русский и хакасский языки обладают равными правами.

На первый взгляд, сравнивать языковую ситуацию в столь непохожих национально-территориальных образованиях сложно. Статус Беларуси как суверенного государства способствует укреплению белорусского языка в отличие от Хакасии, где общепотребимым является русский язык. Вместе с тем общее для двух регионов – неординарное положение официально признанных на их территориях языков (белорусского и русского, хакасского и русского) и широкое использование русского языка – обуславливает похожие модели функционирования языков, их роль в коммуникативном пространстве и возможные сценарии развития языковой ситуации. Ведь Беларусь и Хакасия длительное время оставались частью единой страны – сначала Российской империи, а затем СССР, где национальная и языковая политика была единой. Сходство изначальных условий позволяет проследить различия в развитии языковой ситуации в независимом государстве и национально-территориальном образовании, которое является частью крупной страны.

Проблема двуязычия

Язык – важнейшая часть национальной культуры и средство общения, которое, как отмечают исследователи, может быть заменено на другой и отделено от культуры [Черкесова 2019, 165]. Это особенно справедливо в случае двуязычной среды, в условиях численного неравенства этнических групп – носителей разных языков, когда язык большинства становится доминирующим и постепенно вытесняет из коммуникативного пространства язык меньшинства.

Высказывается мнение, что в условиях многоязычия возможно неблагоприятное развитие ситуации, когда языковые проблемы становятся источником внутриэтнических и межэтнических конфликтов [Черкесова 2019, 165] или могут стать таковыми [Шимов 2020, 69], используются в качестве средства демонстрации нелояльности к действующей власти [Соколов 2020, 74], иных политико-идеологических проявлений [Махмутов, Литвак 2020, 133].

Что касается сужения сферы использования языка меньшинства, то сегодня языки коренных народов все чаще считают средством фиксации и хранения накопленных народом достижений традиционной культуры, а следовательно, прерогативой исключительно специалистов [Пивнева 2014, 63]. В многоязыковой среде язык может выполнять лишь роль маркера идентичности, желая индивида отождествлять себя с определенной этноязыковой группой [Ореховская 2019, 37]. В этой ситуации возникает проблема разделения родного и национального (этнического) языков, что грозит искажением реальной языковой картины из-за их отождествления [Соколов 2020, 74].

В научной литературе не сложилось единого мнения относительно того, что понимать под родным языком. Существуют разные трактовки этого термина. Родным считают язык раннего детства [Ткачук 2020, 139]; язык матери [Шахнарович 1991, 17]; язык, усваиваемый человеком в раннем детстве путем подражания окружающим его взрослым [Ахманова 1966, 532]; язык, которым человек лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье¹ и т. д. Следует отметить, что представление, согласно которому цело-

¹ Демографический энциклопедический словарь (1985). М.: Советская энциклопедия. С. 372.

век в совершенстве владеет родным языком, по мнению некоторых исследователей, чрезмерно упрощает проблему [Ахунзянов 1978, 43]. Отношение к языку как к родному не всегда сопряжено с навыками владения им, а носители одного языка могут считать родным другой язык. Результаты исследований подтверждают, что сущность термина «родной язык» часто соотносится с единым самосознанием и самоназванием [Черкесова 2019, 166]. В то же время ориентацию на выбор языка безотносительно его знания можно рассматривать в качестве свидетельства его высокой значимости как индикатора этнической идентичности. По мнению некоторых исследователей, родной язык характеризует личностный аспект идентичности, и его вряд ли можно экстраполировать на уровень группы [Губогло 1998, 198]. Поэтому во избежание некорректного отображения языковой ситуации категории «родной язык» и «владение языком» следует анализировать отдельно. Ведь даже владение своим этническим языком не означает, что человек использует его в общении или считает родным. Именно поэтому в литературе употребляют термин «домашний язык», то есть язык повседневного общения.

В советское время критерий владения языком вообще не учитывался при определении родного языка человека, но уже в позднесоветский период такая трактовка была поставлена под сомнение. Г.Х. Ибрагимов и К.Я. Зачесов писали: «На первый взгляд сама постановка вопроса о понятии “родной язык” может показаться искусственной: все знают, что родной язык для конкретного человека есть язык того этноса, к которому данный человек принадлежит, так сказать, “по крови”» [Ибрагимов, Зачесов 1990, 8]. Указывая на то, что современные этносы формируются на общих социальных, а не биологических или «кровных» началах, они предложили альтернативное определение: «Родной язык (языки) для человека есть тот язык (те языки), которым он владеет с максимальной глубиной и полнотой, на котором легче, быстрее и проще, чем на других языках, ему мыслится, который является для него наиболее удобной и привычной формой выражения мысли и языкового общения» [Ибрагимов, Зачесов 1990, 9].

На наш взгляд, признание какого-то языка в качестве родного не зависит напрямую от этнической принадлежности, уровня владения языком, удобства, простоты или привычки использовать его. Человек определяет свой родной язык индивидуально, руководствуясь личным жизненным опытом, социальной средой, ценностными ориентациями и установками.

Эмпирическую базу нашего исследования составили материалы Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. (Беларусь), Переписей населения Республики Беларусь 1999, 2009, 2019 гг.

Белорусский и хакасский языки: статус, языковая политика, функции

В Беларуси и Хакасии официально закреплено двуязычие. В Хакасии государственными являются русский и хакасский языки (согласно ст. 69 Конституции Республики Хакасия от 25 мая 1995 г.), в Беларуси русский язык (наряду с белорусским) признан государственным после референдума 1995 г. Несмотря на государственный статус белорусского и хакасского языков, их роль и функции различаются.

На территории своего государства, по данным последней переписи, белорусы составляют большинство (84,9%)². На первый взгляд, преобладание титульной нации должно благоприятствовать активному использованию белорусского языка. Однако численное

² Рассчитано по: Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020. С. 31.

превосходство не всегда оказывается решающим фактором. В Беларуси в 1991–1994 гг. доминировал советский подход к определению родного языка, в соответствии с которым родным языком белорусов и вообще граждан Беларуси может быть только белорусский. Проводилась активная политика по пропаганде, распространению и внедрению белорусского языка во все сферы жизни, что вызвало общественное недовольство принудительным насаждением языка титульной нации, особенно в учебных заведениях. Поэтому в 1995 г. в стране был проведен общереспубликанский референдум, по результатам которого была принята поправка в Конституцию страны о признании русского языка в качестве второго государственного. Высказывается мнение, что белорусский язык окончательно утратил свое влияние и сегодня практически вытеснен из официально-деловой коммуникации и образования; сфера его применения ограничивается культурой [Лавицкий 2022, 83]. В настоящее время белорусский язык выполняет скорее символическую и этноконсолидирующую роль, нежели коммуникативную [Мечковская 2003, 130; Соколов 2021, 772]. В городах устная речь на белорусском – вне митинга или профессии – неожиданна и даже экзотична, а в молодежной среде ее воспринимают как вызов, эпатаж или легкую агрессию [Мечковская 2011, 222]. В то же время белорусский язык остается символом национального единства и белорусской «самасвядомасці» (самосознания), этнического самоопределения [Лавицкий 2022, 80].

В сфере образования в Беларуси доминирующую роль играет русский язык, причем с течением времени эта тенденция усиливается (табл. 1). Русский язык преобладает на всех уровнях образования, причем в учреждениях, где образовательный процесс официально идет на обоих языках, двуязычие зачастую носит формальный характер, использование белорусского языка ограничивается несколькими предметами и (или) специальностями. Так, анализ опубликованных в 2022 г. сборников научных работ студентов Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины по естественным, техническим, экономическим и социально-гуманитарным наукам показал, что из 607 работ только 30 (4,7%) написаны на белорусском языке, причем 27 из них – по белорусской филологии.

Таблица 1

Языки в системе образования Беларуси (% численности учащихся)

Table 1

Languages in the educational system of Belarus (proportion of students)

Уровень образования	Русский		Белорусский		Русский и белорусский	
	2016/2017 уч. год	2020/2021 уч. год	2016/2017 уч. год	2020/2021 уч. год	2016/2017 уч. год	2020/2021 уч. год
Дошкольное	90,3	91,0	9,7	9,0	–	–
Общее среднее	86,8	89,7	13,1	10,2	–	–
Среднее специальное	84,4	82,7	0,1	0,1	15,4	17,2
Высшее	61,9	60,6	0,2	0,1	37,6	38,1

Источник: *Образование в Республике Беларусь: буклет / Национальный статистический комитет РБ. Минск, 2021. С. 13, 18, 25, 29.*

Source: *Education in the Republic of Belarus: booklet / National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Minsk, 2021, pp. 13, 18, 25, 29.*

В научной литературе встречаются исследования, в которых поднимается проблема исчезновения белорусского языка, его вымывания из семьи и школы, ослабления языковых компетенций и, как следствие, отказа его употреблять в повседневной жизни [Литвин,

Кундозерова, Липницкая, Изергина, Шевченко 2020, 106]. Однако эта точка зрения не преобладает. Данные исследований свидетельствуют о вариативности стратегий языкового поведения: некоторые коммуниканты пользуются исключительно белорусским языком, другие переходят на тот язык, который предпочитает собеседник [Путрова 2021, с. 42]. Характеризуя языковую ситуацию в Беларуси, можно обозначить ее как белорусско-русское двуязычие (сбалансированное в правовом плане и несбалансированное, неравновесное в функционально-коммуникативном) [Пань, Лукашанец 2021, 188].

В Хакасии несколько иная ситуация. Хакасы здесь составляют меньшинство (12%)³, а хакасский язык находится под угрозой исчезновения⁴. Причин тому несколько. Прежде всего численность титульного этноса (а значит, и носителей языка) неуклонно сокращается, что фиксируют переписи населения. Кроме того, происходит интенсивная ассимиляция хакасов этническим большинством – русскими, увеличивается количество межнациональных браков. Несмотря на официальный статус хакасского языка в качестве государственного, общеупотребимым в республике все же является русский язык. Во всех образовательных учреждениях обучение идет на русском. По официальным данным, 80,6% детей коренной национальности изучают хакасский язык (здесь учтены и предметные занятия, и занятия на уровне кружков), но в дошкольных учреждениях таких детей всего 26%⁵.

В республике проводят активную политику по сохранению родного языка: развивают соответствующее законодательство, создают советы и различные программы. Например, согласно закону Республики Хакасия «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» от 20.10.1992 г. тексты документов и вывесок с наименованиями государственных органов оформляют на русском и хакасском языках; переводятся дорожные знаки и наименования улиц; создан Совет по сохранению и развитию хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма, действующий при Правительстве Республики Хакасия (РХ) [Сафьянов 2022, 43]. С одной стороны, можно отметить положительные тенденции, например, увеличивается количество образовательных учреждений, где организовано обучение хакасскому языку, расширяется охват обучающихся [Доможакова, Сагалаков 2022, 15]. С другой стороны, количество владеющих родным языком неизменно сокращается, что подтверждают и статистические данные, и результаты социологических исследований: «официальный билингвизм... является асимметричным – хакасский язык функционирует в ограниченном количестве социальных сфер в дополнение к русскому языку, включая прежде всего сферы образования, культуры и СМИ» [Боргоякова 2020, 23].

Специфика этноязыковой ситуации в Беларуси

Языковая ситуация в Беларуси значительно сложнее, близость белорусского и русского языков обусловила проникновение в русскую речь на территории страны некоторых элементов фонетики, лексики и грамматики белорусского языка. В связи с этим некоторые исследователи даже говорят о формировании белорусской разновидности русского языка,

³ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

⁴ Khakass language // Endangered Languages Project (<https://www.endangeredlanguages.com/lang/2434>).

⁵ Годовой отчет по ГП Развитие образования за 2022 год // Министерство образования и науки Республики Хакасия (https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXLUFoewruKVGNM2qHntcik-oj5Yj-w6Rsc7kpBms8TR8uzH8mwG4utL_DX3YjX_TpeF2Cz9iUC7xtzRGWI4Ko4ETcHSwXzMqD0ygyMrRw6p4m79jZSvFPuRjDZsi1J2abx70e-IA%3D%3D%3Fsign%3DVbABYBKLfrFXmly7WjlbSiH7ORVs_Eaqn5PG6m-pG6Y%3D&name=Godovoy-otchet-po-GP-Razvitie-obrazovaniya-za-2022-god.docx).

заполняющей в Беларуси ту же функциональную нишу, что и просторечие в России [Горицкая 2021, 44]. Получила распространение и русско-белорусская смешанная речь (разной степени смешения, вплоть до того, что практически невозможно определить, элементы какой речи доминируют), традиционно именуемая «трасянкой» с преобладанием русской лексики, но белорусской фонетики и грамматики. Это может затруднять определение родного или домашнего языка при возможности выбора лишь из двух предлагаемых вариантов. В.В. Шимов полагает, что значительная доля респондентов, заявивших в ходе переписи 1999 г., что общаются дома на белорусском, имели в виду именно трасянку; к 2009 г. многие из них уже говорили, что общаются дома на русском, понимая под этим все ту же трасянку [Шимов 2020, 68]. Причины этого сдвига заключаются в том, что в 1999 г. инерция «белорусизаторских» установок обусловила восприятие трасянки как белорусского языка; к 2009 г. идеологическое эхо начала 1990-х гг. ослабело и высокий престиж русского языка побудил идентифицировать трасянку уже в ином качестве. В ходе социологических опросов было показано, что значительная доля белорусов считает родными сразу два языка, а также определяет свой родной язык как «смешанный» [Хентшель, Киттель 2011, 65], однако программа переписи не позволяет зафиксировать эти особенности.

Очевидно, что восприятие белорусами и русского и белорусского языков как родных объясняется этнической близостью двух народов, распространенностью двойной русско-белорусской идентичности (когда понятие «русский» рассматривается как родовое по отношению к понятию «белорус»), а также заменой русской идентичности (особенно в смешанных семьях) в пользу титульного народа. Последнее стало основным фактором уменьшения доли русских среди населения Беларуси: в 1990-е гг., как считается, убыль русских на 65–70% объяснялась действием этого фактора, а в 2000-е – на 83–86% [Суцкий 2020, 11]. Важно иметь в виду, что смена этнической идентичности не обязательно сопровождается сменой идентичности языковой, и человек, называя себя белорусом, может продолжать указывать в качестве родного языка русский. Если в советский период была распространена смена этнической идентификации белорусско-русских биэтнофоров в пользу русского этноса, то в первые два десятилетия после распада СССР Республика Беларусь стала лидером на постсоветском пространстве по смене русской идентичности на белорусскую [Манаков, Соколов, Суворков 2022, 41]. Аналогичные процессы, но в обратном направлении отмечают в настоящее время среди белорусов России. Многое в данном случае зависит от социально-политических условий.

Отсутствие четкой границы между русской и белорусской идентичностью оказывает влияние и на восприятие русского и белорусского языков как родных. Распространено мнение о том, что белорусы не считают русский язык привнесенным извне – он составляет такое же национальное достояние белорусов, как и родной язык [Гигин 2010, 71]. Русский язык много веков был основным средством коммуникации городского населения на территории современной Беларуси, служа еще и определенным маркером социального статуса, что в определенной мере характерно и для современного белорусского общества. Современный литературный белорусский язык окончательно сформировался только в XX в., и его массово стали внедрять в делопроизводство и различные сферы жизни общества в период советской политики коренизации в 1920–1930-е гг., причем сохранилось немало документов, свидетельствующих о недовольстве населения этой политикой⁶. Поэтому доминирование русского языка не вызывает напряженности, в современном белорусском обществе отсутствуют конфликты на языковой почве. Как отмечает известный белорусский филолог Н.Б. Мечковская, «за годы суверенитета в стране все шире осознается, что: 1) суверенитет

⁶ Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы (2001). Мінск: БДУ. 270 с.

не зависит от того, какой язык преобладает в Беларуси; 2) белорусская культура не сводится к текстам и коммуникации на белорусском» [Мечковская 2011, 222].

Сокращение доли жителей Беларуси в целом и белорусов по национальности, указавших белорусский язык в качестве родного, между переписями 1999 и 2009 гг. было столь резким, что, как предполагалось, при сохранении этой тенденции перепись 2019 г. могла показать уменьшение этой доли ниже 50%, а значит, была бы поставлена под сомнение даже символическая функция белорусского языка как элемента национальной идентичности. По мнению А.С. Соколова, именно с целью не допустить такой сценарий реальные результаты переписи 2019 г. были искусственно искажены в пользу белорусского языка [Соколов 2021; Соколов 2022; Манаков, Соколов, Суворков 2022]. В действительности русский язык уже является родным для большей части населения Беларуси.

Родной язык, домашний язык, владение языком

Анализируя языковую ситуацию, важно проводить четкую границу между понятиями «родной язык», «национальный (этнический) язык» и собственно навыками владения языком и его повседневного употребления. И в Беларуси, и в Хакасии наблюдается тенденция отождествлять родной и этнический язык, то есть человек указывает в качестве родного язык, которым он не владеет или который никогда не употребляет. Белорусские исследователи связывают этот факт с потребностью утвердить национальное самосознание, патриотизмом, а также неправильным пониманием термина «родной язык», влиянием агитации или информационных кампаний перед переписями населения [Соколов 2020, 74]. По мнению хакасских исследователей, причина заключается в своеобразном понимании «правильного» языкового поведения, которое не соотносится с практическими действиями [Боргоякова 2019, 344]. Этот парадокс хорошо отражают данные таблицы: как видим, в Хакасии удельный вес владеющих хакасским языком сокращается, но доля хакасов, считающих его родным языком, наоборот, увеличивается (табл. 2).

Таблица 2

Языковая ситуация в Беларуси и Хакасии

Table 2

The language situation in Belarus and Khakassia

Показатели	Республика Беларусь			Республика Хакасия		
	1999	2009	2019	2002	2010	2020
Численность титульной нации, человек	8159073	7957252	7990719	65421	63643	55144
Указали родным язык своей национальности, %	85,6	60,8	61,2	н.д.	69,9	78,4
Указали родным русский язык, %	14,3	37,0	38,1	н.д.	30,0	20,3
Разговаривают дома на языке своей национальности, %	41,3	26,1	28,5	н.д.	н.д.	н.д.
Разговаривают дома на русском языке, %	58,6	69,8	71,0	н.д.	н.д.	н.д.
Владеют языком своей национальности, %	н.д.	н.д.	н.д.	71,1	61,1	н.д.

Источник: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 17, 99, 158. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 1.); Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 4.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. С. 19, 117, 143, 213, 291.; Всероссийская перепись

населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul); Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020. С. 31, 36, 40.

Source: *National composition and language proficiency, citizenship*. M.: IRC "Statistics of Russia", 2004. P. 17, 99, 158. (Results of the All-Russian Population Census of 2002: In 14 volumes / Federal State Statistics Service. Vol. 4. Book 1.); Results of the All-Russian Population Census 2010: In 11 volumes / Federal government service statistics. M.: IRC "Statistics of Russia", 2013. T. 4.: *National composition and language proficiency, citizenship*. Book 1. pp. 19, 117, 143, 213, 291.; All-Russian Population Census 2020 // Federal State Statistics Service [Electronic resource]. Access mode: (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul) (date of access: 01/11/2023); Total population, population by age and gender, marital status, level of education, nationalities, language, sources of livelihood for the Republic of Belarus. Statistical Bulletin // National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Minsk, 2020. pp. 31, 36, 40.

В Беларуси доля тех, кто указывает в качестве родного белорусский язык, хотя и сокращается, но остается достаточно значительной (61,2% в 2019 г.). В то же время доля белорусов, считающих своим родным языком русский, наоборот, от переписи к переписи растет (с 14,3% в 1999 г. до 38,1% в 2019 г.). Увеличивается и доля тех, кто дома разговаривает на русском языке (с 58,6% в 1999 г. до 71,0% в 2019 г.).

* * *

Поскольку белорусы принадлежат к той же культурно-языковой общности (восточные славяне), что и русские, в большинстве своем они считают русских родственным народом со схожей или общей культурой или даже другой ветвью одного народа. Как часто бывает в случае близких языков, на территориях их активного взаимодействия возникают смешанные варианты языка; в данном случае это так называемая трасянка.

Хакасы относятся к тюркской культурно-языковой общности, а хакасский язык – к тюркской языковой семье, и каких-либо идиом, которые включали бы одновременно элементы русского и хакаского языков, в регионах совместного проживания русских и хакасов не образовалось. Численное меньшинство титульного этноса в республике порождает проблему этнической идентичности, в определении которой важную роль играет именно родной язык.

Сравнение языковой ситуации в Беларуси и Хакасии показало, что в условиях двуязычия национальные (этнические) языки не исчезают, но их роль меняется: во-первых, их считают средством фиксации, сохранения и передачи национального и культурного наследия народов; во-вторых, они служат маркерами этнической идентичности; в-третьих, олицетворяют духовное единство титульных наций. Однако коммуникативная функция родных языков утрачивается, в этой роли все чаще выступает русский язык. В Беларуси отношение к возрастанию значения русского языка в целом нейтральное или даже положительное, в то время как в Хакасии проблему сохранения языка титульного этноса воспринимают как очень острую, как вопрос о сохранении этноса как такового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахманова О.С. (1966) Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 680 с.
- Ahmanova O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaja enciklopedija. 680 p. (In Russ.)
- Ахунзянов Э.М. (1978) Двужычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 189 с.
- Ahunjanzanov E.M. (1978) *Dvujazychie i leksiko-semanticheskaja interferencija* [Bilingualism and lexico-semantic interference]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 189 p. (In Russ.)
- Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. (2019) Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. № 11. С. 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72
- Borgojakova T.G., Gusejnova A.V. (2019) *Dinamika jazykovogo povedenija i jazykovykh ubezhdenij v kontekste jazykovoj politiki Respubliki Hakasija* [Dynamics of Linguistic Behaviour and Linguistic Views in the Context of Language Policy in the Republic of Khakassia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. vol. 12, no. 11, pp. 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72 (In Russ.)
- Гигин В.Ф. (2010) Белорусский русский язык // Беларуская думка. № 2. С. 64–71.
- Gigin V.F. (2010) *Belorusskij russkij jazyk* [Belarusian Russian language]. *Belaruskaja dumka*. no. 2, pp. 64–71. (In Russ.)
- Горицкая О.С. (2021) Язык и границы: Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск: МГЛУ. 300 с.
- Goritskaya O.S. (2021). *Jazyk i granitsy: Leksicheskaya i grammaticheskaya spetsifika russkogo jazyka v Belarusi* [Language and boundaries: Lexical and grammatical specifics of the Russian language in Belarus]. Minsk: MGLU. 300 p. (In Russ.)
- Губогло М.Н. (1998) Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры». 816 с.
- Guboglo M.N. (1998) *Jazyki etnicheskoy mobilizatsii* [Languages of Ethnic Mobilization]. Moscow: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury". 816 p. (In Russ.)
- Демографический энциклопедический словарь (1985). М.: Советская энциклопедия. 607 с.
- Demograficheskij enciklopedicheskij slovar'* [Demographic Encyclopedic Dictionary] (1985). Moscow: Sovetskaja enciklopedija. 607 p. (In Russ.)
- Доможакова О.В., Сагалаков Ю.Г. (2022) Языковая политика в Республике Хакасия в контексте задач международного десятилетия языков коренных народов // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 3 (35). С. 13–16. DOI: 10.52782/KRIL.2022.3.35.013
- Domozhakova O.V., Sagalakov Yu.G. (2022) *Jazykovaja politika v Respublike Hakasija v kontekste zadach mezhdunarodnogo desjatiletija jazykov korennyh narodov* [Language Policy in the Republic of Khakassia in the Context of the Objectives of the International Decade of Indigenous Languages]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*. no. 3 (35), pp. 13–16. DOI: 10.52782/KRIL.2022.3.35.013
- Ибрагимов Г.Х., Зачесов К.Я. (1990) О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. № 8. С. 8–11.
- Ibragimov G.H., Zachesov K.Ja. (1990) *O ponjatii "rodnoj jazyk"* [About the Concept of "Mother Tongue"]. *Russkij jazyk v natsional'noj shkole*. no. 8, pp. 8–11. (In Russ.)
- Кызласов А.С., Шапошников Г.М. (2021) Состояние и проблемы сохранения хакасского языка // Мир науки, культуры и образования. № 2 (87). С. 546–548. DOI: 10.52782/KRIL.2022.3.35.013
- Kyzlasov A.S., Shaposhnikov G.M. (2021) *Sostojanie i problemy sohraneniya hakasskogo jazyka* [The State and Problems of Preserving the Khakass Language]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. no. 2 (87), pp. 546–548. DOI: 10.52782/KRIL.2022.3.35.013 (In Russ.)

Лавицкий А.А. (2022) Генезис языковой политики Республики Беларусь // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 1. С. 77–85. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Lavitskij A.A. (2022) Genezis jazykovej politiki Respubliki Belarus' [Genesis of the Republic of Belarus Language Policy]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. vol. 19, no. 1, pp. 77–85. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85 (In Russ.)

Литвин Ю.В., Кундозерова М.В., Липницкая С.В., Изергина Е.Н., Шевченко Я.С. (2020) Языковой выбор и идентичность карельской и белорусской молодежи (по данным опросов этнических лидеров) // Научный диалог. № 10. С. 96–113. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113

Litvin Yu.V., Kundozeroval M.V., Lipnitskaja S.V., Izergina E.N., Shevchenko Ja.S. (2020) Jazykovoj vybor i identichnost' karel'skoj i belorusskoj molodezhi (po dannym oprosov etnicheskikh liderov) [Language Choice and Identity of Karelian and Belarusian Youth (according to Polls of Ethnic Leaders)]. *Nauchnyj dialog*. no. 10, pp. 96–113. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113 (In Russ.)

Манаков А.Г., Соколов А.С., Суворков П.Э. (2022) Формирование этнической и языковой структуры населения Республики Беларусь и этнодемографический прогноз до 2069 года // Псковский регионологический журнал. Т. 18. № 1. С. 35–55. DOI: 10.37490/S221979310018073-3

Manakov A.G., Sokolov A.S., Suvorkov P.E. (2022) Formirovanie etnicheskoj i jazykovej struktury naselenija Respubliki Belarus' i etnodemograficheskij prognoz do 2069 goda [Formation of the Ethnic and Language Structure of the Population of the Republic of Belarus and Ethno-Demographic Forecast until 2069]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. vol. 18, no. 1, pp. 35–55. DOI: 10.37490/S221979310018073-3 (In Russ.)

Махмутов Р.Р., Литвак Н.В. (2020) Становление белорусской идентичности в эпоху рефлексивного модерна // Современная Европа. № 3 (96). С. 128–138. DOI: 10.15211/soveurope32020128138

Mahmutov R.R., Litvak N.V. (2020) Stanovlenie belorusskoj identichnosti v epohu refleksivnogo moderna [The Establishing of Belarusian Identity in the Age of Reflective Modernity]. *Sovremennaja Evropa*. no. 3 (96), pp. 128–138. DOI: 10.15211/soveurope32020128138 (In Russ.)

Мечковская Н.Б. (2003) Белорусский язык: социолингвистические очерки. München: Verlag Otto Sagner. 347 с.

Mechkovskaja N.B. (2003). *Belorusskij yazyk: sotsiolingvisticheskiye ocherki* [Belarusian language: sociolinguistic essays]. München: Verlag Otto Sagner. 347 p. (In Russ.)

Мечковская Н.Б. (2011) Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? // Неприкосновенный запас. № 6 (80). С. 207–224.

Mechkovskaja N.B. (2011) Pochemu v postsovetskoj Belarusi vse men'she govoryat na belorusskom jazyke? [Why is Belarusian spoken less and less in post-Soviet Belarus?]. *Neprikosnovennyj zasap*. no. 6 (80), pp. 207–224. (In Russ.)

Ореховская Н.А. (2019) Сохранение национального языка как фактор национальной безопасности в глобальном мире // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 37–46.

Orekhovskaja N.A. (2019) Sohranenie natsional'nogo jazyka kak faktor natsional'noj bezopasnosti v global'nom mire [Preservation of the National Language as a Factor of National Security in the Global World]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. no. 3, pp. 37–46. (In Russ.)

Пань Ю., Лукашанец А.А. (2021) Динамика языковой ситуации в Беларуси и белорусский язык в мире в контексте инициативы «один пояс и один путь» // Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. Т. 66. № 2. С. 188–199. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-2-188-199

Pan' Yu., Lukashanets A.A. (2021) Dinamika jazykovej situatsii v Belarusi i belorusskij yazyk v mire v kontekste initsiatyvy «odin pojas i odin put'» [Dynamics of the Language Situation in Belarus and the Belarusian Language in the World in the Context of the “One Belt and one Way” Initiative]. *Vestsi natsyjanal'naj akademii navuk Belarusi. Seryja humanitarnyh navuk*. vol. 66, no. 2, pp. 188–199. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-2-188-199 (In Russ.)

Пивнева Е.А. (2014) Пути и возможности сохранения обско-угорских языков и культур в условиях глобализации: опыт Югры // Труды Карельского научного центра РАН. № 3. С. 58–85.

Pivneva E.A. (2014) Puti vozmozhnosti sohraneniya obsko-ugorskih jazykov i kul'tur v usloviyah globalizatsii: opyt Yugry [Solutions and Opportunities for Preserving Ob-Ugric Languages and Cultures in the Context of Globalization: the Experience of Ugra]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*. no. 3, pp. 58–85. (In Russ.)

Путрова М.Д. (2021) Языковая ситуация в городском пространстве Полотчины в статике и динамике: гендерный аспект // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 2. С. 38–43.

Putrova M.D. (2021) Jazykovaja situatsija v gorodskom prostranstve Polotchiny v statike i dinamike: gendernyj aspekt [Language Situation in Urban Communicative Space of Polatsk Region in Statics and Dynamics: Gender Perspective]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija A. Gumanitarnye nauki*. no. 2, pp. 38–43. (In Russ.)

Сафьянов Л.А. (2022) О деятельности министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия в области сохранения и поддержки хакасского языка // Научное обозрение Саюно-Алтая. № 3 (35). С. 39–43. DOI: 10.52782/KRIL.2022.3.35.006

Saf'janov L.A. (2022) O dejatel'nosti ministerstva natsional'noj i territorial'noj politiki Respubliki Hakasija v oblasti sohraneniya i podderzhki hakasskogo jazyka [On the Activities of the Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia in the Field of Preservation and Support of the Khakass Language]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*. no. 3 (35), pp. 39–43. DOI: 10.52782/KRIL.2022.3.35.006 (In Russ.)

Соколов А.С. (2020) Современная языковая ситуация в Белоруссии и ее динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6. № 4. С. 66–82.

Sokolov A.S. (2020) Sovremennaja jazykovaja situatsija v Belorussii i ee dinamika v postsovetskij period [Contemporary Language Situation in Belarus and its Dynamics in the Post-Soviet Period]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. vol. 6, no. 4, pp. 66–82. (In Russ.)

Соколов А.С. (2022) Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. № 4. С. 61–103. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16744

Sokolov A.S. (2022) Otsenka dostovernosti rezul'tatov perepisi naselenija 2019 goda v Belorussii na osnove analiza izmenenij v etnolingvisticheskom sostave naselenija [Assessment of Reliability of Results of the 2019 Belarus Population Census Based on an Analysis of Changes in the Ethnolinguistic Composition of Population]. *Demograficheskoe obozrenie*. no. 4, pp. 61–103. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16744 (In Russ.)

Соколов А.С. (2021) Региональные аспекты динамики использования русского языка населением Белоруссии в 2009–2019 годах // Демографическое обозрение. № 1. С. 127–149. DOI: 10.17323/demreview.v8i1.12396

Sokolov A.S. (2021) Regional'nye aspekty dinamiki ispol'zovanija russkogo jazyka naseleniem Belorussii v 2009–2019 godah [Regional Aspects of the Dynamics of Russian Language Use by the Population of Belarus in 2009–2019]. *Demograficheskoe obozrenie*. no. 1, pp. 127–149. DOI: 10.17323/demreview.v8i1.12396 (In Russ.)

Соколов А.С. (2021) Языковая ситуация в Беларуси и тенденции ее развития // Развитие географических исследований в Беларуси в XX–XXI веках: Матер. междунар. науч.-пр. очно-заочной конф., посв. 100-летию БГУ, 60-летию кафедры физ. географии и образ. технологий, 100-летию со дня рождения проф. О.Ф. Якушко. Минск: Изд-во БГУ, С. 766–773.

Sokolov A.S. (2021) Jazykovaja situatsija v Belarusi i tendentsii ee razvitiya [Linguistic Situation in Belarus and its Development Trends]. *Razvitie geograficheskikh issledovanij v Belarusi v XX–XXI vekah: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoj konferentsii, posvjashchennoj 100-letii-*

yu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 60-letiyu kafedry fizicheskoy geografii i obrazovatel'nyh tekhnologij, 100-letiyu so dnja rozhdenija prof. O.F. Jakushko. Minsk: BGU. pp. 766–773. (In Russ.)

Суший С.Я. (2020) Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137

Sushchij S.Ja. (2020) Russkoe naselenie blizhnego zarubezh'ja: geodemograficheskaja dinamika postsovetskogo perioda [The Russian Population of the Near Abroad: Geodemographic Dynamics of the Post-Soviet Period]. *Demograficheskoe obozrenie*. vol. 7, no. 2, pp. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137 (In Russ.)

Ткачук Н.В. (2020) Роль семьи в сохранении родных языков малых народов: социологический опрос учащихся Ханты-Мансийского автономного округа – Югра // Социальная компетентность. Т. 5. № 1 (15). С. 138–149.

Tkachuk N.V. (2020) Rol' sem'i v sohranении rodnym jazykov malym narodov: sotsiologicheskij opros uchashchihsja Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – YUgra [The Role of the Family in the Preservation of Native Languages: Sociological Survey of Students of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra]. *Sotsial'naja kompetentnost'*. vol. 5, no. 1 (15), pp. 138–149. (In Russ.)

Хентшель Г., Киттель Б. (2011) Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране // Социология. № 4. С. 62–78.

Hentshel' G., Kittel' B. (2011) Jazykovaja situatsija v Belarusi: mnenie belorusov o rasprostranennosti jazykov v strane [The Language Situation in Belarus: Belarusian Opinion on the Language Population in the Country]. *Sotsiologija*. no 4, pp. 62–78. (In Russ.)

Черкесова З.В. (2019) Сохранение и развитие родных языков малочисленных народов как научная проблема (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник КБИГИ. № 4–1(43). С. 165–174. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-165-174

Cherkesova Z.V. (2019) Sohranenie i razvitie rodnym jazykov malochislennyh narodov kak nauchnaja problema (na primere Kabardino-Balkarii) [Preservation and Development of Native Languages Small Peoples as a Scientific Problem (on the Example of Kabardino-Balkaria)]. *Vestnik KBIGI*. no. 4–1(43), pp. 165–174. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-165-174 (In Russ.)

Шахнарович А.М. (1991) Родной язык: онтогенетический подход // Русский язык в СССР. № 7. С. 16–18.

Shahnarovich A.M. (1991) Rodnoj jazyk: ontogeneticheskij podhod [Mother Tongue: an Ontogenetic Approach]. *Russkij jazyk v SSSR*. no. 7, pp. 16–18. (In Russ.)

Шимов В.В. (2020) Языковой вопрос как фактор потенциальной политической нестабильности в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 1. С. 67–70.

Shimov V.V. (2020) Jazykovoj vopros kak faktor potentsial'noj politicheskoy nestabil'nosti v Belarusi [Language Problem as a Factor of Potential Political Instability in Belarus]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologija*. no. 1, pp. 67–70. (In Russ.)

Belarusizatsyja. 1920-ja gady: Dakumenty i materyjaly (2001). Minsk: BDU, 2001. 270 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Лушникова Ольга Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Адрес: 655017, Россия, Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. E-mail: oltolt@mail.ru

Соколов Александр Сергеевич, старший преподаватель кафедры экологии, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. Адрес: 246003, Беларусь, Гомель, ул. Советская, д. 104. E-mail: alsokol@tut.by

About the authors

Olga L. Lushnikova, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Research Fellow, Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Address: 655017, 23 Shchetinkin Str., Abakan, Russia. E-mail: oltolt@mail.ru

Aleksandr S. Sokolov, Senior Lecturer of the Department of Ecology, F. Skorina Gomel State University. Address: 246003, 104 Sovetskaya str., Gomel, Belarus. E-mail: alsokol@tut.by

Статья поступила в редакцию / Received: 16.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 31.05.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2023

УДК 159.9

DOI: 10.31857/S0869049923060096
EDN: MSDNVG

Оригинальная статья / Original article

Ценностные ориентации и воспринимаемая дискриминация как предикторы становления идентичности россиян¹

© В.А. ФЕДОТОВА, Е.В. ЧЕРКАСОВА

Федотова Вера Александровна, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермский филиал (Пермь, Россия), VAFedotova@hse.ru. ORCID: 0000-0003-2189-9791

Черкасова Елена Владимировна, Пермский государственный медицинский университет им. Академика Е.А. Вагнера (Пермь, Россия), CherkasovaElvI@gmail.com. ORCID: 0009-0005-0255-6402

Формирование гражданской и этнической идентичности происходит в процессе социализации под влиянием различных факторов социокультурного контекста. Цель исследования – проверить влияние двух факторов: культурного и исторического. В качестве индикатора культурного фактора выступают ценности, а исторического – воспринимаемая дискриминация. Исследование проведено с участием 1014 россиян разной территориальной принадлежности в пределах РФ, средний возраст респондентов исследуемой выборки составил 41 год. В ходе исследования были выявлены этническая и гражданская идентичность респондентов, их доминирующие ценности, а также воспринимаемая этническая и гражданская дискриминация. Установлено, что наиболее значительное влияние на этническую и гражданскую идентичность оказывает культурный фактор. Ключевым положительным регрессором является ценность «традиция». Воспринимаемая гражданская дискриминация также оказывает влияние на формирование идентичности россиян, но в меньшей степени.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, культура, ценности, воспринимаемая этническая дискриминация, воспринимаемая гражданская дискриминация, социокультурные факторы

Цитирование: Федотова В.А., Черкасова Е.В. (2023) Ценностные ориентации и воспринимаемая дискриминация как предикторы становления идентичности россиян // Общественные науки и современность. № 6. С. 119–133. DOI: 10.31857/S0869049923060096, EDN: MSDNVG.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01552 «Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: межпоколенные, гендерные и региональные различия»).

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF) grant (project No 23-28-01552 “Social and Cultural Factors of Ethnic and Civic Identity of Russians: Intergenerational, Gender and Regional Differences”).

Individual Values and Perceived Discrimination as Predictors for the Formation of Russian Identity

© V. A. FEDOTOVA, E.V. CHERKASOVA

Vera A. Fedotova, Higher School of Economics – Perm Campus (Perm, Russian Federation), VAFedotova@hse.ru. ORCID: 0000-0003-2189-9791

Elena V. Cherkasova, Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner (Perm, Russian Federation), CherkasovaElv@gmail.com. ORCID: 0009-0005-0255-6402

Abstract. The concept of identity is increasingly becoming an object of study in many social sciences. Identity plays one of the main roles in the context of growing globalization processes. The ethnic and civic identity of Russians, having become important elements of social identity, are markers of socio-economic and political changes. Scientists came to the conclusion that the formation of civil and ethnic identity occurs in the process of socialization under the influence of various factors of the sociocultural context – cultural, historical, political and economic. In the presented study, the emphasis is on checking the influence of two factors on the formation of the identity of Russians – cultural and historical. Individual values act as indicators of the cultural factor, and perceived ethnic and civic discrimination serve as indicators of the historical factor. The study was conducted with the participation of 1014 respondents. The average age of the studied sample was 41 years. The study revealed the ethnic and civic identity of Russians, their dominant values, as well as perceived ethnic and civic discrimination. It has been established that the cultural factor has the most significant impact on ethnic and civic identity, while the historical factor has a much smaller impact on these variables. At the same time, perceived civic discrimination has the least impact on the formation of ethnic and civic identity. It was also found that the key positive regressor in relation to the civil and ethnic identity of Russians is the value of “tradition”.

Keywords: ethnic identity, civic identity, culture, values, perceived ethnic discrimination, perceived civic discrimination, sociocultural factors

Citation: Fedotova V., Cherkasova E. (2023) Individual Values and Perceived Discrimination as Predictors for the Formation of the Russian Identity. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 119–133. DOI: 10.31857/S0869049923060096, EDN: MSDNVG.

Социальная интеграция в условиях гражданского общества невозможна без учета этнического и конфессионального факторов. Россия стоит перед проблемой формирования модели интеграции, учитывающей интересы всех ее народов, поэтому поиски идентичности, способной консолидировать граждан страны, актуальны не только для политиков, они также становятся и важной задачей науки. На сегодняшний день этнический фактор в России приобрел особое значение. На волне суверенизации в республиках РФ активно воспроизводили символы этнокультурной общности, создавали новые идеологии этнической солидарности и этнополитической мобилизации. Повседневная этническая идентичность граждан новой России стала значимым элементом социальной идентичности, наиболее мобильным субъективным маркером политических и социально-экономических изменений. Актуальность исследования обусловлена тем, что современная ситуация в поликультурном обществе характеризуется повышенным интересом к проблеме формирования этнической и гражданской идентичностей.

Фундаментальная основа этнической идентичности – осознание причастности к группе людей своей национальности, эмоциональное отношение к культуре своего народа [Рыжова 2017]. Этническая идентичность представляет собой продукт социализации личности и и формируется в результате усвоения языка и культуры своего народа (верования, ценности, нормы, достижения и т. д.) [Моторина и др. 2022]. Гражданская идентич-

ность определяется как результат осознания себя членом гражданской общности в процессе усвоения ценностей, норм, ролей и качеств, типичных для гражданской общности, к которой принадлежит индивид [Дьякова 2016].

В большинстве научных исследований этническую идентичность рассматривают наряду с гражданской, при этом гражданская идентичность представляет собой более сложное и комплексное понятие. Этническая и гражданская идентичности россиян, став важными элементами социальной идентичности, служат маркерами социально-экономических и политических изменений. Становление данных видов социальной идентичности проходит под влиянием ряда факторов в ходе социализации личности. Группы факторов, влияющих на гражданскую и этническую самоидентификацию, разнятся от культурных до исторических и от социальных до политических, в некоторых научных работах отмечены еще и ситуативные обстоятельства. Анализ современных исследований продемонстрировал, что на текущий момент один из наиболее перспективных подходов основан на предложении ученого Дж. Берри выделять культурные, экономические, политические и исторические факторы как основу межгрупповых отношений [Berry et al 2006]. В представленном исследовании в качестве детерминант выступают исторический и культурный факторы.

Фактор культуры носит комплексный характер и наиболее сложен для описания. Культура проявляется через ценности [Шварц и др. 2012], которые определяют отношения личности с обществом, природой, окружением. Индивидуальные ценности формируют цели, паттерны поведения, установки и убеждения. Следует отметить, что термин «ценность» сам по себе полисемантичен.

В науке предпринимались попытки исследовать роль ценностей в формировании этнической и гражданской идентичности россиян. Например, ученые из Астрахани изучили ценностную составляющую при формировании гражданской идентичности россиян на примере жителей Астраханской области. Проведенный анализ продемонстрировал, что представителям поколения X (родились примерно с 1965 по 1980 г.) более близки демократические и либеральные ценности. 76,1% астраханцев поколения X считают себя патриотами, гордятся своим Отечеством и своим народом, уважительно относятся к культуре страны и ее историческому прошлому. В качестве критериев патриотизма опрошенные респонденты отмечали любовь к Родине, защиту от любого рода обвинений и нападок, стремление к изменению положения дел в России с целью обеспечить развитие страны [Дьякова 2016].

В.Н. Галяпина провела исследование взаимосвязи ценностей и идентичностей у представителей постсоветского и советского поколений россиян из Краснодарского края. Результаты продемонстрировали, что этническая идентичность наиболее значима для представителей советского поколения, а гражданская идентичность – для постсоветского поколения. Выявлено, что у представителей постсоветского поколения установка мультикультурной идеологии обусловлена ценностями «открытости изменениям», «самопреодоления» и «сохранения», а у россиян советского поколения данная установка повышается при значимости ценностей «самопреодоления» [Галяпина 2021].

Ученые из ДНР установили, что на формирование позитивной гражданской идентичности оказывают влияние наличие целей в жизни, осмысленность жизни, готовность принимать ответственность за свои действия. Смысложизненные ориентации влияют на формирование позитивной гражданской идентичности, однако не оказывают влияния на становление позитивной этнической идентичности [Трофимова 2017].

Целью исследования ученых из Ярославского государственного педагогического университета стал политологический анализ социокультурных факторов формирования гражданской идентичности представителей молодого поколения россиян. Авторы отмечают, что предикторами становления гражданской идентичности выступают образование,

семья, общественные институты, молодежная политика, которые направлены на сохранение культуры, традиций и исторической памяти [Бугайчук 2022]. Таким образом, культурный фактор, выраженный в ценностных ориентациях личности, может выступать предиктором становления идентичности личности.

В настоящей работе помимо культурного фактора обозначен еще и исторический, который представляет собой отражение истории взаимодействия групп в конкретном сообществе [Дробовцева, Котова 2016]. В истории России, к примеру, были периоды, когда возвышались одни этносы и подавлялись другие. Как отмечают ученые, в настоящее время показателем или критерием такого отношения можно обозначить воспринимаемую дискриминацию. Это чувство личность может испытывать из-за событий прошлого, однако важно, что переживание существует и в настоящем времени [Дробовцева, Котова 2016]. Другие ученые отмечают, что к историческим факторам относят исторические события, влияющие на отношения между определенными народами или выступающие символами в условиях межэтнических отношений, а также специфика развития народа с точки зрения политики и общества [Гаглоева 2020].

Этнический и гражданский виды дискриминации выступали предметом исследования в ряде научных работ [Бетильмерзаева 2022; Дробовцева, Котова 2016; Левин, Шилова 2012; Лепиокова, Лебедева 2016; Макарова 2017].

В одном из исследований установлено, что воспринимаемая гражданская дискриминация как элемент исторического фактора усиливает взаимосвязь между этнической и гражданской идентичностью [Дробовцева, Котова 2016]. В другой научной работе рассмотрена взаимосвязь восприятия русскими дискриминации и процессов аккультурации. В выборку вошли россияне, проживающие на Северном Кавказе. Установлено, что воспринимаемая дискриминация со стороны доминирующего населения положительно связана с несовместимостью русской (этнической) и кавказской (региональной) идентичностей. Сделан вывод о том, что связь воспринимаемой дискриминации и стратегии ассимиляции не определяется несовместимостью этнического и регионального видов идентичности [Лепиокова, Лебедева 2016]. Как утверждают ученые, этническая дискриминация может способствовать росту этнической идентичности, а также выступать мотивирующим фактором для социальных изменений. Кроме того, этническая дискриминация может влиять на сплоченность представителей этнической общности и определять их стремление искать поддержку друг у друга [Arat, Bilgili 2021].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что сегодня наблюдается повышенный интерес к проблеме формирования этнической и гражданской идентичности. Цель представленной работы заключается в эмпирической проверке влияния индивидуальных ценностей (культурного фактора) и воспринимаемой гражданской и этнической дискриминации (исторического фактора) на формирование этнической и гражданской идентичности россиян.

Методика исследования

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики:

1) этническая идентичность измерялась с помощью адаптированной обновленной методики Дж. Финни MEIM-R [Phinney, Ong 2007]. Опросник содержит 12 утверждений. Средний балл по всем вопросам служит общим показателем выраженности этнической идентичности. Методика содержит две шкалы: когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности. Показатели согласованности шкал, Cronbach's Alpha – 0,76 и 0,83;

2) гражданская идентичность измерялась с помощью методики из International Social Survey Programme, адаптированной для русскоязычной аудитории Л.К. Григорян [Григорян 2013]. Методика включает шкалы патриотизма и национализма;

3) для измерения культурного фактора был использован обновленный опросник структуры ценностей (PVQ-R) Ш. Шварца [Шварц и др 2012]. Методика содержит 57 вопросов, позволяющих оценить степень выраженности 19 ценностей. Ценности респондентов выводятся из имплицитных ценностей людей, которых они считают похожими на себя;

4) исторический фактор, а именно воспринимаемая гражданская и этническая дискриминация, установлен с помощью методики Н.М. Лебедевой [Лебедева 1997]. Было взято по несколько утверждений относительно каждого из видов дискриминации. Например, для воспринимаемой гражданской идентичности – «Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к русским».

Исследование проведено с участием 1014 респондентов, среди которых было 527 респондентов женского пола и 487 респондентов мужского пола. Средний возраст исследуемой выборки составил $41,4 \pm 13,1$ года (минимум – 19 лет; 25 перцентиль – 31 год; медиана – 39 лет; 75 перцентиль – 55 лет; максимум – 83 года).

Сбор эмпирических данных проводился в ходе анонимного онлайн-опроса на платформе anketolog.ru в период с февраля по май 2023 г., часть данных собрали сотрудники маркетингового агентства «Русопрос» в рамках договора об оказании услуг в мае-июне 2023 г.; жители Перми и Пермского края проходили опрос в Google Формах и на платформе Simpoll.ru. В последнем случае в распространении опросников оказали содействие Министерство здравоохранения Пермского края, информационные порталы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Большинство респондентов имеют высшее образование, закончили аспирантуру или же имеют ученую степень (65,3%). Самая малочисленная категория респондентов имеет неполное среднее образование или не имеют его (0,5%). Большинство респондентов отметили, что работают (78,7%). Также 8,2% респондентов совмещают учебу и работу, а еще 1,1% отмечают, что совмещают учебу и подработку. Наиболее многочисленными оказались респонденты из Нижнего Новгорода (19,2%). Несколько меньше респондентов проживают в Санкт-Петербурге (16,8%), Ростове-на-Дону (14,2%), а также в Ленинградской (13,2%) и Московской областях (12,9%). Меньше всех оказалась категория респондентов, проживающих в Москве (8,8%), Перми (7,9%) и Пермском крае (7,0%, в том числе в сельской местности – 3,8%).

Статистический анализ выполнен в программе SPSS 26. Соответствие распределения количественных переменных нормальному закону оценивалось с использованием W-критерия Шапиро–Уилка. Для оценки зависимости количественной переменной от одного или нескольких факторов, а также для сравнительной оценки их влияния, выполнен однофакторный и многофакторный линейный регрессионный анализ. Информативность модели представлена в виде скорректированного коэффициента детерминации. Количественные переменные в таблицах сравнительного анализа представлены в виде медианы (median) и межквартильного интервала (IQR – interquartile range). Различия между двумя группами оценивались с использованием U-критерия Манна–Уитни. Пороговый уровень статистической значимости принят для $p < 0,05$.

Результаты исследования

Обратимся к данным, полученным в первом блоке опросника и отражающим выраженность этнической и гражданской идентичности россиян. Результаты выраженности этнической идентичности получены при обработке данных опросника Дж. Финни

MEIM-R [Phinney, Ong 2007]. В таблице 1 представлена описательная статистика результатов.

Таблица 1

Выраженность этнической идентичности россиян

Table 1

Expressiveness of ethnic identity among Russians

Показатель	Mean±SD	Median (IQR)	Min; Max
Когнитивный компонент	2,62±0,81	2,5 (2 – 3)	1; 4
Аффективный компонент	3,17±0,72	3 (3 – 4)	1; 4
Этническая идентичность	2,9±0,66	3 (2,5 – 3,3)	1; 4

Этническая идентичность опрошенных россиян выше среднего уровня ($M=2,9$, $SD=0,66$), при этом аффективный компонент выражен в большей степени, чем когнитивный. Полученные результаты говорят о том, что респонденты хорошо знают свое этническое происхождение, осознают, что именно оно значит для них и рады принадлежать к своей этнической группе. При этом в меньшей степени они задумываются о том, как этническая принадлежность повлияет на их жизнь, и не проявляют явного стремления узнать еще больше о своей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях.

Результаты анкетирования по вопросам, определяющим гражданскую идентичность, полученные при обработке данных методики из International Social Survey Programme, адаптированной Л.К. Григорян к русскому языку [Григорян 2013], представлены в таблице 2.

Таблица 2

Выраженность гражданской идентичности россиян

Table 2

Expressiveness of civic identity of Russians

Показатель	Mean±SD	Median (IQR)	Min; Max
Просим Вас оценить степень Вашего согласия со следующими утверждениями			
Говоря в целом, Россия лучше большинства других стран	3,83±1,2	4 (3 – 5)	1; 5
Когда моя страна хорошо выступает на международных спортивных соревнованиях, это заставляет меня испытывать чувство гордости за то, что я россиянин	4,24±1,01	5 (4 – 5)	1; 5
Просим Вас оценить, насколько Вы гордитесь своей страной по следующим параметрам			
Политическое влияние на мировое сообщество	2,93±0,96	3 (2 – 4)	1; 4
Российские экономические успехи	2,8±0,98	3 (2 – 4)	1; 5
Система социального обеспечения	2,64±0,94	3 (2 – 3)	1; 4
Научные и технические достижения	3,25±0,84	3 (3 – 4)	1; 5
Достижения в спорте	3,36±0,8	4 (3 – 4)	1; 5
Достижения в области искусства и литературы	3,52±0,73	4 (3 – 4)	1; 5
Российские вооруженные силы	3,14±1	3 (3 – 4)	1; 4
История	3,5±0,72	4 (3 – 4)	1; 4
Честное и равноправное отношение ко всем слоям общества	2,71±1,04	3 (2 – 4)	1; 4
Национализм	4,03±0,99	4,5 (3,5 – 5)	1; 5
Патриотизм	3,09±0,7	3,2 (2,7 – 3,7)	1; 4
Гражданская идентичность	3,56±0,78	3,8 (3 – 4,2)	1; 4,5

Гражданская идентичность как осознание принадлежности к гражданам своей страны чуть более выражена, чем этническая идентичность. Значение по шкале национализма ($M=4,03$, $SD=0,99$) немного выше, чем по шкале патриотизма ($M=3,09$, $SD=0,7$). Опрошенные респонденты считают, что Россия в целом лучше большинства других стран. Они испытывают чувство гордости, когда страна хорошо выступает на международных спортивных соревнованиях. В большей степени опрошенные россияне гордятся достижениями в спорте, научными и техническими успехами, достижениями в области искусства и литературы своей страны, а также историей.

В таблице 3 представлены ответы респондентов на вопросы, определяющие совокупность ценностей и отражающие культурный фактор. Результаты получены при обработке данных опросника (PVQ-R) [Шварц и др 2012].

Таблица 3

Индивидуальные ценности россиян

Table 3

Individual values of Russians

Ценности	Mean±SD	Median (IQR)	Min; Max
Самостоятельность: поступки	4,87±0,93	5 (4 – 6)	1; 6
Безопасность: общественная	4,89±0,88	5 (4 – 5)	1; 6
Гедонизм	4,78±0,88	5 (4 – 5)	1; 6
Конформизм: межличностный	4,53±1,02	5 (4 – 5)	1; 6
Универсализм: забота о других	4,45±1,02	4 (4 – 5)	1; 6
Власть: доминирование	3,67±1,27	4 (3 – 5)	1; 6
Скромность	4,58±1,06	5 (4 – 5)	1; 6
Универсализм: забота о природе	4,8±0,96	5 (4 – 5)	1; 6
Скромность	4,8±0,89	5 (4 – 5)	1; 6
Универсализм: забота о природе	4,44±0,99	4 (4 – 5)	1; 6
Репутация	5,06±0,84	5 (5 – 6)	1; 6
Власть: ресурсы	4,81±0,9	5 (4 – 5)	1; 6
Безопасность: личная	4,88±0,91	5 (4 – 5)	1; 6
Универсализм: толерантность	4,66±0,97	5 (4 – 5)	1; 6
Конформизм: правила	4,42±0,98	4 (4 – 5)	1; 6
Самостоятельность: мысли	5,03±0,8	5 (5 – 6)	1; 6
Достижение	4,37±1,11	4 (4 – 5)	1; 6
Традиция	4,64±1,08	5 (4 – 5)	1; 6
Благожелательность: чувство долга	4,93±0,81	5 (4 – 5)	1; 6
Культурный фактор	4,66±0,58	4,6 (4,3 – 5,1)	2,2; 6

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у опрошенных россиян доминируют ценности: «самостоятельность: мысли», «репутация», «благожелательность: чувство долга», «безопасность: личная», «безопасность: общественная» и «самостоятельность: поступки». Соответственно россиянам важно самостоятельно принимать решения, касающиеся их жизни, расширять свой кругозор. Они испытывают потребность сохранять лицо в глазах других и стремиться к тому, чтобы люди, которых они хорошо знают, были полностью в них уверены. Для респондентов очень важно стараться не болеть, а также беречь свое здоровье и быть уверенными в том, что страна может защитить их от любых угроз.

Исторический фактор, а именно воспринимаемая гражданская и этническая дискриминация, установлены с помощью методики Н.М. Лебедевой [Лебедева 1997]. Обобщенные

результаты ответов респондентов на вопросы, касающиеся исторического фактора и определяющие его, представлены в таблице 4.

Таблица 4

Воспринимаемая этническая и гражданская дискриминация россиян

Table 4

Perceived ethnic and civic discrimination of Russians

Показатель	Mean±SD	Median (IQR)	Min; Max
Воспринимаемая гражданская дискриминация	2,66±0,99	2,7 (2 – 3,3)	1; 5
Воспринимаемая этническая дискриминация	1,59±0,92	1 (1 – 2)	1; 5
Исторический фактор	2,13±0,8	2 (1,5 – 2,5)	1; 5

Полученные результаты свидетельствуют о том, что воспринимаемая гражданская и этническая дискриминация находится на сравнительно низком уровне – $M=2,66$, $SD=0,99$ и $M=1,59$, $SD=0,92$ соответственно. Другими словами, опрошенные респонденты редко оказывались в ситуациях, когда их оскорбляли или нападали на них из-за их принадлежности к этнической группе, однако ощущают на себе, что люди других национальностей ведут себя несправедливо или недоброжелательно по отношению к ним, а также полагают, что представители других национальностей настроены против россиян.

С целью выявить влияние индивидуальных ценностей (культурный фактор), а также воспринимаемой этнической и гражданской дискриминации (исторический фактор) россиян на формирование их идентичности был проведен регрессионный анализ. Результаты однофакторного регрессионного анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5

**Влияние факторов и их компонентов на этническую и гражданскую идентичность:
 результаты однофакторного регрессионного анализа**

Table 5

**Influence of factors and their components on ethnic and civic identity:
 results of one-factor regression analysis**

Регрессор	Этническая идентичность	Гражданская идентичность
Воспринимаемая гражданская дискриминация	$B=0,051\pm0,021$ $p=0,017$	$B=0,09\pm0,025$ $p<0,001$
Воспринимаемая этническая дискриминация	$B=0,034\pm0,023$ $p=0,13$	$B=0,034\pm0,027$ $p=0,202$
Исторический фактор	$B=0,061\pm0,026$ $p=0,019$	$B=0,09\pm0,03$ $p=0,003$
Культурный фактор	$B=0,4\pm0,034$ $p<0,001$	$B=0,677\pm0,036$ $p<0,001$

Установлено, что все показатели, кроме воспринимаемой этнической дискриминации, оказывают положительное влияние на уровень этнической и гражданской идентичности. Воспринимаемая этническая дискриминация в свою очередь показала статистически незначимое влияние на оба фактора ($p>0,05$ в обоих случаях). Наиболее значительное влияние на этническую и гражданскую идентичность оказал культурный фактор ($B=0,4\pm0,034$ и $B=0,677\pm0,036$ соответственно). Исторический фактор значительно меньше влияет на данные переменные ($B=0,061\pm0,026$ и $B=0,09\pm0,03$ соответственно). Минимальное из

данных переменных влияние на значения этнической и гражданской идентичности оказывает воспринимаемая гражданская дискриминация ($B=0,051\pm0,021$ и $B=0,09\pm0,025$ соответственно).

Оценка влияния совокупности ценностей, составляющих культурный фактор, на показатели этнической и гражданской идентичности, представлена в таблице 6.

Таблица 6

Влияние компонентов культурного фактора на этническую и гражданскую идентичность: результаты однофакторного регрессионного анализа

Table 6

Influence of the culture factor on ethnic and civic identity: results of one-factor regression analysis

Регрессор	Этническая идентичность	Гражданская идентичность
Самостоятельность: поступки	$B=0,144\pm0,022$ $p<0,001$	$B=0,238\pm0,025$ $p<0,001$
Безопасность: общественная	$B=0,178\pm0,023$ $p<0,001$	$B=0,309\pm0,026$ $p<0,001$
Гедонизм	$B=0,057\pm0,024$ $p=0,017$	$B=0,15\pm0,028$ $p<0,001$
Конформизм: межличностный	$B=0,156\pm0,02$ $p<0,001$	$B=0,207\pm0,023$ $p<0,001$
Универсализм: забота о других	$B=0,179\pm0,02$ $p<0,001$	$B=0,309\pm0,022$ $p<0,001$
Власть: доминирование	$B=0,062\pm0,016$ $p<0,001$	$B=0,175\pm0,019$ $p<0,001$
Скромность	$B=0,136\pm0,019$ $p<0,001$	$B=0,3\pm0,021$ $p<0,001$
Универсализм: забота о природе	$B=0,181\pm0,021$ $p<0,001$	$B=0,248\pm0,024$ $p<0,001$
Скромность	$B=0,175\pm0,023$ $p<0,001$	$B=0,234\pm0,027$ $p<0,001$
Универсализм: забота о природе	$B=0,078\pm0,021$ $p<0,001$	$B=0,181\pm0,024$ $p<0,001$
Репутация	$B=0,166\pm0,024$ $p<0,001$	$B=0,338\pm0,027$ $p<0,001$
Власть: ресурсы	$B=0,077\pm0,023$ $p=0,001$	$B=0,157\pm0,027$ $p<0,001$
Безопасность: личная	$B=0,174\pm0,022$ $p<0,001$	$B=0,26\pm0,026$ $p<0,001$
Универсализм: толерантность	$B=0,147\pm0,021$ $p<0,001$	$B=0,226\pm0,024$ $p<0,001$
Конформизм: правила	$B=0,18\pm0,021$ $p<0,001$	$B=0,265\pm0,024$ $p<0,001$
Самостоятельность: мысли	$B=0,166\pm0,026$ $p<0,001$	$B=0,209\pm0,03$ $p<0,001$
Достижение	$B=0,086\pm0,019$ $p<0,001$	$B=0,163\pm0,022$ $p<0,001$
Традиция	$B=0,242\pm0,018$ $p<0,001$	$B=0,381\pm0,019$ $p<0,001$
Благожелательность: чувство долга	$B=0,239\pm0,025$ $p<0,001$	$B=0,337\pm0,028$ $p<0,001$

По всем категориям ценностей наблюдается статистически значимое влияние на этническую и гражданскую идентичности ($p < 0,05$ во всех случаях). При этом коэффициенты регрессии несколько выше при оценке влияния на гражданскую идентичность, нежели на этническую идентичность. Это косвенно свидетельствует о том, что различные категории ценностей и культурный фактор в совокупности оказывают большее влияние на гражданскую, чем на этническую идентичность. Данные выводы также подтверждают результаты регрессионного анализа влияния культурного фактора на зависимые переменные (см. табл. 5).

Наиболее выраженное влияние на гражданскую идентичность оказали ценности общественной безопасности, скромности, универсализма (забота о других), репутации, традиции и благожелательности (чувство долга). На этническую идентичность в свою очередь наиболее выраженное влияние оказали ценности: «традиция» и «благожелательность: чувство долга». Таким образом, эти ценности оказывают наиболее выраженное положительное влияние как на этническую, так и на гражданскую идентичность россиян.

Напротив, наименее значительное влияние на зависимые переменные оказывают ценности гедонизма, власти, универсализма (забота о природе) и личной безопасности. Ценностная ориентация «скромность» оказывает незначительное положительное влияние на этническую идентичность ($B = 0,136 \pm 0,019$) и выраженное влияние на гражданскую идентичность ($B = 0,3 \pm 0,021$). Остальные ценности показывают умеренное и сопоставимое положительное влияние на этническую и гражданскую идентичности.

Для определения полной структуры зависимости этнической и гражданской идентичности от различных совокупностей ценностей, а также для выявления ключевых категорий, оказывающих первоочередное влияние на данные переменные, выполнено многофакторное линейное регрессионное моделирование с пошаговым отбором на основании t -статистики. Информативность моделей представлена в виде скорректированного коэффициента детерминации. Итоговые результаты многофакторного регрессионного моделирования влияния компонентов культурного фактора на показатель этнической идентичности представлены в таблице 7.

Таблица 7

**Влияние компонентов культурного фактора на этническую идентичность:
результаты многофакторного регрессионного анализа**

Table 7

**Influence of the culture factor components on ethnic identity:
results of multi-factor regression analysis**

Регрессор	Коэффициент регрессии	Значимость	VIF
Константа	$B = 1,118 \pm 0,151$	$< 0,001$	–
Гедонизм	$B = -0,082 \pm 0,024$	0,001	1,262
Конформизм: межличностный	$B = 0,058 \pm 0,022$	0,008	1,384
Универсализм: забота о других	$B = 0,045 \pm 0,022$	0,044	1,483
Скромность	$B = 0,061 \pm 0,024$	0,013	1,337
Безопасность: личная	$B = 0,051 \pm 0,024$	0,036	1,407
Традиция	$B = 0,171 \pm 0,02$	$< 0,001$	1,367
Благожелательность: чувство долга	$B = 0,076 \pm 0,029$	0,009	1,569

Примечание: В – коэффициент регрессии; VIF – фактор инфляции дисперсии. Adjusted $R^2 = 0,198$. $F = 36,669$. $p < 0,001$

Note: B – regression coefficient; VIF – inflation dispersion factor.

Финальная регрессионная модель статистически значима ($p < 0,001$), объясняет 19,8% дисперсии зависимой переменной и не содержит мультиколлинеарных предикторов ($VIF < 2$ во всех случаях). Установлено, что наиболее значительное влияние на результаты этнической идентичности оказывает ценность «традиция» ($B = 0,171 \pm 0,02$). Несколько меньшее влияние – ценность «благожелательность: чувство долга» ($B = 0,076 \pm 0,029$). «Гедонизм» – единственная ценность, которая в результате многофакторного моделирования показала отрицательное влияние на значения зависимой переменной ($B = -0,082 \pm 0,024$). Другие указанные выше ценности оказывают менее выраженное положительное влияние. Остальные факторы были исключены при пошаговом отборе предикторов как незначимые. Таким образом, ключевым положительным регрессором в отношении этнической идентичности выступает ценность «традиция». Полученные результаты свидетельствуют о том, что для респондентов с высоким уровнем этнической самоидентификации, которые хорошо знают свое этническое происхождение и рады принадлежать к своей этнической группе, важно поддерживать традиционные ценности и взгляды на мир, следовать семейным или религиозным обычаям, а также чтить традиции культуры. Ценность «традиция» оказывает положительное влияние на формирование этнической идентичности россиян.

Результаты оценки влияния компонентов культурного фактора на значения показателя гражданской идентичности представлены в таблице 8.

Таблица 8

**Влияние компонентов культурного фактора на гражданскую идентичность:
результаты многофакторного регрессионного анализа**

Table 8

Influence of culture factor components on civic identity: results of multi-factor regression analysis

Регрессор	Коэффициент регрессии	Значимость	VIF
Константа	$B = 0,765 \pm 0,16$	$< 0,001$	–
Безопасность: общественная	$B = 0,061 \pm 0,027$	0,026	1,49
Универсализм: забота о других	$B = 0,083 \pm 0,025$	0,001	1,676
Скромность	$B = 0,115 \pm 0,023$	$< 0,001$	1,567
Репутация	$B = 0,07 \pm 0,03$	0,022	1,72
Самостоятельность: мысли	$B = -0,104 \pm 0,029$	$< 0,001$	1,45
Достижение	$B = 0,063 \pm 0,02$	0,001	1,22
Традиция	$B = 0,258 \pm 0,022$	$< 0,001$	1,434
Благожелательность: чувство долга	$B = 0,062 \pm 0,031$	0,046	1,655

Примечание: N – номер вопроса; B – коэффициент регрессии; VIF – фактор инфляции дисперсии. Adjusted $R^2 = 0,362$. $F = 72,763$. $p < 0,001$

Note: N – question number; B – regression coefficient; VIF – inflation dispersion factor. Adjusted $R^2 = 0,362$. $F = 72,763$. $p < 0,001$

Итоговая многофакторная регрессионная модель является статистически значимой ($p < 0,001$), объясняет 36,2% зависимой переменной и не содержит мультиколлинеарных предикторов ($VIF < 2$ во всех случаях). Все ценностные ориентации, кроме ценности «самостоятельность: мысли», показали статистически значимое положительное влияние на значения зависимой переменной. Наибольшее положительное влияние оказывает ценность «традиция» ($B = 0,258 \pm 0,022$). Значительно меньше влияние ценности «скромность» ($B = 0,115 \pm 0,023$). Остальные регрессоры («безопасность: общественная», «универсализм: забота о других», «репутация», «достижение», «благожелательность: чувство долга») ока-

зывают минимальное влияние на гражданскую идентичность. Таким образом, ценности безопасности, благожелательности, универсализма повышают уровень гражданской идентичности россиян и ключевым положительным регрессором в отношении гражданской идентичности является ценность традиции.

* * *

Проблема этнической и гражданской идентичности в современном мире крайне актуальна. Становление гражданской и этнической идентичностей как видов социальной идентичности происходит под влиянием ряда факторов в ходе социализации личности. Социокультурные факторы, влияющие на формирование идентичности личности, определяет этнокультурная система. Одним из перспективных подходов в данной области представляется предложенный Дж. Берри – выделять культурные, экономические, политические и исторические факторы как основу межгрупповых отношений. В настоящей статье в качестве детерминант становления идентичности выступили исторический и культурный факторы. Культура проявляет себя через ценности, поэтому в качестве индикатора культурного фактора рассматривались индивидуальные ценности россиян, в качестве критерия исторического фактора – воспринимаемые этнический и гражданский виды дискриминации.

В ходе научного исследования установлено, что гражданская идентичность россиян как осознание принадлежности к гражданам своей страны более выражена, чем этническая идентичность. Национализм проявился сильнее, чем идеология патриотизма. Полученные данные свидетельствуют о том, что опрошенные россияне считают, что Россия в целом лучше большинства других стран, они гордятся достижениями в спорте, научными и техническими успехами, достижениями в области искусства и литературы нашей страны, а также ее историей.

Что касается этнической идентичности и ее компонентов, то аффективный компонент выражен в большей степени, чем когнитивный. Респонденты хорошо знают свое этническое происхождение и рады принадлежать к своей этнической группе, однако мало задумываются о том, как их этническая принадлежность повлияет на дальнейшую жизнь и не стремятся расширить знания относительно своей этнической группы, а именно о ее истории, традициях и обычаях.

У опрошенных респондентов преобладают ценности самостоятельности, безопасности, репутации и благожелательности. Что касается воспринимаемой гражданской и этнической дискриминации (исторический фактор), то их значения находятся на достаточно низком уровне, соответственно, опрошенные россияне не ощущают неприязнь или негативные чувства из-за их этнического происхождения. В то же время они полагают, что люди других национальностей могут вести себя несправедливо или недоброжелательно по отношению к русским.

На последнем этапе исследования было установлено, что все показатели, кроме воспринимаемой этнической дискриминации, оказывают положительное влияние на уровень этнической и гражданской идентичности. Наиболее значительное влияние на этническую и гражданскую идентичность оказал культурный фактор, в то время как исторический фактор оказывает значительно меньшее влияние на данные переменные. Минимальное из данных переменных влияние на формирование этнической и гражданской идентичности оказывает воспринимаемая гражданская дискриминация.

Отношение к своей этнической и гражданской принадлежности выступает важным компонентом сознания личности, от которого в значительной степени зависит деятель-

ность, общение, поведение и взаимодействие как конкретных людей, так и социальных общностей. Полученные результаты вносят вклад в изучение формирования идентичности россиян и расширяют знания относительно роли социокультурных факторов в данном процессе. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при подготовке рекомендаций по формированию национальной и миграционной политики Российской Федерации. Используемая методология может быть применена в дальнейшем для исследования идентичности россиян и в других регионах нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бетильмерзаева М.М. (2022) Этническая идентичность как фактор формирования гражданской идентичности // Общество: философия, история, культура. Т. 100. № 8. С. 193–197.

Betil'merzaeva M.M. (2022) Etnicheskaja Identichnost' kak faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti [Ethnic Identity as a Factor in the Formation of Civic Identity]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. vol. 100, no. 8, pp. 193–197. (In Russ.)

Бугайчук Т.В. (2022) Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // Мир русскоговорящих стран. Т. 11. № 1. С. 5–22.

Bugajchuk T.V. (2022) Politologicheskij aspekt stanovlenija grazhdanskoj identichnosti i osobennosti sociokul'turnoj transformacii v sovremennoj Rossii [Political Aspect of the Formation of Civic Identity and Features of Socio-Cultural Transformation in Modern Russia]. *Mir russkogovorjashhih stran*. vol. 11, no. 1, pp. 5–22. (In Russ.)

Гаглоева А.Б. (2020) Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы современного педагогического образования. № 66. С. 348–351.

Gagloeva A.B. (2020) Faktory formirovaniya grazhdanskoj i jetnicheskoj identichnostej [Factors in the Formation of Civil and Ethnic Identities]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. no. 66, pp. 348–351. (In Russ.)

Галяпина В.Н. (2021) Взаимосвязь ценностей, идентичности и установки на поддержание мультикультурной идеологии у русских в Краснодарском крае: межпоколенный анализ // Психологические исследования. Т. 14. № 78. С. 1–21.

Galjapina V.N. (2021) Vzaimosvjaz' cennostej, identichnosti i ustanovki na podderzhanie mul'tikul'turnoj ideologii u russkih v Krasnodarskom krae: mezhpokolennyj analiz [The Relationship between Values, Identity and Attitude towards Multicultural Ideology among Russians in the Krasnodar Territory: An Intergenerational Analysis]. *Psihologicheskie Issledovanija*. vol. 14, no. 78, pp. 1–21. (In Russ.)

Григорян Л.К. (2013) Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. № 3. С. 22–31.

Grigorjan L.K. (2013) Patriotizm i nacionalizm v Rossii: mehanizmy vlijaniya na jekonomicheskiju samostojatel'nost' [Patriotism and Nationalism in Russia: An Analysis of Economic Independence]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. no. 3, pp. 22–31. (In Russ.)

Дробовцева М.В., Котова М.В. (2016) Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста // Психологические исследования. Т. 9. № 47. С. 1–27.

Drobovceva M.V., Kotova M.V. (2016) Vzaimosvjaz' grazhdanskoj i jetnicheskoj identichnosti rossijan: faktory sociokul'turnogo konteksta [Interrelationship between the Civil and Ethnic Identity of Russians: Factors of the Socio-Cultural Context]. *Psihologicheskie Issledovanija*. vol. 9, no. 47, pp. 1–27. (In Russ.)

Дьякова В.В. (2016) Гражданская идентичность современного российского поколения X (на примере Астраханской области) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Т. 37. № 3. С. 28–31.

D'jakova V.V. (2016) Grazhdanskaja identichnost' sovremennogo rossijskogo pokolenija X (na primere Astrahanskoy Oblasti) [Civic Identity of the Modern Russian Generation X (On the Example of the Astrakhan Region)]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo Gosudarstvennogo universiteta*. vol. 37, no. 3, pp. 28–31. (In Russ.)

Лебедева Н.М. (1997) Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Lebedeva N.M. (1997) *Novaja Russkaja diaspora. Social'no-psihologicheskij analiz* [New Russian Diaspora. Socio-psychological Analysis]. Moscow: Institut Etnologii I Antropologii Im. N.N. Mikluho-Maklaja. (In Russ.)

Левин М., Шилова Н. (2012) Дискриминация по этническому признаку как следствие ксенофобии: основные направления исследования // *Экономическая политика*. № 6. С. 171–179.

Levin M., Shilova N. (2012) Diskriminacija po jetnicheskomu priznaku kak sledstvie ksenofobii: osnovnye napravlenija issledovanija [Ethnic Discrimination as a Consequence of Xenophobia: Main Research Directions]. *Ekonomicheskaya Politika*. no. 6, pp. 171–179. (In Russ.)

Лепшокова З.Х., Лебедева Н.М. (2016) Воспринимаемая дискриминация и аккультурация русских на Северном Кавказе (несовместимость этнической и региональной идентичностей) // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 125–138.

Lepshokova Z.H., Lebedeva N.M. (2016) Vosprinimaemaja diskriminacija i akkul'turacija russkih na Severnom Kavkaze (nesovmestimost' jetnicheskoi i regional'noj identichnostej) [Perceived Discrimination and Acculturation of Russians in the North Caucasus (Incompatibility of Ethnic and Regional Identities)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 125–138. (In Russ.)

Макарова Е.Ю. (2017) Исследование взаимосвязи возрастной и этнической дискриминации // *Научно-практические исследования*. № 9. С. 82–83.

Makarova E.Ju. (2017) Issledovanie vzaimosvyazi vozrastnoj i jetnicheskoi diskriminacii [Study of the Relationship between Age and Ethnic Discrimination]. *Nauchno-prakticheskie issledovanija*. no. 9, pp. 82–83. (In Russ.)

Моторина П.А., Джембек Ю.И., Ефремова А.В., Басалаева Н.В. (2022) Факторы и механизмы формирования этнической идентичности // *Перспективы науки*. № 10. С. 273–275.

Motorina P.A., Dzhebek Ju.I., Efremova A.V., Basalaeva N.V. (2022) Faktory i mehanizmy formirovaniya jetnicheskoi identichnosti [Factors and Mechanisms of Formation of Ethnic Identity]. *Perspektivy Nauki*. no. 10, pp. 273–275. (In Russ.)

Рыжова С.В. (2017) Содержание и динамика этнической идентичности в России // В: *Этническое и религиозное многообразие*. Ред.: Тишков В.А., Степанов В.В. М.: ИЭА РАН. С. 119–135.

Ryzhova S.V. (2017) Soderzhanie i dinamika etnicheskoi identichnosti v Rossii [The Content and Dynamics of Ethnicity in Russia]. In: *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie*. Ed(s): Tishkov V.A., Stepanov V.V. Moscow: IEA RAN. Pp. 119–135. (In Russ.)

Трофимова В.С. (2017) Исследование взаимосвязи развития позитивной этнической и гражданской идентичности и системы смысложизненных ориентаций студентов ДНР // *Гуманитарный Вестник (Горловка)*. № 5. С. 167–171.

Trofimova V.S. (2017) Issledovanie vzaimosvyazi razvitiya pozitivnoi etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti i sistemy smyslozhiznennykh orientacij studentov DNR [Study of the Relationship between the Development of Positive Ethnic and Civil Identity and the System of Meaningful Life Orientations of DPR Students]. *Gumanitarnyj vestnik (Gorlovka)*. no. 5, pp. 167–171. (In Russ.)

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С. (2012) Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 24–43.

Shvarc Sh., Butenko T.P., Sedova D.S. (2012) Utochnennaja teorija bazovykh individual'nykh cennostej: primenenie v Rossii [Refined Theory of Basic Individual Values: Application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshe Shkoly Ekonomiki*. no. 2, pp. 24–43. (In Russ.)

Arat E., Bilgili Ö. (2021) Transnational and Local Co-Ethnic Social Ties as Coping Mechanisms against Perceived Discrimination – A Study on the Life Satisfaction of Turkish and Moroccan Minorities in the Netherlands // *Frontiers in Sociology*. No. 6. (<https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.671897>)

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 3. No. 55. Pp. 303–332. (doi:10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x)

Phinney J., Ong A. (2007) Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // *Journal of Counseling Psychology*. Vol. 54. Pp. 271–281.

Информация об авторах

Федотова Вера Александровна, младший научный сотрудник, старший преподаватель департамента менеджмента факультета социально-экономических и компьютерных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь. Адрес: 614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38. E-mail: VAFedotova@hse.ru

Черкасова Елена Владимировна, доктор медицинских наук, доцент, Пермский государственный медицинский университет им. академика Е.А. Вагнера. Адрес: 614000, Россия, г. Пермь, ул. Петropавловская, д. 26. E-mail: CherkasovaElv1@gmail.com.

About the authors

Vera A. Fedotova, Junior Research Fellow, Senior Lecturer, Department of Management, Faculty of Socio-Economic and Computer Sciences, HSE University – Perm Campus. Address: 614070, Russia, Perm, Studencheskaya St., 38. E-mail: VAFedotova@hse.ru

Elena A. Cherkasova, Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner (PSMU). Address: 614000, Russia, Perm, Petropavlovskaya st., 26. E-mail: CherkasovaElv1@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 04.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 28.09.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2023

УДК 330.16

DOI: 10.31857/S0869049923060102
EDN: MSEZWP

Оригинальная статья / Original article

Когнитивные искажения в поведении непрофессионального инвестора¹

© М.В. РЫЖКОВА, Э.Р. КАШАПОВА, А.М. ДИБРОВ, А.Е. КОСТРОМИНА

Рыжкова Марина Вячеславовна, Томский государственный университет, Томский политехнический университет (Томск, Россия), marybox@inbox.ru. ORCID: 0000-0002-0107-8016

Кашапова Эльмира Рамисовна, Томский государственный университет, Томский политехнический университет (Томск, Россия), kashapovaer@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5447-3941

Дибров Артем Михайлович, Томский государственный университет (Томск, Россия), dibrov5@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2954-9422

Костромина Арина Евгеньевна, Томский государственный университет (Томск, Россия), kostromina.rina@gmail.com

Исследование посвящено влиянию когнитивных искажений на финансовое поведение инвесторов. В теории инвестор – рациональный актор, в реальности его поведение подвержено систематическим ошибкам вследствие субъективных убеждений, эмоциональных и когнитивных причин. Это создает барьеры для принятия им рациональных финансовых решений, в результате чего на практике проявляется ограниченная финансовая грамотность. Цель исследования – предложить классификацию когнитивных искажений и выявить специфику их влияния на поведение розничных инвесторов. Проведен обзор исследований когнитивных искажений на финансовом рынке, вследствие которых происходит отклонение действий инвестора от рационального финансового поведения. Отмечено, что разные группы когнитивных искажений могут проявляться у разных типов инвесторов.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00806 (<https://rscf.ru/project/22-28-00806/>).

Funding. The study was supported by the Russian Scientific Foundation grant no. 22-28-00806 (<http://rscf.ru/project/22-28-00806/>).

Благодарности. Выражаем особую благодарность за экспертизу и ценные идеи кандидату экономических наук, доценту Томского политехнического университета Жанне Александровне Ермушко, а также рецензенту журнала, чьи замечания позволили яснее изложить результаты исследования.

Acknowledgements. We express special gratitude for expertise and valuable ideas to the Candidate of Sciences (Economics), associate professor of the Tomsk polytechnic university Janna Aleksandrovna Ermushko and to the reviewer of the article for comments that allowed us to present the results of the study clearly.

Раскрыта роль программ повышения финансовой грамотности в преодолении несовершенств принятия инвестиционных решений. Результаты исследования показывают, что программы финансовой грамотности не являются панацеей для решения проблемы неэффективных инвестиций и должны включать практические инструменты по преодолению последствий когнитивных искажений.

Ключевые слова: финансовая грамотность, когнитивные искажения, непрофессиональный инвестор

Цитирование: Рыжкова М.В., Кашапова Э.Р., Дибров А.М., Костромина А.Е. (2023) Когнитивные искажения в поведении непрофессионального инвестора // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 134–148. DOI: 10.31857/S0869049923060102, EDN: MSEZWP.

Cognitive Biases in the Behavior of Nonprofessional Investor

© M. RYZHKOVA, E. KASHPAROVA, A. DIBROV, A. KOSTOMINA

Marina V. Ryzhkova, Tomsk State University (Tomsk, Russia), marybox@inbox.ru. ORCID: 0000-0002-0107-8016

Elmira R. Kashapova, Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia), kashapovaer@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5447-3941

Artem M. Dibrov, Tomsk State University (Tomsk, Russia), dibrov5@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2954-9422

Arina E. Kostromina, Tomsk State University (Tomsk, Russia), kostromina.rina@gmail.com

Abstract. The impact of cognitive biases on the financial behavior of investors is studied. In theory, an investor is a rational actor; in reality, his/her behavior is subject to systematic errors due to subjective beliefs, emotional and cognitive reasons. This creates barriers to making rational financial decisions, resulting in limited financial literacy in practice. The purpose of the study is to classify cognitive biases and identify the specifics of their manifestation among retail investors. A literature review of studies of cognitive biases in the financial market, as a result of which the investor's actions deviate from rational financial behavior, is presented. A classification of cognitive biases is proposed taking into account their characteristics and the degree of influence on the behavior of professional and non-professional investors. An analysis of the role of financial literacy programs in overcoming imperfections in investment decision-making is given. The study's findings suggest that financial literacy programs are not a panacea for ineffective decisions and justify the need to include practical tools to overcome manifestations of cognitive biases.

Keywords: financial literacy, cognitive biases, non-professional investor

Citation: Ryzhkova M., Kashapova E., Dibrov A., Kostromina A. (2023) Cognitive Biases in the Behavior of Nonprofessional Investor. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 134–148. DOI: 10.31857/S0869049923060102, EDN: MSEZWP.

Большая часть теоретических концепций в области финансов базируется на представлении о том, что участники финансового рынка действуют рационально и учитывают всю доступную информацию в процессе принятия инвестиционных решений (принципы арбитража Миллера и Модильяни, портфельный принцип Марковица, теория ценообразования Шарпа, теория эффективного рынка Фамы и др.). Однако ряд экономистов ([Kahneman, Riepe 1998, Stiglitz 1981, Malkiel 2003] и др.) в ходе эмпирических исследований выявил

многочисленные примеры иррационального поведения инвесторов, т. е. повторяющиеся шаблоны поведения, непоследовательность, спонтанность в принятии решений в условиях неопределенности. Ситуация усугубилась, когда благодаря цифровым технологиям доступ к финансовому рынку получил широкий круг непрофессиональных инвесторов, не обладающих должными знаниями, навыками обработки информации и принятия финансовых решений, а также практическим опытом, что ставит на повестку вопрос об адекватности моделей динамики рынка, основанной на предпосылке о рациональности агентов. Так, ведущий сторонник гипотезы эффективного рынка Б. Малкиел [*Malkiel 2003*] утверждает, что даже если на рынке часть агентов ведет себя нерационально, можно описывать рынок классическими моделями – рыночная динамика от этого в целом не меняется. Если принять иррациональность поведения за белый шум, то ситуация понятна – последним можно пренебречь при агрегировании действий агентов. Однако возникает сомнение: а если иррациональные поступки непрофессионалов систематичны? Тогда возникают два исследовательских вопроса: существуют ли различия в ошибках при принятии решений (когнитивных искажениях) у профессиональных и непрофессиональных инвесторов; решает ли повышение финансовой грамотности проблему снижения влияния когнитивных искажений.

Объект исследования – финансовое поведение инвесторов (профессиональных и непрофессиональных), предмет рассмотрения – когнитивные искажения непрофессиональных инвесторов с целью определить возможности воздействовать на их финансовую грамотность и границы этого воздействия.

Цель исследования – классифицировать когнитивные искажения розничных инвесторов и выявить специфику проявления этих искажений у профессиональных и непрофессиональных игроков финансового рынка.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе предложена оригинальная классификация когнитивных искажений с позиции профессионализма инвесторов, что позволяет установить дифференцированные требования к их защите.

В первом разделе исследования показана роль когнитивных искажений в процессе принятия решений; во втором разделе изложена авторская классификация когнитивных искажений, характерных для профессиональных и непрофессиональных инвесторов; в третьем разделе показана связь когнитивных искажений и программ повышения финансовой грамотности.

Когнитивные искажения: генезис классификации

В основе неоклассической экономической теории находится модель рационального выбора, предпосылки которой постепенно ослабевают. Традиционная дилемма заключена в противоречии между теоретической моделью и ограничением ее применения к объяснению реального экономического поведения.

Согласно теории ограниченной рациональности, экономические субъекты стремятся действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в ограниченной степени, что обуславливают следующие факторы [*Simon 1978; Campitelli, Gobet 2010*]:

- отсутствие доступности и полноты информации в процессе принятия решения;
- когнитивные ограничения в ситуации выбора;
- ограниченность времени для принятия решения.

Д. Канеман, один из основоположников поведенческой экономики, продолжая развивать положение об ограниченной рациональности сквозь призму психологического

знания, пришел к выводу, что в процессе эволюции человеческий мозг выработал две системы принятия решений [Kahneman, Tversky 2000]:

1. Система 1 опирается на опыт, применяет уже готовые шаблоны поведения, отвечает за эмоции и эвристику («она всему верит и легко строит ассоциации»).
2. Система 2 отвечает за рациональные рассуждения и сложные решения, анализирует проблемы, взвешивает альтернативы, ищет данные в памяти, занимается критикой и расчетами.

При принятии субъектом решения взаимодействуют обе системы: в зависимости от контекста и временных ограничений на первый план выступает одна из них, при этом обе подвержены систематическим ошибкам, т. е. когнитивным искажениям.

Под когнитивными искажениями понимают систематические ошибки в мышлении, связанные со сформированными у индивида убеждениями и установками [Tversky, Kahneman 1974]. Речь идет не о случайных ошибках, а о предсказуемо появляющихся в схожих ситуациях. В основе когнитивных искажений лежат ложные убеждения, эмоциональные процессы, искажения при анализе информации и другие свойства психики человека, которые создают барьеры для восприятия информации и препятствуют формированию объективной оценки, особенно если ситуация характеризуется неопределенностью и риском.

Из двух вышеизложенных подходов следует, что индивид не может действовать абсолютно рационально, т. к. он не обладает способностями к обработке всей информации, но при этом имеет готовые шаблоны поведения (система 1), чтобы быстро принять решение. Другими словами, часть процесса мышления работает автоматически и может приводить к систематическим ошибкам, а часть позволяет до некоторой степени с этими ошибками совладать. В целом выводы американских исследователей в области когнитивной психологии Г. Саймона и Д. Канемана достаточно абстрактны. Вместе с тем можно предположить, что индивиды в разной степени полагаются на систему 2, что приводит к разной степени склонности к когнитивным искажениям.

С тех пор как исследователи стали собирать данные об аномалиях экономических агентов при выборе решения, прошло полвека. Тем не менее в мировом научном дискурсе не сложилась единая общепризнанная классификация когнитивных искажений. На данный момент в научных работах происходит накопление эмпирических данных о когнитивных искажениях. Важно отметить, что представители различных наук (психологии, экономики, социологии, биологии, др.) могут иметь свое представление о модели человеческого поведения. Однако в области изучения когнитивных искажений происходит конвергенция взглядов психологов и экономистов с целью усилить объясняющую и прогностическую составляющую создаваемых ими теорий.

Современные авторы пытаются обобщить накопленные знания. В частности, Б. Бенсон [Benson 2019] создал наиболее популярную классификацию когнитивных искажений, выделив четыре основные проблемы, с которыми люди встречаются ежедневно:

- слишком много информации. Человеческий мозг стремится отфильтровать достаточно большое количество данных, чтобы выделить те, которые, возможно, будут полезны в будущем;
- недостаточно смысла. Человек не в состоянии усвоить всю необходимую информацию, поэтому при поступлении указанного потока данных мозг заполняет пробелы уже имеющимися стереотипами и предубеждениями;
- нужно действовать быстро. Чтобы своевременно реагировать на различные жизненные ситуации, необходимо уметь быстро оценивать происходящее и строить предположения о будущем;

• помнить или забыть. Человеческая память избирательна в ходе забывания и припоминания, в этом процессе есть свои закономерности и неравномерности.

Классификация когнитивных искажений Б. Бенсона связана с идеями Г. Саймона и Д. Канемана: в ней сделан акцент именно на гиперинформативность (информационную избыточность, характерную для финансового рынка) среды, которая ограничивает мышление и действия индивидов.

Не стоит считать когнитивные искажения однозначной ущербностью акторов: наряду с ограничениями в принятии решения они предоставляют определенные возможности (таблица 1).

Таблица 1

**Возможности и ограничения в принятии решений,
 следующие из наличия когнитивных искажений – fast and frugal heuristics**

Table 1

**Opportunities and limitations of the decision-making process due to cognitive distortions –
 fast and frugal heuristics**

Возможности, которые дают когнитивные искажения (конструктивная роль)	Ограничения, которые накладывают когнитивные искажения (компенсаторная роль)
Снижается когнитивная нагрузка, связанная с переизбытком информации (мозг человека может отсеять ту часть информации, которая с наибольшей степенью вероятности ему не пригодится в будущем)	Человеческий мозг в процессе функционирования может отсекают не только бесполезную информацию, но и полезную
Облегчается понимание мира (информация, которая поступает в человеческий мозг из внешнего мира, достраивается до одной целостной картины, формируемой на основе предыдущего опыта и личных стереотипов)	Люди достраивают информацию из внешнего мира с помощью собственных убеждений, которые могут сместить выбор
Происходит экономия времени на принятие решений (рациональное принятие решений ресурсоемкое – требует много времени и умений его применять, когнитивные искажения ускоряют процесс)	Быстрое принятие решений ведет к увеличению вероятности ошибки выбора

Источник: на основе [Gigerenzer, Todd 1999].

Source: based on [Gigerenzer, Todd 1999].

В целом когнитивные искажения помогают быстро расставить приоритеты в разнородных сигналах динамичной внутренней и внешней среды, что обеспечивает адаптацию человека к ним. Можем предположить, что общим объясняющим основанием когнитивных искажений выступает синтез знаний о психогенной и нейробиологической природе человека. Другими словами, с одной стороны, когнитивные искажения обусловлены социально-психологическими факторами (убеждения, стереотипы), которые оказывают влияние на мышление, восприятие, память, эмоции и волю человека. С другой стороны, когнитивные искажения проявляются в результате сбоев в обработке и анализе информации человеком, и связаны они с естественно-биологическими ограничениями и особенностями строения человеческого мозга. Однако пока уровень изученности человеческого мозга не достиг такой глубины.

В области знаний о систематических ошибках принятия решений происходит накопление феноменов. К сегодняшнему дню самая обширная подборка когнитивных искажений

собрана на ресурсе Wikipedia.org, где насчитывается 15 групп когнитивных искажений верхнего уровня и 230 когнитивных искажений нижнего уровня классификации². Однако часть из них не отнесены ни к одной классификационной группе, что вызывает стремление у научного сообщества создать удобное для использования разделение искажений на группы. Поиск систематизированных обзоров когнитивных искажений также не дал результатов.

Как показывает вышеизложенное, создать универсальную классификацию пока не представляется возможным. Тем не менее можно сделать частную классификацию для анализа когнитивных искажений при принятии инвестиционных решений, что позволит обобщить разрозненные исследования об отдельных когнитивных искажениях частных инвесторов.

Классификация когнитивных искажений у профессиональных и непрофессиональных инвесторов

При изучении когнитивных искажений нами были найдены исследования, посвященные разнице в их проявлении у людей с разными характеристиками (возраст, пол, опыт, профессия, уровень финансовой грамотности, отношение к риску и др.). В частности:

- возраст, профессия и опыт инвестора – наиболее значимые факторы, влияющие на проявления когнитивных искажений [Baker, Kumar, Goyal, Gaur 2019];
- мужчины более уверены в своих знаниях о фондовом рынке [Adil, Singh, Ansari 2022];
- уровень финансовой грамотности не имеет существенной связи с чрезмерной самоуверенностью и эмоциональными искажениями инвесторов [Adil, Singh, Ansari 2022];
- инвесторы с более высоким годовым доходом менее подвержены когнитивным искажениям (ментальный учет, неприятие риска), для сверхуверенности эффект незначим [Isidore 2019];
- отношение к риску и мотивы сбережений у инвесторов не влияют на проявление эффекта диспозиции (склонность продавать прибыльные активы слишком рано и держать убыточные активы слишком долго) [Jonsson, Söderberg, Wilhelmsson 2017];
- когнитивные искажения можно рассматривать в качестве деструктивного фактора при проведении государственных программ по повышению финансовой грамотности населения [Jonsson, Söderberg, Wilhelmsson 2017].

Отдельный пласт исследований посвящен профессиональному аспекту:

1) даже профессиональные инвесторы (финансово грамотные и опытные) не всегда действуют рационально [Baker, Kumar, Goyal, Gaur 2019];

2) профессиональные инвесторы фондового рынка проявляют чрезмерную самоуверенность, что вызывает ошибки в прогнозировании изменения котировок акций и в анализе рыночной конъюнктуры [Parhi, Pal 2022];

3) среди профессиональных инвесторов влияние неприятия риска и эффекта стадности на инвестиционное решение является отрицательным и статистически значимым, в то время как влияние эффекта сверхуверенности является положительным и статистически значимым [Jain, Walia, Kaur, Singh 2022];

4) когнитивные искажения инвесторов, получивших финансовое образование, отличаются от таковых у инвесторов без финансового образования. У последних наблюдается больше эмоциональных искажений. Тем не менее повышение уровня финансовой грамотности уменьшает влияние когнитивных искажений, что положительно влияет на поведение инвесторов на финансовых рынках [Özen, Ersoy 2019].

² List of cognitive biases. Wikipedia (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_cognitive_biases).

В этом контексте представляется весьма перспективным изучать когнитивные искажения в профессиональном аспекте, что позволит:

- понять степень влияния когнитивных искажений на поведение инвесторов в зависимости от уровня их профессионализма;
- определить степень воздействия на финансовую грамотность непрофессиональных инвесторов, а также границы такого воздействия с учетом влияния когнитивных искажений;
- модернизировать программы повышения финансовой грамотности на национальном уровне в условиях развития и роста привлекательности финансового рынка для начинающих инвесторов.

Когнитивные искажения – неотъемлемая часть человеческой психики. Они воздействуют на поведение и непрофессиональных, и профессиональных инвесторов, но степень влияния различается. Излишняя эмоциональность у профессионального инвестора не проявляется в силу глубокого понимания им трендов и концептов торговли, долгих лет тренировок фиксации и контроля над эмоциональным состоянием в ситуации риска при обращении с большими суммами. Однако это не означает, что профессиональные инвесторы вообще не испытывают эмоции, совершая инвестиционные сделки. Скорее речь идет о контроле: он проявляется в том, что профессиональный инвестор реже будет корректировать инвестиционную стратегию под воздействием массовых смен настроения. Профессиональный инвестор выделяет время на отработку торговых (инвестиционных) навыков, постоянно изучает статистические данные, проявляет рефлекссию, т. е. стремится рационализировать процесс принятия решения, ограничивая влияние эмоционального аспекта мышления. Базовые принципы использования торговых (инвестиционных) стратегий этому и посвящены [Тоцаков 2008]:

- торговый счет должен быть достаточно большим, чтобы соответствовать рыночным условиям и обеспечивать необходимую безопасность и гибкость в принятии решений;
- для того, чтобы принимать разумные инвестиционные решения в соответствии с определенными сигналами рынка, необходима торговая философия и полезная привычка напоминать себе, что рынок объективен (за пределами человеческой воли и прогноза);
- важно делать паузу, если не получается торговать с прибылью (возможно, не хватает навыков, требуется анализ ошибок).

Проявление когнитивных искажений у непрофессиональных инвесторов в большей степени обусловлено чрезмерными эмоциональными реакциями и некомпетентностью как неспособностью обработать всю имеющуюся на рынке информацию и отсутствием времени на это. Также непрофессиональные инвесторы могут делать ошибочные выводы и принимать неудачные решения, но не осознавать эти ошибки из-за неполноты знаний, умений и навыков (эффект Даннинга–Крюгера³).

Инвесторы – не роботы, а люди, и многие когнитивные искажения имеют в своей основе эволюционную природу, а значит, для профессиональных и непрофессиональных инвесторов можно выделить группу общих когнитивных искажений. Причина общих когнитивных искажений заключается в том, что внешняя среда быстро меняется, а шаблоны мышления отстают в обновлении. Например, инвестор инстинктивно (для снижения дискомфорта от стресса) стремится сделать незнакомую ситуацию на рынке определенной; путем чрезмерной уверенности в своих силах он пытается держать под контролем благоприятный исход собственных инвестиций. На самом деле рыночная конъюнктура может измениться мгновенно, а корректировка инвестиционной стратегии не последует. В периоды же высокой волатильности такое затруднительно сделать даже профессиональ-

³ List of cognitive biases. Wikipedia (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_cognitive_biases).

ному инвестору, риски которого растут по всему портфелю, и не факт, что выбранные стратегии позволят их избежать. Часть когнитивных искажений связана с профессиональной переутомляемостью в длительном периоде.

Таким образом, предлагается разделить когнитивные искажения на: общие, профессиональных и непрофессиональных инвесторов. Основа классификации данного распределения может быть представлена естественно-биологическими ограничениями (общие когнитивные искажения) человеческого мозга и степенью выраженности психоэмоционального фактора (искажения профессиональных и непрофессиональных инвесторов) в финансовом поведении.

При этом мы не постулируем, что какое-то из когнитивных искажений абсолютно не присуще профессиональным или непрофессиональным инвесторам. Речь идет о степени выраженности данного когнитивного искажения.

В таблице 2 приведено распределение когнитивных искажений на общие, а так же на искажения профессиональных и искажения непрофессиональных инвесторов.

Таблица 2

**Группы общих когнитивных искажений, искажений
у профессиональных и искажений у непрофессиональных инвесторов**

Table 2

Groups of general cognitive biases, biases of professional and nonprofessional investors

Общие искажения
«Иллюзия контроля» – ничем не подкрепленная вера инвестора в то, что он обладает всеми необходимыми знаниями и навыками, чтобы контролировать или влиять на процессы финансового рынка [Thompson 1999]. «Эффект неоднозначности» – искажение, которое приводит инвестора к убыточным сделкам на финансовом рынке из-за недостатка информации относительно динамики активов [Ellsberg 1961]. «Иллюзия кластеризации» – инвестор постоянно видит несуществующие торговые паттерны или сигналы на графиках при применении инструментов технического анализа финансового рынка [Kahneman, Riepe 1998]. «Эффект сверхуверенности» – ситуация, когда инвестор переоценивает свои знания, умения и навыки в процессе принятия инвестиционных решений [Pallier, Wilkinson, Danthiir, Kleitman, Knezevic, Stankov, Roberts 2002; Hirshleifer, Luo 2001].
Когнитивные искажения профессиональных инвесторов
«Профессиональная деформация» – появление депрессии, морального и физического истощения у инвестора, т. к. он находится зачастую в стрессовой ситуации во время торгов [Merton 1968, 198]. «Консерватизм» – склонность инвестора необъективно оценивать изменения на финансовых рынках в силу чрезмерной уверенности в том, что в долгосрочном периоде рынок вернется к прежним параметрам [Kadiyala, Rau 2004]. «Предпочтение нулевого риска» – предпочтение снижать до нуля риск по одному из активов, даже если неминимальные риски по компонентам портфеля минимизируют риск всего портфеля [Baron 2003].
Когнитивные искажения непрофессиональных инвесторов
«Неприятие потерь» – удержание в своем инвестиционном портфеле убыточного актива, который длительное время теряет в цене, несмотря на получение убытков по данному активу [Tversky, Kahneman 1992]. «Победителей не судят» – стремление инвестора добиться положительного финансового результата любой ценой, не стараясь оценивать качество своих решений [Baron, Hershey 1988; König-Kersting, Pollmann, Potters, Trautmann 2021].

«Ошибка в предсказаниях» – склонность обращать внимание на один, возможно неважный фактор, на основании которого моделируются будущие ценовые движения актива [Kahneman, Krueger, Schkade, Schwarz, Stone 2006].

«Эффект авторитета» – стремление инвестора постоянно прислушиваться к мнению экспертов и строго следовать их советам в части выбора объекта для инвестирования [Milgram 1963; Engelmann, Capra, Noussair, Berns 2009].

«Стадный эффект» – ситуация, когда инвестор принимает инвестиционное решение, подражая большинству [Brunnermeier 2001].

«Ошибка игрока» – ситуация, когда инвестор излишне осторожничает на растущем финансовом рынке и излишне рискует на падающем рынке в ожидании быстрой смены тренда [Beach, Swensson 1967].

«Эффект контраста» – резкое падение цены актива провоцирует инвестора на покупку, так как новая цена кажется низкой, и наоборот [Rossotti 1985; Hartzmark, Shue 2018].

«Синдром упущенных возможностей» – страх инвестора пропустить возможность вложиться в трендовый актив [Przybylski, Murayama, DeHaan, Gladwell 2013].

«Опережение» – склонность инвестора неоправданно рано входить в инвестиционную позицию в ожидании прибыли [Kukla 2006].

«Ускорение» – склонность инвестора совершать большое количество торговых операций в расчете, что по совокупности финансовый результат будет положительным [Kukla 2006].

«Склонность к поиску дополнительной информации» – склонность инвестора постоянно искать новую информацию об активе даже тогда, когда она не влияет на ценовую динамику актива [Nickerson 1998].

«Пристрастие к отечественным активам» – склонность инвесторов-новичков покупать финансовые активы их собственной страны [McQueen, Karlsson 2007].

Примечание: классификация является авторской.

Note: classification by the authors.

Источник: подбор когнитивных искажений сделан по ключевым словам «cognitive biases» и «financial market» из полнотекстовых баз научных публикаций.

Source: the set of cognitive biases was compiled with keywords “cognitive biases” and “financial market” from full text bases of scientific publications.

Поясним таблицу.

Группа 1. Общие когнитивные искажения.

Эффект неоднозначности предполагает, что люди обычно предпочитают скромный, но заранее известный результат, чем риски. У профессионального инвестора, имеющего в доверительном управлении активы клиентов, может возникнуть страх перед высокорискованными вложениями, т. к. он использует не свои деньги. Потеря денег клиентов – утрата репутации профессионального инвестора. Непрофессионального инвестора данное искажение может сдвигать в консервативную стратегию, которая предполагает получение небольшой доходности при минимальных рисках. Выбор высокорискованной стратегии предъявляет высокие требования к знаниям и навыкам инвесторов.

Иллюзия контроля. У профессионального инвестора может возникнуть иррациональная вера в то, что он способен влиять на события, которые объективно от него не зависят, особенно после получения положительного финансового результата в течение своей длительной инвестиционной деятельности. Также может возникнуть вера в незыблемость графических паттернов инвестиционной стратегии, которые приводили ранее инвесторов к прибыли (иллюзия кластеризации, эффект сверхуверенности). У непрофессионального инвестора данное искажение проявляется из-за его некомпетентности и ложной стереотипизации вследствие того, что он поверхностно понимает принципы технического анализа финансового рынка.

Причины: чрезмерность информационной среды, ограниченные когнитивные способности любого инвестора.

Группа 2. Когнитивные искажения профессиональных инвесторов.

Профессиональная деформация возникает в результате длительного ежедневного пребывания в рабочем процессе, что искажает его восприятие через призму профессиональных обязанностей и интересов.

Консерватизм проявляется в выборе хорошо проверенной стратегии инвестирования и недоверии к новым инструментам анализа, особенно если в доверительном управлении находятся деньги клиентов.

Предпочтение нулевого риска позволяет профессиональному инвестору снизить когнитивную нагрузку, убрав один из параметров риска из поля зрения, тем самым упростив задачу.

Причины: «замыливание глаза», когнитивная усталость, страх ухудшить репутацию.

Группа 3. Когнитивные искажения непрофессиональных инвесторов.

Все когнитивные искажения непрофессиональных инвесторов связаны с чрезмерными психоэмоциональными реакциями на предполагаемую возможность быстро разбогатеть, что усиливается некомпетентностью и неготовностью обучаться. Непрофессиональный инвестор занят постоянным поиском легких путей получить сверхприбыль от инвестиционной деятельности, не рефлексировывает и не соблюдает базовые принципы инвестирования, неумеренно использует кредитное плечо, подвержен слухам, не ведет статистику своих сделок и др. Получить в такой ситуации систематическую прибыль маловероятно. У непрофессионального инвестора создается благодатная почва для проявления группы когнитивных искажений, с которыми профессиональные инвесторы учатся справляться.

Служит ли выходом из этой ситуации рост финансовой грамотности и осознанности непрофессиональных инвесторов?

Финансовая грамотность и когнитивные искажения: границы воздействия

Согласно Стратегии повышения финансовой грамотности на 2017–2023 гг. Правительства РФ⁴, «финансовая грамотность – результат, формирующийся в процессе получения финансового образования, который представляет собой комбинацию таких элементов, как осведомленность, знания, умения и поведенческие модели, необходимых для принятия эффективных финансовых решений и достижения финансового благосостояния». Данное определение допускает полную рациональность индивида, т. е. предполагает, что люди при принятии решений используют доступную информацию наилучшим образом с целью максимизировать выгоду. В результате повышения уровня финансовой грамотности в документе постулируется формирование рационального финансового поведения, которое включает разумные, осмысленные действия на финансовом рынке, с целью повысить материальный достаток и благополучие в будущем [Сушко 2014].

Говоря о роли когнитивных искажений на отечественном финансовом рынке, в первую очередь возникает вопрос о доверии к финансовому рынку. Уровень доверия определяется историей, семейными традициями, результатами успешных инвесторов и др. Горький опыт, который помнит взрослое поколение России, – обесцененные сбережения населения в результате «шоковой терапии» и гиперинфляции 1990-х гг. – до сих пор влияет на финансовое поведение. Вложения в финансовые пирамиды в эпоху становления рыночной эко-

⁴ Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2017 г. № 2039-р.

номики вызывают страх перед ценными бумагами. Для узнаваемого проявления в поведении отечественных инвесторов когнитивных искажений, наблюдаемых зарубежными авторами, сама торговля физических лиц на финансовом рынке должна быть конституирована, стабильна и прозрачно настроена, чего пока не наблюдается. Более того, события на фондовом рынке весны 2021 г. вернули инвесторов на 30 лет назад.

Внедрение новых технологий и финансовая либерализация во всем мире сделали новые финансовые продукты и услуги доступными широкому кругу лиц. Между тем непонятно, смогут ли новые участники финансовой системы принимать более или менее оптимальные финансовые решения [Carpenna, Cole, Shapiro, Zia 2011]. Рациональное финансовое поведение при наличии когнитивных искажений труднодостижимо и по сути служит эталоном уровня финансовой грамотности, а значит, реально формируется ограниченная финансовая грамотность. Наличие ограниченно рационального финансового поведения ставит вопрос о возможностях и уровне проявления финансовой осознанности и способностях применять полученные в ходе обучения финансовые знания при принятии инвестиционных решений.

Правительства, фирмы и некоммерческие организации предлагают программы финансового образования для решения данной проблемы. Финансовую грамотность оценивают не только по наличию знаний в области финансов, но и по установкам и поведению⁵.

Однако программы финансовой грамотности не так однозначно влияют на изменения финансового поведения индивида. Тесная связь между финансовым образованием и финансовым поведением отсутствует по нескольким причинам. Во-первых, сами программы повышения финансовой грамотности могут оказаться неэффективными, так как они включают краткий курс, который может быть неактуальным, неинформативным или неинтересным для целевой аудитории. Во-вторых, найти квалифицированных преподавателей может быть непросто [Carpenna, Cole, Shapiro, Zia 2011]. В-третьих, нет универсального срока обучения, чтобы достичь желаемого результата в инвестиционной деятельности – следует тратить много ресурсов на отслеживание, контроль и самообучение торговле на финансовом рынке. В-четвертых, программы финансовой грамотности могут быть эффективны, но измерить изменение в финансовом поведении довольно сложно [Carpenna, Cole, Shapiro, Zia 2011]. Эффект от программ может иметь отложенный характер, а преимущества от полученных знаний дифференцированы у разных социальных слоев населения: обучить – не значит изменить поведение.

С другой стороны, в работе [Кислицын 2020] рассмотрены причины низкой эффективности программ повышения финансовой грамотности: поведенческие факторы, «невозможность определить “финансово грамотное” поведение с позиции стороннего наблюдателя», а критерии оценки поведения либо носят процедурный характер, либо нормативны.

Когнитивные искажения затрудняют обучение инвестированию. Подключение системы 2 когнитивно затратно, требуются навыки обучения, готовность и ресурсы это делать. Гораздо проще попасть под влияние эффекта Даннинга-Крюгера и изобрести собственные торговые стратегии или присоединиться к стратегиям непроверенных инфлюенсеров («инфоцыган от инвестиций»).

Информирование потенциального инвестора о когнитивных искажениях [Zindel, Zindel, Quirino 2014] может помочь избежать ошибок в процессе принятия финансовых решений, распределения активов и, как следствие, улучшить будущие показатели. Благодаря систематизации информации о поведении инвесторов и их типовых ошибках принятия

⁵ Financial Literacy Competencies For Adults. OECD/INFE International Survey OFG20. (<https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/OECD-INFE-International-Survey-of-Adult-Financial-Literacy-Competencies.pdf>).

решений можно создать инструменты обучения, чтобы выявить когнитивные искажения в процессе торговли на финансовом рынке, что повысит результативность инвестиционной деятельности. Также акцент нужно сделать на борьбе с ошибками – формировать специальные навыки (саморефлексия перед принятием инвестиционного решения, кастомизация методов анализа финансового рынка, снятие психологического напряжения и др.) с учетом влияния когнитивных искажений на финансовое поведение. Задача максимум в этом процессе – выработать навыки и когнитивные схемы, снижающие потери от когнитивных искажений.

* * *

В ходе исследования рассмотрены подходы к пониманию финансовой грамотности инвестора и отмечена важность не просто иметь знания в области инвестирования, а необходимость формировать осознанное и ответственное финансовое поведение. Проведен обзор когнитивных искажений, рассматриваемых в научной литературе. Выявлено, что когнитивные искажения оказывают разное воздействие на профессиональных и непрофессиональных инвесторов, а отсутствие единой классификации для понимания степени влияния на поведение инвесторов обозначило необходимость группировать их с учетом уровня профессионализма. Таким образом, были выделены три группы когнитивных искажений: общие, профессиональных и непрофессиональных инвесторов. Было установлено, что основная причина когнитивных искажений у непрофессиональных инвесторов – их чрезмерная эмоциональность, низкая финансовая грамотность и осознанность.

Программы повышения финансовой грамотности не позволяют избавиться от ошибок выбора, связанных с когнитивными искажениями. Однако лекарство все же существует. Полученные результаты указывают на необходимость изменить программы повышения финансовой грамотности и включить в них практические инструменты, позволяющие выявлять и бороться с когнитивными искажениями, чтобы формировать рефлексивные навыки и когнитивные схемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кислицын Д.В. (2020) Программы повышения финансовой грамотности и финансовое поведение: почему люди не становятся «финансово грамотными»? // Вопросы экономики. № 9. С. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-80-93>

Kislitsyn D.V. (2020) Programmy povysheniya finansovoy gramotnosti i finansovoe povedenie: pochemu lyudi ne stanovyatsya «finansovo gramotnymi»? [Financial Literacy Training Programs and Financial Behavior: Why People Do Not Become “Financial Literacy”]. *Voprosy ekonomiki*. no. 9, pp. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-80-93> (In Russ.)

Сушко Е.Ю. (2014) Рациональность финансового поведения населения как фактор процветания финансового сектора // Мир экономики и управления. Т. 14. № 4. С. 99–110.

Sushko E.Yu. (2014) Racional'nost' finansovogo povedeniya naseleniya kak faktor procvetaniya finansovogo sektora [Rational Financial Behavior of Population as a Prosperity Factor of Financial Sector]. *Mir ekonomiki i upravleniya*. vol. 14, no. 4, pp. 99–110. (In Russ.)

Тошаков И. (2008) Forex: игра на деньги. Стратегии победы. СПб.: Питер. 256 с.

Toshchakov I. (2008) *Forex: igra na den'gi. Strategii pobedy* [Forex: Game for Money. Winning Strategies]. Saint Petersburg: Piter. 256 p. (In Russ.)

- Adil M., Singh Y., Ansari M.S. (2022) How Financial Literacy Moderate the Association between Behaviour Biases and Investment Decision? // *Asian Journal of Accounting Research*. Vol. 7. No. 1. Pp. 17–30. <https://doi.org/10.1108/AJAR-09-2020-0086>
- Baker H.K., Kumar S., Goyal N., Gaur V. (2019) How Financial Literacy and Demographic Variables Relate to Behavioral Biases // *Managerial Finance*. Vol. 45. No. 1. Pp. 124–146. <https://doi.org/10.1108/MF-01-2018-0003>
- Baron J. (2003) Value Analysis of Political Behavior. Self-Interested: Moralistic: Altruistic: Moral // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 151. No. 3. Pp. 1135–1167.
- Baron J., Hershey J.C. (1988) Outcome Bias in Decision Evaluation // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54. No. 4. P. 569.
- Beach L.R., Swensson R.G. (1967) Instructions about Randomness and Run Dependency in Two-Choice Learning // *Journal of Experimental Psychology*. Vol. 75. No. 2. Pp. 279–282.
- Benson B. (2019) Why Are We Yelling?: The Art of Productive Disagreement Portfolio. 288 p.
- Brunnermeier M.K. (2001) Asset Pricing under Asymmetric Information: Bubbles, Crashes, Technical Analysis, and Herding. Oxford: Oxford University Press on Demand. 244 p.
- Campitelli G., Gobet F. (2010) Herbert Simon's Decision-Making Approach: Investigation of Cognitive Processes in Experts // *Review of General Psychology*. Vol. 14. No. 4. Pp. 354–364.
- Carpene F., Cole S., Shapiro J., Zia B. (2011) The ABCs of Financial Literacy – Experimental Evidence on Attitudes, Behavior and Cognitive Biases. Preliminary Conference Draft – Not for General Distribution.
- Ellsberg D. (1961) Risk, Ambiguity, and the Savage Axioms // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 75. No. 4. Pp. 643–669.
- Engelmann J.B., Capra C.M., Noussair C., Berns G.S. (2009) Expert Financial Advice Neurobiologically “Offloads” Financial Decision-Making under Risk // *PLoS one*. Vol. 4. No. 3. Pp. e4957. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0004957>
- Gigerenzer G., Todd P.M. (1999) Fast and Frugal Heuristics: The Adaptive Toolbox // In: *Simple Heuristics that Make Us Smart*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 3–34.
- Hartzmark S.M., Shue K. (2018) A Tough Act to Follow: Contrast Effects in Financial Markets // *The Journal of Finance*. Vol. 73. No. 4. Pp. 1567–1613.
- Hirshleifer D., Luo G.Y. (2001) On the Survival of Overconfident Traders in a Competitive Securities Market // *Journal of Financial Markets*. Vol. 4. No. 1. Pp. 73–84.
- Isidore R.R. (2019) The Relationship between the Income and Behavioural Biases // *Journal of Economics, Finance and Administrative Science*. Vol. 24. No. 47. Pp. 127–144. <https://doi.org/10.1108/JE-FAS-10-2018-0111>
- Jain J., Walia N., Kaur M., Singh S. (2022) Behavioural Biases Affecting Investors' Decision-Making Process: A Scale Development Approach // *Management Research Review*. Vol. 45. No. 8. Pp. 1079–1098. <https://doi.org/10.1108/MRR-02-2021-0139>
- Jonsson S., Söderberg I. L., Wilhelmsson M. (2017) An Investigation of the Impact of Financial Literacy, Risk Attitude, and Saving Motives on the Attenuation of Mutual Fund Investors' Disposition Bias // *Managerial Finance*. Vol. 43. No. 3. Pp. 282–298. <https://doi.org/10.1108/MF-10-2015-0269>
- Kadiyala P., Rau P.R. (2004) Investor Reaction to Corporate Event Announcements: Underreaction or Overreaction? // *The Journal of Business*. Vol. 77. No. 2. Pp. 357–386.
- Kahneman D., Riepe M.W. (1998) Aspects of Investor Psychology // *Journal of Portfolio Management*. Vol. 24. No. 4. Pp. 52–65.
- Kahneman D., Tversky A. (2000) Choices, Values, and Frames. New York; Cambridge, UK: Russell Sage Foundation.
- Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D., Schwarz N., Stone A.A. (2006) Would you be Happier if You Were Richer? A Focusing Illusion // *Science*. Vol. 312. No. 5782. Pp. 1908–1910.

- König-Kersting C., Pollmann M., Potters J., Trautmann S.T. (2021) Good Decision vs. Good Results: Outcome Bias in the Evaluation of Financial Agents // *Theory and Decision*. Vol. 90. No. 1. Pp. 31–61.
- Kukla A. (2006) *Mental Traps: A Field Guide to the Stupid Mistakes that Can Ruin Your Life*. Toronto: Doubleday Canada. 244 p.
- Malkiel B.G. (2003) The Efficient Market Hypothesis and Its Critics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. No 1. Pp. 59–82.
- McQueen G.R., Karlsson A. (2007) The Homeboy Bias: Evidence For and Determinants Of. (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.971177>)
- Merton R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: Simon and Schuster. 702 p.
- Milgram S. (1963) Behavioral Study of Obedience // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 67. No. 4. Pp. 371–378.
- Nickerson R.S. (1998) Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises // *Review of General Psychology*. Vol. 2. No. 2. Pp. 175–220.
- Özen E., Ersoy G. (2019) The Impact of Financial Literacy on Cognitive Biases of Individual Investors // *Contemporary Issues in Behavioral Finance*. Emerald Publishing Limited. Vol. 101. Pp. 77–95.
- Pallier G., Wilkinson R., Danthiir V., Kleitman S., Knezevic G., Stankov L., Roberts R.D. (2002) The Role of Individual Differences in the Accuracy of Confidence Judgments // *The Journal of General Psychology*. Vol. 129. No. 3. Pp. 257–299.
- Parhi S.P., Pal M.K. (2022) Impact of Overconfidence Bias in Stock Trading approach: A Study of High Net Worth Individual (HNI) Stock Investors in India // *Benchmarking: An International Journal*. Vol. 29. No. 3. Pp. 817–834. (<https://doi.org/10.1108/BIJ-07-2020-0389>)
- Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. (2013) Motivational, Emotional, and Behavioral Correlates of Fear of Missing Out // *Computers in Human Behavior*. Vol. 29. No. 4. Pp. 1841–1848.
- Rossotti H. (1985) *Colour: Why the World Isn't Grey*. Princeton: Princeton University Press. 239 p.
- Simon H.A. (1978) Rationality as Process and as Product of Thought // *The American Economic Review*. Vol. 68. No. 2. Pp. 1–16.
- Stiglitz J.E. (1981) *Information and Capital Markets*. National Bureau of Economic Research. No. w0678.
- Thompson S.C. (1999) Illusions of Control: How We Overestimate Our Personal Influence // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 8. No. 6. Pp. 187–190.
- Tversky A., Kahneman D. (1974) Judgment Under Uncertainty. Heuristics and Biases // *Science*. No. 185. Pp. 1124–1131.
- Tversky A., Kahneman D. (1992) Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 5. Issue 4. Pp. 297–323.
- Zindel M.L., Zindel T., Quirino M.G. (2014) Cognitive Bias and Their Implications on the Financial Market // *International Journal of Engineering and Technology*. Vol. 14. No. 3. Pp. 11–17.

Информация об авторах

Рыжкова Марина Вячеславовна, доктор экономических наук, доцент, профессор Института экономики и менеджмента Томского государственного университета, заведующий Лабораторией психологической и финансовой безопасности человека в цифровом мире Томского государственного университета, профессор Бизнес-школы Томского политехнического университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: marybox@inbox.ru

Кашапова Эльмира Рамисовна, старший преподаватель Бизнес-школы Томского политехнического университета; младший научный сотрудник Лаборатории психологической и финансовой

безопасности человека в цифровом мире Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 30. E-mail: kashapovaer@gmail.com

Дибров Артем Михайлович, старший преподаватель Института экономики и менеджмента Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: dibrov5@yandex.ru

Костроминна Арина Евгеньевна, студентка Института экономики и менеджмента Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: kostromina.rina@gmail.com

About the authors

Marina V. Ryzhkova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economics and Management, Tomsk State University, Head of the Laboratory of Psychological and Financial Human Security in the Digital World, Tomsk State University; Professor, Business School of Tomsk Polytechnic University. Address: 634050, Russia, Tomsk, Lenin Ave., 36. E-mail: marybox@inbox.ru

Elmira R. Kashapova, Senior Lecturer, the Business School of Tomsk Polytechnic University; Junior Research Fellow, Laboratory of Human Psychological and Financial Security in the Digital World, Tomsk State University. Address: 634050, Russia, Tomsk, Lenin Ave., 30. E-mail: kashapovaer@gmail.com

Artem M. Dibrov, Senior Lecturer, Institute of Economics and Management, Tomsk State University. Address: 634050, Russia, Tomsk, Lenin Ave., 36. E-mail: dibrov5@yandex.ru

Arina E. Kostromina, Student, Institute of Economics and Management, Tomsk State University. Address: 634050, Russia, Tomsk, Lenin Ave., 36. E-mail: kostromina.rina@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 05.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.09.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2023